

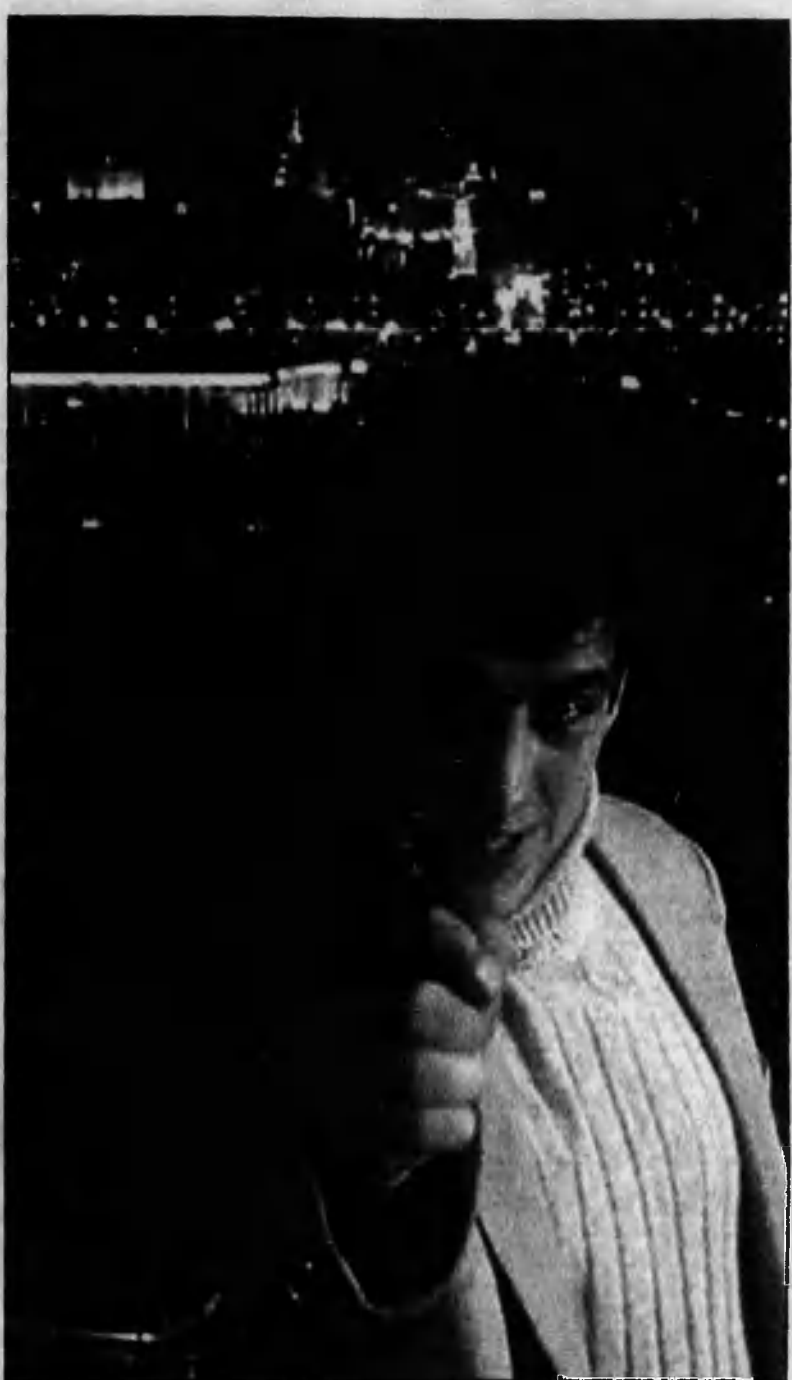

Герои иного труда

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»... Неслыханная дерзость по нынешним временам в этих словах. Пытались создать сказочную быль. Миллионы. Инженеры, сталевары, художники, лётчики, космонавты, рабочие, строившие самолёты и орбитальные станции. Их видела на экранах страна. Они сами себя видели на экранах. Труд и Труженик стояли в центре идеологии. Потом над этим решили посмеяться... И теперь, включив телевизор, можно узнать, что есть банкиры, «силовики», бандиты и проститутки. Всё остальное – «отстой». Вернуться в мифологию XX века невозможно, как и принять навязываемую ныне.

Читайте размышления об этом на 10-й странице.

АКТУАЛЬНО

Новый курс президента и старая экономическая политика

Президент Владимир Путин, выступая перед «верхушкой» российской власти, извещал всё российское общество о начале новой социальной политики.

«Ключевой вопрос государственной политики, – сказал он, – существенное повышение качества жизни граждан. Курс – на инвестиции в человека».

Как оказалось, речь идёт о масштабных расходах на здравоохранение, образование, жильё. Сумма этих расходов – порядка 100 миллиардов рублей. Для реализации амбициозных проектов будет создан Совет по реализации приоритетных национальных проектов, деятельность которого намерен контролировать лично президент.

Комментарии посыпались в великом изобилии. Были названы все возможные и невозможные причины президентских инициатив.

Одни говорили о смене экономического курса Кремля, другие о вступлении в новую избирательную кампанию и банальной, циничной подкачке, рассчитанной прежде всего на пиар-эффект. Высказывались подозрения, что мы становимся свидетелями начала глобального отхода от рыночных принципов. Говорили, что поддержка социального сектора в условиях инфляции означает обман людей – давая им одной рукой, государство будет забирать всё другой.

Одни эксперты тут же стали утверждать, что такое увеличение расходов на социальные нужды разрушит бюджет, что это просто популизм. В то время как другие утверждали, что указанная сумма 100 миллиардов рублей в пересчёте на доллары – это всего 3 миллиарда, то есть менее 0,5 процента ВВП! Согласитесь, смешная

сумма для российского бюджета, распухшего от нефтедолларов. Немало было и таких, которые просто засомневались: а удастся ли на деле выполнить те планы, о которых говорил президент? Ведь сколько раз мы были свидетелями того, как путём всевозможных финансовых и бюрократических мероприятий благие намерения превращались в свою противоположность...

Как же понимать происшедшее? Бить в ладоши от радости или скептически махнуть рукой – мол, знаем мы, чем всё это закончится?

Думается, надо сохранить благоприятные условия для

Да, с одной стороны, нельзя не порадоваться тому обстоятельству, что, кажется, уже общепризнанным становится мнение, что

страна не может больше развиваться так, как этого требуют либерально-рыночные догматы, уверенно держащие курс на превращение её в сырьевую придаток мировой экономики, лишённый перспектив иного развития.

С другой стороны, нет никакой уверенности, что люди, которые должны превращать благие намерения в реальность, захотят и сумеют сделать это.

Именно об этом – о тупиках старой экономической политики и о том, какой должна быть политика, отвечающая интересам людей, граждан России, – шла речь на недавнем круглом столе в редакции «ЛГ», материалы которого мы предлагаем сегодня вниманию наших читателей.

Продолжение темы на стр. 2, 3

Владимир Фаворский. «Скупой рыцарь». Из иллюстраций к «Маленьким трагедиям» А. С. Пушкина

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЭТЮД

Дотырились...

Наблюдая все те бурные события, которые происходили на прошлой неделе на Украине, очень трудно подвергать их беспристрастному политологическому анализу.

Всё это для нас так близко и знакомо, что постоянно хочется воскликнуть: что же вы, соседи, делаете? Мы же вас предупреждали, что так и будет!

Единственно, что, по моему мнению, не стоит делать – это поддаваться сладкому чувству злорадства, которое сквозит в некоторых российских комментариях.

Да, мы предупреждали украинцев, что, выйдя из правового поля, нарушив законы для того, чтобы свергнуть ненавистного Кучму, очень трудно будет потом строить правовое государство, начать жить по законам и решениям независимых судов. Но давайте вспомним, что весь беспредел и правовой нигилизм середины 90-х годов у нас был порождён в первую очередь трагическими событиями осени 1993 года, такой же верхушечной «революцией», но только ещё и со стрельбой.

Да, странно было видеть наивную веру многих украинцев в то, что «Запад нам поможет», что «евроатлантическая ориентация» сама по себе, без тяжёлого каждодневного труда приведёт их к спокойной, бюргерской жизни, «как в Европе». Но вспомним, сколько лет успешно морили нам голову сирены «европейского выбора» и как, так же, как на Украине, под эти сладкие песни, неприлично толкаясь на виду у всех, они делили между собой заводы и месторождения.

Да, глядя со стороны, легко увидеть элементы дурновкуса в последнем выступлении Юлии Тимошенко, когда прожжённый политик с усердием провинциальной актрисы изображала наивную обижённую девочку, эту самую Красную Шапочку, захваченную в диком лесу власти страшными волками из окружения президента. Но вспомните, сколько российских граждан, и не только с начальным образованием, до сих пор «ведётся» на откровенную и совсем нескрываемую демагогию Жириновского.

Да, беспринципность украинского политикума и головокружительная противоестествен-

ность создаваемых политических коалиций с непривычки поражают. Одна обсуждаемая сейчас на полном серьёзе возможность объединения Тимошенко и Януковича чего стоит! Но именно наш российский «цивилизованный бизнес» не один год развращал украинский политический класс бесчестными, лёгкими, незаработанными деньгами от совместной игры на разнице в ценах на российские энергоносители для Украины и Европы. Именно мы ради мифического политического влияния закрывали глаза на то, что газ ещё, как выразился наш президент, откровенно «тырили». В результате «тырить» вошло в привычку, и об этом пришлось говорить теперь и Юлии Тимошенко.

Так что злорадствовать по поводу последнего политического кризиса на Украине у нас нет никаких оснований. Свою голову украинцам приделывать не стоит, мы всё же кровные братья, и головы у нас, к сожалению, во многом одинаковые.

Владимир ЖАРИХИН, заместитель директора Института стран СНГ

В НОМЕРЕ:

ЖКХ идёт за мной	стр. 2
Спасибо, что не убили!	стр. 4
Имидж вместо мессиджа	стр. 7
Совесть – чувство революционное	стр. 8
Кирилл Лавров – герой на сцене, лидер в жизни	стр. 9
Пираты в правовом поле	стр. 13

ЛГ-РЕЙТИНГ

● Евгений Блажеевский. Монолог: Стихотворения. – М.: Союз российских писателей, 2005. – 248 с.

Поэт Евгений Блажеевский умер неожиданно – на 52-м году жизни в 1999 году. Всю свою жизнь он был поэтом – в стихах, в отношениях с людьми, в своих замечательных живописных работах. Книга стихов «Монолог» – это практически собрание его сочинений. При жизни поэта вышли две книги стихотворений «Тетрадь» (1984) и «Лицом к погоне» (1985). Третья книга «Черта» (2001) издана посмертно. И вот новая книга, издание которой подготовлено и осуществлено в рамках проекта, получившего грант президента РФ в области культуры (руководитель проекта – Людмила Абаева, составитель книги – Сергей Коробов). Предисловие к книге написал Юрий Кублановский: «...есть – Поэты, проживающие с о о о жизнь. И чаще всего – не длинную. Но горький свой жребий, выстраданное своё Слово они не променяют ни на какую удачу». Именно таким поэтом был Евгений Блажеевский. Он оставил книгу прекрасных стихов, свои живописные работы, память о себе в сердцах друзей и читателей. Его стихам суждена долгая жизнь, что подтверждают страницы великолепно изданной книги «Монолог»:

*Как хорошо, уставая в пустоту,
Лечь в траве среди металлолома
И понимать простую красоту
За гранью бол, за чертой надлома.*

В книгу также включён иллюстративный ряд, который представляет читателю Евгения Блажеевского не только как поэта, но и талантливого художника.

● Константин Баршт. Поэтика прозы Андрея Платонова. – 2-е изд., дополн. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 480 с. – (Филология и культура).

Труд доктора филологических наук Константина Баршта посвящён творчеству Андрея Платонова, одного из самых загадочных русских писателей XX века. Особое внимание уделено платоновскому языку и символике его произведений. «Нужно окончательно отбросить снобистскую улыбку при взгляде на научно-философские концепции Платонова и воспринимать его как писателя-философа, равного по идеологическому потенциалу Ф. Достоевскому и Л. Толстому», – утверждает автор. Прозаические произведения Платонова объединены религиозно-философской концепцией, основанной на убеждении, что космос, Земля и человек – единый организм, «вещество существования». Отсюда и своеобразная поэтика, подробно анализируемая в книге.

● Даниил Андреев. Стихотворения и поэмы / Предисловие А. Андреевой; Составление, вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. Романова. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 496 с.

Имя Даниила Андреева (1906–1959) представлять не нужно: едва ли кто-то не слышал об авторе знаменитой «Розы Мира». Впрочем, говоря об Андрееве-поэте, непременно следует добавлять слова «пророк», «вестник». Его творчество пронизано мистическим пафосом и представляет собой «попытку создать всеохватную поэтическую модель мира». Сам Даниил Леонидович обращается к читателю с требованием веры:

*Хочешь веру, а хочешь навежда
Эту книгу жгучую отбрось,
Ибо в мир из пламени и льда,
Наконец, увидит её ось.*

Даже сами названия произведений звучат таинственно – «Древняя лампа», «Голоса веков», «Восход души», «Немереча», «Русские боги»... Издание дополнено фотиллюстрациями и краткой летописью жизни и творчества Даниила Андреевича. К сожалению, эта книга – последняя из подготовленных вдовой писателя Аллой Андреевой, чья жизнь трагически оборвалась весной нынешнего года.

СОБЫТИЕ

Улица имени писателя

Имя уральского писателя Николая Григорьевича Никонова известно по его книгам (романы «Весталка», «Чаша Афродиты», «Стальные солдаты», поэма в прозе «След рыси», выходящая в «Роман-газете», повести «Мой рабочий одиннадцатый», «Глагол несовершенного вида», «Вкус жизни» и др.). Оно живёт в памяти благодарных читателей. А на днях имя Николая Никонова, которому в этом году исполнилось бы 75 лет (писатель скончался два года назад), по ходатайству Союза писателей и постановлением Екатеринбургской мэрии присвоено одной из центральных улиц города. Именно здесь, в бывшей Мельковской слободе, не раз воспитан прозаиком, прошли его детство и юность.

Планируется провести первые Никоновские чтения; подготовлен также проект мемориальной доски.

Пусть же вослед молодым читателям юные екатеринбуржцы, и не только они, увидев новое название на табличках домов у Городского пруда, запомнят имя. И не только запомнят, но и прочтут книги Н. Никонова. Одна из них в виде трёх избранных повестей вышла совсем недавно в Средне-Уральском книжном издательстве.

Владимир БЛИНОВ, соб. корр. «ЛГ» по Уралу

ПРЕМЬЕРА РУБРИКИ

Настоящее прошлое

Большим интервью журналистки Ларисы Богдановой с бывшим «президентом Чукотки», членом Президиума Верховного Совета СССР Анной Нуттаггыной, отмечающей в эти дни юбилей, мы начинаем нашу новую рубрику «Настоящее прошлое». В ней мы планируем рассказывать о людях, чьи имена когда-то были известны всей стране. А потом новые песни придумала жизнь. Но люди эти живы, как живы в памяти современников их добрые дела. Обращаемся к читателям «ЛГ» – подскажите, о ком из героев вчерашних дней вы хотели бы узнать? Ждём писем. А пока читайте 15-ю страницу номера.

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 8066 человек. Заходите!

ОЧЕВИДЕЦ

Событий много: среди них и трагические, и драматические, и даже комические, если, конечно, вдуматься в их суть. Но обо всём по порядку.

Послание расшифровано

Самое трагическое и поучительное – затопление Нью-Орлеана, гибель многих тысяч человек. Прочитав в этом смысле, что американцы представляли себя восточными наводнениями, а затем более или менее цивилизованно справились с его последствиями, как это зачастую подаётся в некоторых наших утилитарных комментариях. Поучительное в смысле противоположном – на себя оглянемся: а в каком состоянии у нас дамбы, плотины, шлюзы и т.п., и какой ущерб можем понести мы, если и дальше столь же наплевательским будем относиться ко всему этому хозяйству.

Притом, что американское руководство критикуется в своей стране за то, что слишком много внимания уделяет защите национальных интересов за рубежом в ущерб решению внутренних проблем, потому что дамы средств и не хватало (насколько война в Ираке на самом деле в национальных интересах США – это мы сейчас даже не обсуждаем, не о том речь). У нас же денег – просто девать некуда (разумеется, не у простых граждан, а у правительства). Тем не менее нет ни внятной защиты национальных интересов, ни надлежащих вложений в поддержание жизненно важной инфраструктуры. Наши деньги вложены в американские ценные бумаги, то есть в американскую экономику, американское производство и американскую же инфраструктуру – ту самую, на которую у самих американцев денег не хватает...

Правда, какие-то подвижки в вопросе расходования наших государственных средств происходят. Так, в специальном Послании, с которым президент выступил перед собранным для этого всем начальством («рядовых» депутатов Думы не приглашали – им разъяснят старшие товарищи), объявлено о программе «инвестиций в человеческий капитал», включающей, в том числе, увеличение расходов на социальную сферу. Можно, конечно, покрывать вливания за неуместный пафос в условиях, когда намеченные меры, мягко говоря, запоздали, а также за то, что на неделе у нас не одна пятница, а сразу семь. По-настоящему в официальном послании, с которым президент уже выступал в этом году перед Федеральным собранием, ни о чём подобном не говорилось. Надо понимать, спустя полгода одумались? Тем не менее лучше поздно, чем никогда. И повышение зарплат врачам и учителям, доступная ипотека – безусловное благо.

Правых же, склонных осуждать власть за «неуместный пафос» (рост социальных или, как они выражаются «непроцентных» расходов) заранее успокоили: эти меры, мол, не приведут к росту инфляции, так как выделяемые средства составят менее полутора процентов от ВВП. Добавлю: и лишь около 5 процентов от федерального бюджета, то есть по сравнению с потребностями, и с реальными возможностями государства – мизер.

Но гражданское общество, считающее себя вправе всерьёз разбираться во всём, что связано с «закромами Родины», у нас, как известно, нет, а у поданных логика иная: «дарёному коню в зубы не смотрят». В смысле, что и на том спасибо. Поэтому и разыгрывать перед избирателями столь сложные спектакли, как нынешний развод прежних соратников по окраинам революции на Украине, у нас нужды нет – пока достаточно минимальных подачек.

Обратило на себя внимание и ещё одно заявление нашего президента в ходе того же Послания: о создании специального Совета по контролю за реализацией национальных программ, да ещё и во главе непосредственно с президентом. Некоторые наблюдатели усмотрели в этом чуть ли не создание параллельного правительства, руководимого напрямую главой государства. И, с моей точки зрения, ошиблись.

Во-первых, параллельное правительство без того уже давно есть. Это – администрация президента вкупе с гайдаровским Институтом проблем переходного периода, а также руководством РАО «ЕЭС России» и «Газпрома», определяющие экономическую политику государства в соответствии со своими интересами и представлениями.

Во-вторых, в названии нового органа какое слово ключевое? Может быть, «совет»? Или «реализация»? Или «проект»? Конечно же, ключевое слово – «контроль». И это понятие и соответствующая функция сразу признаются настолько важными, что именно этим теперь займётся сам президент.

Притом, мне, как человеку, в бытность мою политическим деятелем неоднократно подвергавшемуся критике за якобы чрезмерную в моей деятельности акцентацию на контроле (термины «контроль» и «контролёр», а также и вся моя деятельность по выставлению соответствующих государственных институтов полагались как нечто заведомо негативное, назойливое и противное, чуть ли не путающееся под ногами у тех, кто «не контролирует, а делает»), приятная такая ребилитация лично главы нашего государства понятия «контроль».

Правда, остаётся несколько неясным, зачем же контролёров так много? Ведь есть и КРУ Минфина у правительства, и Контрольное управление у президента, и, наконец, у всего общества, во всяком случае, до недавнего времени была независимая Счётная палата – та самая, которую президент фактически поглотил себе? Зачем же ещё? Тем более что и Конституция, которую президент обещал «не трогать», никакого великого «Совета по контролю» не отличает от Счётной палаты не предусматривает.

А может быть, «Совет по контролю» – это такой переломный мостик, демонстрирующий направление дальнейшей карьеры президента? Чем черт не шутит: сначала глава некоего самодетельного «Совета по контролю» (и по совместительству – немножко президент страны), а затем уже без всякого совместительства – и преемник вполне конституционный Счётной палаты? И плюс новая «вертикаль», теперь уже – «вертикаль контроля»?

Юрий БОЛДЫРЕВ

«Я иду к себе домой, ЖКХ идёт за мной»

– Олег Васильевич, надо ли расценивать постановление правительства, касающееся «реформы» ЖКХ, как чрезвычайно важное для всех наших соотечественников?

– Переход на стопроцентную оплату услуг ЖКХ фактически произошёл восемь месяцев назад. 1 сентября 2004 года премьер Фрадков подписал постановление, в соответствии с которым с 1 января 2005 года коммунальные платежи население оплачивает полностью. С тех пор государство в ЖКХ ни копейки не вкладывает, переложив все бремя огромных расходов, требующихся в этой сфере, на народ. Исключение в этом смысле пока ещё составляют компенсации льготникам и коммунальные субсидии, выделяемые малоимущим.

– Насколько известно, вы настоятельно рекомендуете гражданам немедленно создавать товарищества собственников жилья (ТСЖ)...

– Или переходить к предусмотренному Жилищным кодексом «непосредственному управлению». Эта форма для жильцов, на мой взгляд, даже лучше, нежели ТСЖ. Для товариществ законодательством вводится коллективная ответственность за коммунальные платежи. При «непосредственном управлении» по наиболее важным видам услуг (холодному и горячему водоснабжению, водоотведению, электро- и газоснабжению) договоры с коммунальщиками

на днях опубликовано постановление правительства, согласно которому с 1 января следующего года наши граждане повсеместно станут оплачивать 100-процентную стоимость обслуживания жилья и коммунальных услуг.

Что за всем этим воспоследует и чем это может грозить рядовому российскому жителю? На вопросы «ЛГ» отвечает заместитель председателя Комитета по труду и социальной политике Госдумы Олег ШЕИН.

ми заключаются каждым собственником помещений от своего имени.

Жильцам многоквартирных домов придётся принимать решения об организации себя одной из форм управления коллективными жилищами – это однозначно. В противном случае мэрия будет вправе (и даже должна) выставить дома на конкурс по коммунальному обслуживанию жилья.

То есть заявить о себе частные управляющие компании, по сути, монополии, которые заключат договоры с властью, а не с жильцами. Последние же на работу этих компаний никак повлиять не смогут, а тарифы, естественно, будут выше, чем те, которые пока ещё устанавливают всевозможные муниципальные ЖКХ, ДЭЗы и РЭУ.

Обращаю внимание на установленную законодательством дату: до 1 марта следующего года жители домов на общих собраниях должны решить – вступать им в ТСЖ,

остановить свой выбор на «непосредственном управлении» или же отдать свои жилищные откуп чиновникам и «дружественным» им управленцам-частникам.

Есть опасность для граждан, к вышеуказанной дате не успев, ведь разъяснительная работа на сей счёт в средствах массовой информации практически не ведётся.

– Левые партии и движения, а также многие политики предупреждали о некоем социальном обострении в России этой осенью, упоминая при этом издущую по стране реформу ЖКХ. Насколько оправданы такие прогнозы?

– Скорее всего ситуация в целом по России серьёзно обострится в следующем году, когда начнут проявлять себя все эти нововведения с управляющими компаниями. Первые результаты «реформы» на жизни населения, может, даже не сразу скажутся. Вероятно, всё это будет происходить поэтапно.

Наверно, этой осенью какой-то социально-политический подъём произойдёт, поскольку предпосылки для него есть. Ведь бюджет 2006 года вовсе никакой не социальный. С большим интересом изучил его параметры и пришёл к однозначному выводу: все эти разговоры руководителей правительства про резкое увеличение социальных ассигнований не более чем дутая пропаганда.

Положение в стране обещает выглядеть весьма неблагоприятным, и как следствие массовые социальные протесты в недалеком будущем, по-видимому, будут только усиливаться. Протестная мозаика складывается не в один момент, а постепенно, кусочками.

Некоторое оживление социальной активности надо ожидать осенью, а дальше – по нарастающей: в январе, феврале, марте, апреле... Весной, похоже, как раз проявит себя «во всей красе» управляющие комму-

нальные фирмы, что повлечёт за собой новый существенный виток роста платежей. Причём в условиях полного бесправия потребителей...

– Вы будете пытаться внести поправки в жилищное законодательство? Найдут ли ваши инициативы положительный отклик у большинства Госдумы?

– Поправки подготовлены и будут внесены на рассмотрение парламента. Главная из них касается необходимости переноса для многих миллионов российских граждан конечной даты вступления в товарищества собственников жилья или перехода к «непосредственному управлению».

Боясь, до 1 марта 2006 года наши избиратели во множестве своём так и останутся в неведении относительно предоставленных им законодательством прав.

Что же касается думского большинства, то вряд ли оно одобрит и примет все необходимые российскому населению поправки в действующие законы. Оно, как и правительство, будет вынуждено под давлением общественного мнения идти на отдельные уступки, в том числе и принимать наши (то есть оппозиции) предложения.

Хотя в очередной раз это может произойти слишком поздно, как было, например, со скандально известным законом о монетизации льгот...

Спрашивал
Сергей ГРОМОВ

ФОТОГЛАС

Его сиятельство Петергоф

Великолепным праздником было отмечено в минувшее воскресенье 300-летие со дня основания Петергофа (после 1944 года – Петродворец). Всемирно известный дворцово-парковый ансамбль Петродворца, заложенный на берегу Финского залива по идее Петра I как летняя резиденция, является по сей день своеобразным памятником победы в Северной войне и выхода России к Балтийскому морю.

В годы Великой Отечественной войны на долю Петергофа выпала тяжелейшая участь – по его территории пролегла линия фронта, около трёх лет гитлеровские вандалы грабили, разрушали, взрывали всё, чем был так богат и прекрасен этот город. Благодаря титаническим усилиям наших людей Петродворец был вновь возрождён к жизни во всем его великолепии.

ПОЛИТПРОСВЕТ

Образ преемника

Находившееся в полубоморочном состоянии сознание в нашем любезном отечестве, что называется, приободрилось. Занялось делом по нраву. Россия сейчас выбирает себе жениха.

Всем хороша метода, только её практическое применение сталкивается с двумя непреодолимыми препонами. Первая из них заключается в том, что российский массовое сознание нецелесообразно оно шизофренически раздвоено. В рамках долговременного социологического проекта «Евразийский монитор» россияне были опрошены на предмет их социального самочувствия. Такие же исследования были проведены в Белоруссии, Казахстане и Украине. Результаты не утешают, не утешают результаты. По данным «Евразийского монитора», 45% россиян оценивают своё экономическое положение как среднее, удовлетворитель-

ное, и 46% – как плохое, неудовлетворительное. 24% считают, что в ближайшем будущем их жизнь и вовсе станет хуже. Отсюда ясно, что представители этих категорий российского населения не могут и не станут культивировать какой-то общий образ жениха России: для одних является плюсом кандидата в преемники, то для других – минус.

Совершенно та же самая ситуация в вопросе о доверии к преемнику: если 30% россиян ярко желают «жить в собственной стране», то 27% ностальгически хотели бы «жить во вновь возрождённом Советском Союзе». И даже в зону сакрального в российской политике прокралась эта, пардон, амбивалентность: президенту Путину ныне доверяет 67–70% (по разным данным) российских граждан, в то время как деятельность его одобряют всего только 26%. И тут гнездится вторая препона.

Поди разберись-пойми, какие качества будет педальировать в своём преемнике Владимир Владимирович: то ли те, какие сникались лично ему доверие людей; то ли те, которые вызвали неодобрение его практических действий.

Проблемность вопроса, как выражаются опытные стилисты, усугубляется тем, что в начале августа президент РФ сказал зага-

дочную фразу: он-де не против остаться на посту главы государства, но согласно Конституции, это невозможно. В любом случае это означает, что преемней для Путина преемник на 4 года обречён быть его авторским произведением. Действующий президент РФ просигнализировал сильно активизирующим в плане поиска жениха для России членам своей команды: «Командовать парадом буду я». Но отсюда следует, что возможны самые экзотические варианты.

В литературоведении бытует понятие «образ автора»: есть реальный автор, есть его создание, а есть считываемое вместе с содержанием и умственное авторское представление о нём, которое может не иметь ничего общего с жизнью. Автор может быть робок и застенчив, а его образ – источать энергично агрессив и волевого напора. Речь идёт о феномене «жизни». Только при наличии такого феномена СМИ могли всерьёз обсуждать, имеются ли шансы у политика Сергея Маркова стать не только руководителем Общественной палаты, но – бери выше! – фаворитом в гонимых женихов.

Лучшей рекламой для политолога придумать невозможно. После чего он молвил: «Я думаю, что преемником будет человек, скорее, из чехистской команды. Я не претендую быть преемником». Слава Богу, а то я уже стал скорбеть о бедной России.

Сергей ЗЕМЛЯНОЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом
«Литературная газета»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Заместители главного редактора
Леонид Колпаков,
Игорь Серков,
Валерий Павлов
(представитель в Санкт-Петербурге
и Северо-Западном регионе)
«Политика, экономика» –
тел. 208-63-21
ведущий редактор
Владимир Поляков;
Сергей Громов,
Ирина Хуземи
«Общество» – тел. 208-82-80
шеф-редактор Игорь Гамаюнов;
ведущий редактор
Людмила Мазурова

«Литература» – тел. 208-94-19
заведующий отделом
Сергей Минацкий;
Надежда Горлова, Ольга Рычкова,
Александр Яковлев
«Телевидение» – тел. 208-82-76
Александр Горбунов
«Искусство» – тел. 208-98-76
ведущий редактор Александр Вислов;
Ирина Тосунян, Жанна Васильева
«Клуб 12 стульев» –
тел. 208-82-62
дежурный администратор
Валерий Бурт
Ведущий редактор
Борис Фурун

Обозреватели:
Павел Басинский, Сергей Казначеев,
Сергей Луконин, Александр Ципко,
Аркадий Соснов (Санкт-Петербург),
Алексей Кежуба (Минск)
Отдел спецпроект
Александр Попов
Отдел оформления – тел. 208-81-82
бывший редактор
Александр Карзанов,
художественный редактор
Антон Меньшов
Генеральный редактор
Алексей СОБОЛЕВ
Управлений делами – тел. 208-89-21
Вадим Лаврентьев

Отдел рекламы:
тел. 208-91-62, 208-95-24
Юлия Лукьянова
Отдел распространения:
тел. 208-98-55, 208-97-00
начальник
Валерий Андришин;
Татьяна Дюкина, Екатерина Калашникова
Служба экспедиции: тел. 208-56-00
Наталья Донская
Сектор Интернета: тел. 208-56-18
Общий тираж 83 000 экз.
Газета печатается в Москве,
Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону,
Екатеринбурге, а также в Гродно,
Великобритании и Израиле.
Отпечатано в ИД «Молда-Пресс»,
ул. «Правды», 24, Москва, 125939

Номер подписки к печати
13 сентября 2005 г.
Зак. № 5038037
Редакция рассматривает все обращения
читателей, оставляя
за собой право не отвечать на них,
и не возвращать письма и рукописи.
Подписные индексы: 50067,
34189 и 84874
(для предприятий и организаций)
«Экспортная подписка» –
по каталогам
«МК-Периодики»
и «East View Publications»
Газета зарегистрирована
в Министерстве РФ по делам печати,
телекоммуникаций и средств массовых
коммуникаций.

Свидетельство ПИ № 77-1835
от 10.03.2000 г.
Адрес редакции:
Костюшкин пер., 13
Москва, 107045
Для телеграмм:
Москва 90 Литгазета
Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru
Факс: 208 99 14, 206 62 25

Автоматический телефон
для справок на редакции:
200-02-38

Переписка допускается
по согласованию с редакцией,
ссылка на «ЛГ» обязательна

Пугало «патернализма»

Александр ШИПКО,
ведущий круглого стола,
доктор философских наук

Предметом нашего исследования снова является главный парадокс нашей новой российской жизни. С одной стороны, у нас, как у всех цивилизованных народов, есть Министерство экономического развития со всеми представительскими для страны и мира регалиями, но, с другой стороны, оно, как мы выяснили, полагает, что главный смысл его существования состоит в том, чтобы ничего не делать, чтобы максимально освободить государство от ответственности за состояние занятости, за состояние производства, за достаток и доходы граждан.

Эти люди, ответственные за выработку экономической курса, говорят нам, что они природную ренту у нефтяников не берут, ибо не знают, куда девать деньги, ибо вообще наша промышленность не способна принять деньги, а тем более их отдать. Они нам говорят, что «любая государственная активность порошна», что не надо мешать механизму рыночного регулирования делать своё дело. Они, в конце концов, утверждают, что такая-то осознанная государственная деятельность, государственная промышленная политика по природе у нас нет государства, у нас любые государственные инвестиции разворуют или используют не по назначению. Как-то, после окончания передачи о монетизации, когда нам снимали грим, один из самых умных и компетентных руководителей нашего правительства сказал мне в сердцах: «Вы же неглупый человек, неужели вы не понимаете, что у нас государство уже разучилось что-то само строить. Если строительство дорог занимается частная фирма, то разворовывается 30% инвестиций. Если их строит государство, то уйдёт в чужие карманы в два раза больше».

Вот такая ситуация. Формально существует государство Россия. Формально существует правительство, Министерство экономического развития, которое призвано оказывать позитивное влияние на национальное производство. Но на самом деле, как говорят представители этого правительства, «государства у нас нет». Но зачем нам государственные чиновники, которые сами говорят, что их нет, что ничем созидательным они заниматься не могут и, самое главное, не должны?

Правда, при этом эти люди, которые говорят, что государственная активность в экономике есть зло, ходят на службу, получают все блага, которые полагаются у нас по штату. Но при этом они говорят, что деградация машиностроения, обрабатывающей промышленности — это не их дело, что надвигающаяся не по дням, а по часам угроза гибели авиации, автомобилестроения — тоже не их дело, не их дело и тот факт, что базовая инфраструктура изношена, что существуют острые проблемы с занятостью в депрессивных регионах.

И для того чтобы вызвать у людей негативное отношение к какой-либо целенаправленной, созидательной деятельности государства, они придумали слово «патернализм». Помните, как в своё время, для того чтобы убить СССР, наши демократы вспомнили слово «империя» и внушили людям, что якобы «время империи прошло». Теперь, чтобы легализовать свою полную профессиональную и, прежде всего моральную, гражданскую несостоятельность, либералы в правительстве пытаются у всех нас вызвать с помощью слова «патернализм» отвращение к какой-либо промышленной и социальной политике.

Можно сказать, что эти люди больны умом и душой, что выученный ими десяток или, как утверждает Сорос, четырнадцать лет назад школярский либерализм лишил их здравого смысла. Эти люди, которые считают себя западниками и зовут нас на Запад, не видят, что на наших глазах благодаря «патернализму» правительства Франции, Германии и прежде всего благодаря «патернализму» Ширака, европейский «азарбус» потеснил американский «бонинг» на второе место, не видят, что старая Европа вкладывает на государственном уровне громадные деньги в развитие высоких технологий. А эти люди нам говорят, что любая промышленная политика со стороны государства есть рецидив «советской системы».

В любых нормальных странах чиновники на то и существуют, чтобы усиливать, поднимать государство, когда «его нет» или когда «оно слабое». А нас, особые, уникальные, государственные чиновники или министры, они пытаются выдать нашу болезнь, наш абсурд, наше состояние, когда «государства нет», за норму. В результате получается, что импониция нашей государственности есть благо, есть прогресс на пути преодоления «советского патернализма». По этой логике полный хаос в экономике, её полный распад будет вершиной либерального развития.

А где гарантия, что наш рыночный механизм начнёт работать раньше, чем окончательно разрушит достоявшиеся нам в наследство от СССР инфраструктуру, чем разрушит систему обеспечения жизни в нашей стране. Понятно, что никакой гарантии нет. Пока что наши экономические реформы только ускорили распространение нищеты, деградацию системы образования, здравоохранения, культуры и злуполучного ЖКХ, ускорили полную закупорку вертикальной мобильности. Нет абсолютной никаких гарантий, что иностранцы начнут вкладывать деньги в нашу энергосистему и создавать генерирующие мощности взамен устаревших.

И здесь возникает главный вопрос, выносимый нами на обсуждение. Что делать? Ведь это безумие не может долго продолжаться. С одной стороны, накапливаются громадные валютные резервы, расширяются финансовые условия для модернизации, интенсификации производства, но, с другой стороны, наше Министерство экономического развития умышленно, и тем самым ускоряется деградация инфраструктуры, деградация сельского хозяйства, животноводства, машиностроения, лёгкой промышленности.

Ведь всё это опасно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Люди видят, что государство при всех своих доходах бездействует, что у него на самом деле нет зримой, внятной стратегии развития экономики, развития всей страны. Ведь очевидно, на мой взгляд, что нельзя сохранить политическую стабильность в стране, поддерживая борьбу с так называемым «патернализмом». Нельзя не видеть, что так называемый «либеральный курс» при всей своей очевидной абсурдности не может пользоваться поддержкой населения. С одной стороны, мы говорим, что не можем заниматься модернизацией экономики, пока в страну не придут инвесторы. А с другой — в это же время инвестируем громадные деньги в экономику США, помогаем этой стране сокращать дефицит во внешней торговле. Надо понимать, что кричащий абсурд нынешнего экономического курса видят все, вплоть до домохозяйки.

Александр НЕКИПЕЛОВ,
вице-президент РАН,
директор Московской школы
экономики МГУ

Главная проблема предлагаемых реформ связана не с приверженностью либеральной идеологии, а с примитивизацией сути многих проблем. Главной верой в то, что все они имеют «простые решения».

Лозунги реформы бюджетного сектора привлекательны. Деньги налогоплательщика нужно выделять под конкретные результаты, а не за время, которое сотрудники бюджетной сферы проводят на работе! Сметное финансирование учреждений — узаконенный способ растратничества государственных средств! В образовании и здравоохранении деньги должны следовать за потребностями! Целое финансирование, конкурсное распределение общественных ресурсов обеспечивает решение всех проблем! Одним словом, коллективная сдельщина — наш выбор! Увы, всё это — «идеологические пустышки», попытка во плоти в практику чревата серьёзным ущербом для страны.

Есть виды коллективной деятельности, для которых сметное финансирование оптимально, и есть профессии, для которых подходит только временная оплата труда. Невозможно платить секретарям, даже если они обслуживают «самое прогрессивное» в мире начальство — в зависимости от количества предоставленных ими разнообразных услуг.

Глупо пытаться механически привязать финансирование органа исполнительной власти к результатам деятельности. Они не поддаются однозначной квантификации.

Глубоко ошибочна идея увязывания потоков бюджетных денег со спросом потребителей государственных услуг.

Крайне сомнительно предоставление отдельным лицам права определять направления использования чужих средств. Нарушение принципа «кто платит, тот и заказывает музыку» будет неизбежно приводить к неоптимальным результатам. Допустим, непропорционально большое количество

Наивная вера в «простые решения»

выпускников школ захотели пойти в цирковое училище. Тогда по логике предлагаемой системы государство обязано переориентировать финансирование в пользу этих училищ. Увязав зарплату терапевта с числом посетителей, мы создадим мощные стимулы для того, чтобы пациентами тут же стали все его родственники и знакомые. А в «предельном случае» вообще можно создать профессию пациента, которым врачи будут специально доплачивать деньги за посещение поликлиники.

В этой сфере проблемы решают нерыночными способами, и весь мир мучается над тем, как это лучше сделать. Но нашим реформаторам мировой опыт нипочём: они изобрели тезис, в соответствии с которым весь этот опыт теряет значение в условиях перехода к постиндустриальному обществу. Поэтому у нас всё просто: придумал красивый лозунг, а дальше — «дело техники». Одно радует: в стране сформировалась удивительная культура самозабвения, принимаемых восточных. В целом это очень печально, но в рассматриваемых случаях — на неё единственная надежда.

Ещё красивый лозунг: государство должно иметь столько собственности, сколько нужно для публичных функций. Но, во-первых, не всё ясно с «публичными» функциями государства. Они зависят от задач, которые намерено решать государство. Во-вторых, если бы мы жили в сверхлиберальной экономике, где госсобственность отсутствовала полностью, и приняты бы решения, ка-

кую собственность государству целесообразно иметь, то упомянутый подход был бы вполне приемлемым. Но мы идём с прямо противоположной стороны — со стороны огосударствленной экономики. Здесь установка на форсированную распродажу «излишнего» государственного имущества выглядит сомнительно.

При таком подходе государству предлагается действовать в отношении своей собственности не так, как должен действовать рациональный собственник.

Последний всегда сопоставляет эффект от продажи активов с эффектом от их сохранения как источника дохода. Ограничение возможностей государства лишь ускоренной продажей имущества означает продажу последнего по искусственно заниженным ценам в силу нерационально высокого предложения (оставляя в стороне специфические особенности наших приватизационных конкурсов). Вот почему корректное с экономической точки зрения решение должно было бы состоять в создании рыночного механизма использования той части государственных активов, которая не связана с выполнением «публичных обязательств».

Проблемы, связанные с отсутствием эффективного налогообложения имущества, относятся не только к этике. Проблемы здесь создают потенциальные предпосылки для раздувания «финансовых пузырей» на основе спекулятивного перегрева рынков недвижимости и земли. Причём некоторые

Сплошные «идеологические пустышки», попытка во плоти чревата серьёзным ущербом для страны.

Убивающий рецепт

Олег БОГОМОЛОВ,
академик

Когда в 1992 году началась «шоковая терапия» и население столкнулось с гиперинфляцией и потерей своих сбережений, Гайдар уверял, что всё идёт по плану и скоро мы почувствуем перемены к лучшему. Нас убеждали, что альтернативы принятому курсу не было, и все иные варианты рыночной трансформации с порога отменялись. По прошествии 13 лет в общественном мнении созрела потребность в необходимости серьёзной коррекции проводимой политики. К сожалению, правительство избегает серьёзного анализа результатов рыночной реформы, не хочет видеть бедственное состояние экономики и подавляющей части общества, продолжает оставаться на позиции либерального фундаментализма.

Именно из непредрассудочного анализа фактов, который делают авторитетные учёные и специалисты в России и за рубежом и который отсутствует в публикуемых документах российского правительства, вытекает неотложность пересмотра правил государственного курса и выработки новой повестки дня реформ. Даже робкие попытки разорваться в итоге приватизации, предпринятые в докладе Счётной палаты, пока не увидели свет. Кого-то они, видимо, задевают за живое.

Год назад на совместном заседании Академии наук и Академии медицинских наук и ряда других авторитетных научных учреждений было всесторонне рассмотрено состояние здоровья и питания российского населения, вскрыты не только причины тревожащих тенденций в этих областях, но и высказаны рекомендации по исправлению дел. Призывы науки,

по существу, остались без практических выводов со стороны правительства, хотя ситуация продолжает ухудшаться, что серьёзно осложняет восстановление и модернизацию нашей экономики. Видные американские экономисты — лауреат Нобелевской премии Стиглиц и гавардский профессор Голдман — в книгах, недавно у нас изданных, дают непредрассудочный и убедительный анализ ошибок и изысков российской политики и практики перехода к рынку, высказывают разумные рекомендации, опирающиеся на мировой опыт. И опять не слышно отклик со стороны тех, кто отвечает в правительстве и президентской администрации за экономику.

Не привлекло внимания верхов исследование профессора Меньшикова «Анатомия российского капитализма». Видимо, правдивый взгляд на суть сложившегося в России экономического строя мало кого интересует. Автор даёт ответ на вопрос, почему идеология либерального фундаментализма, доводящая до крайности свободу рыночных отношений и низводящая государственное регулирование до минимума, оказалась столь востребованной в слынящих России. Отнюдь не потому, что её нам навязывали в виде так называемого Вашингтонского консенсуса США, богатые европейские государства и международные организации. Практика стран, находящихся на пути со-

здания современных рыночных систем, показала: этот рецепт не всем подходит. Но либеральный радикализм с шоковой терапией и обальной приватизацией открывает беспрецедентные возможности быстрого обогащения тех, кто оказался на командных позициях в политике и экономике. Этим можно объяснить фанатическую приверженность ему в России.

Упреки в адрес правительства по поводу отсутствия чёткой стратегии развития экономики, включая изменение отраслевой структуры, внешнеэкономической специализации, политики доходов, накопления резервов и погашения долгов, научно-технического прогресса и т.д., вполне справедливы. Известно, что благодаря наличию продуманной стратегии целый ряд стран, как, например, Япония, Южная Корея, Бразилия и др., быстро вырвались вперёд. Отсутствие стратегического взгляда на будущее нашей экономики и общества — одно из проявлений увлечения либеральной доктриной и недооценки роли государства.

Дефицит такого знания у наших властей бросается в глаза. В книге «Анатомия российского капитализма» говорится: «В том виде, в каком наш капитализм сложился в последние десятилетия, он не может не стать олигархическим, то есть перекосным в сторону подавляющего господства узкой группы банков-

ско-промышленных монополистических группировок. Такая экономика находится в ловушке, выход из которой возможен только посредством коренной ломки её олигархической структуры при активной роли государства».

В массовом сознании зреет понимание того, что так не может долго продолжаться, что политический курс нуждается в пересмотре. И чем раньше это произойдёт, тем меньше риска крупных потрясений.

Отзывающийся диспропорции в распределении ВВП, как в России, капитализм вынужден был давно отказаться из-за угрозы социальных катаклизмов. Если пользоваться данными, полученными с применением более совершенных методов учёта утилизированных доходов, чем это делает официальная статистика, то разрыв между средним доходом 10% самой бедной части населения и 10% самой богатой составляет 25–30 раз. Это в 2–3 раза больше, чем в Евросоюзе. Российская приватизация не только создала в одночасье миллиардеров и миллионеров, но и позволила им платить с доходов и имущества мизерные налоги. Едва ли найдётся страна, где отменено прогрессивное подоходное налогообложение, как в России.

Социальная дифференциация в российском обществе усиливается в последние годы в результате того, что рост реальных доходов населения, чем так гордятся власти, приходится в подавляющей части на верхнюю прослойку буржуазии, а большинство населения не испытывает никакого заметного улучшения. В отличие от России разрыв между богатыми и бедными в Европе не только значительно меньше, но и имеет тенденцию к сокращению.

На устранение этих главных перекосов и должна быть направлена экономическая стратегия российского государства.

Дикая политика

Руслан ГРИНБЕРГ,
профессор, директор Института экономики РАН,
доктор экономических наук

Вокруг проблем состояния нашего общества сформировалась целая мифология. Причём она весьма живуча главным образом в сознании тех людей, которые сами стали жертвами перемен. Эти люди, как ни странно, считают, что с проведением реформ по-другому в то время было никак нельзя, что всё развивается в логике перемен и... поэтому следует потуже затягивать пояс. Нельзя не заметить, что многие с пониманием относятся к этой дикой, иначе её не назовёшь, политике.

Имеет смысл вновь обратить внимание на мировоззренческую природу политики реформ, как, впрочем, и экономической политики в целом, поскольку актуальность данного вопроса несколько не уменьшилась.

Например, принятие в качестве руководства к действию текущих мировоззренческих императивов Запада. У нас они практически тут же становятся императивами России. Тем самым происходит бездумная абсолютизация универсальных закономерностей. Почему-то считалось, что мы на пути в первый мир и скоро посполним «золотой миллиард». А о том, что можно оказаться в третьем мире, кто-то задумывался? Побеждала концепция Милтона Фридмана, который рассуждал примерно так: у нас в России много чего интересного — и Большой театр, и ракеты, и наука. Но нам не следует ориентироваться на западные социальные стандарты. У нас, мол, и так вся социальная сфера слишком развита, даже переразвита. А с переходом к рынку вся эта система рухнет. Поэтому России лучше ориентироваться на Сингапур. Мы найдём удивительное единство во взглядах на данную проблему и у западных неоллибералов, и у российских министров финансов, и у советских госплановцев, которые всегда считали, что всякая там «социалка» — сфера сомнительных изжившихся, аппетиты которых надо всячески ограничивать. У нас получалось так, что все идеи, любые направления, оказались дискредитированными. При этом демократы дискредитировали демократию, рыночники — рынок, либералы — либерализм. Боек, что это надолго. Особенно опасно, что эти идеи сильно дискредитированы в общественном сознании.

Ещё иллюзия о взаимоотношениях с мировым хозяйством. Она возникла ещё в годы перестроечного романтизма, при благостных отношениях с Западом и его лидерами. Газетные клише того времени: «общеевропейский дом», «конец холодной войны», «все мы друзья и братья»... Эта иллюзия активно поддерживалась и за рубежом. Нельзя не подпитывать наивности, если, конечно, это наивность расхождений: у кого что хорошо получается, тот пусть и производит. В России — нефть, газ, металл пойдёт, а остальные сделают другие. Тогда такие разговоры велись на полном серьёзе. Казалось, что понятие национальных интересов вот-вот утратит смысл.

О мифах. Во-первых, это стойкое представление, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось свести государственное участие в экономике до минимума. Иными словами, счастье у тех, где максимально минимальная роль государства. Эта идея, кстати, нигде и никак не подтверждается: ни данными статистики, ни теоретически.

Второй миф, самый опасный и живучий — о якобы объективной закономерности тезиса об органической слабости государства в период перемен. Из этого тезиса делается практический вывод о том, что вмешательство государства в экономику должно быть ещё более ограниченным, чем в зрелых рыночных экономиках.

Сложилось мнение, что социализм нужно строить. Ну а капитализм — здесь надо только разрешить, а дальше всё пойдёт автоматически. На этот миф нацелены все примеры: немало здесь и выдумки. Тем не менее в ходу по-прежнему рассуждения о том, что везде развитый мир стремится сократить государственные расходы, что Запад страдает от пересоциализации и пр.

Разве у нас в России все основные нужды более или менее удовлетворены, солдаты сыты и обуты, учителя и врачи регулярно получают приличную, а не мизерную зарплату? Если всего этого нет, то нельзя сидеть на горшке с деньгами, да ещё планировать на будущее профицит бюджета...

Какой же выход из всего этого? Это восстановление экономики, которое начинается со стремления не отказываться от собственного наследия.

Главное сейчас — попытаться спасти и развить всё то лучшее, что было создано в нашем недавнем прошлом. А нам досталось ни много ни мало — интеллектуальный потенциал, в целом качественное образование и высокий статус рационального мышления. Что бы ни говорилось, была создана и достаточно мощная обрабатывающая промышленность.

Если государство не будет целенаправленно способствовать сохранению этих сфер, то мы неизбежно превратимся в одну из частей мирового технологического захолустья. Государство должно как можно скорее определиться с приоритетами промышленного развития и оказать им мощную финансовую поддержку. Ведь с каждым годом пространство для селективного отбора таких приоритетов сужается.

И, наконец, самое главное — это болевая точка нашего общества — социальная политика. Внимательный анализ положения дел в социальном секторе российской экономики выявил ряд ключевых проблем. Их решение без активных действий государства также невозможно.

ПРАВО

Известно: милицию у нас стали бояться порой больше, чем преступников. Потому что милицкий произвол, особенно в тихих провинциальных городах, не поддается контролю и не выявлен во всей своей полноте. Очень редко дела, связанные со злоупотреблением милиционером своим положением, доходят до суда.

Кто пресечёт милицкий произвол?

ШЛЕМ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Февральским вечером в квартире новгородского адвоката Константина Пакина раздавался телефонный звонок. Несмотря на поздний час, его попросили приехать в изолятор временного содержания — нужна была юридическая помощь только что задержанному жителю Боровичей Андрею Петрову.

— Когда я прибыл в ИВС, — рассказывает адвокат, — и встретился с задержанным, то увидел — его буквально «трясло». Я неосторожно полюбопытствовал, не с похмелья ли он. Андрей покачал головой и поднял рубашку. Всё тело парня было в синяках.

Петров рассказал адвокату, что его избил сотрудник милиции. В тот день вместе с отцом он приехал в Новгород из Боровичей. Пошёл к своему другу — проводить. И тут ему позвонил отец, сказал, что подыхал к дому и ждёт сына во дворе. Петров вышел, видит — к нему бегут несколько человек. Он побежал тоже, услышал крик: «Стоять! Милиция!» Не остановился. Его догнали, зажали на снег, зашлепнули наручники.

Всё это, признает сразу, было в полном соответствии с Законом «О милиции». Там, на улице, на глазах у десятков людей, в том числе и отца Петрова, Александра задержали как подозреваемого. Что потом? Втолкнули в машину ВАЗ «девятой» модели без всяких опознавательных милицеских знаков. И повезли, навалив ему на глаза шапку. Затем машина остановилась. До ушей Петрова донеслись страшные звуки: будто бы рядом ломали лёд. Зачем? Вывели, свалили с ног. Попинали ногами. Спрашивают: «Ну что, расскажешь? Не будешь рассказывать, браток, так вспомни, как в «Джентльменах удачи» Косой шлем Александра Македонского искал».

Только потом Петров узнал, что на их жаргоне «искать шлем Македонского» означает одно: нужно быть готовым к тому, что сейчас тебя будут купать в ледяной проруби. И Петрова избили, загнав в прорубь по самое... в общем, по пояс. Ну что, холодно, спрашивают. Вытаскивают на берег и снова бьют. «Теперь жарко? Тогда за шлемом!» По словам Петрова, экзекуция продолжалась около часа.

«Колотся» там, на берегу, Петров не стал. Тогда его проводили в помещение УБОПа, где пристегнули наручники к батарее, дабы одежда высохла. А сами стражи порядка ушли обедать. Вернувшись, от батареи парня отцепили, усадили в ту же машину и отвезли в другое отделение милиции, где Петров наконец-то предстал перед следователем А. Цыгановым. Следователь составил протокол задержания, после чего Петрова увели в изолятор временного содержания.

Вот тут-то и появился адвокат Пакин. Будучи юристом опытным, сам в прошлом милиционер, адвокат настоял на том, чтобы показания Петрова об его избитии были занесены в протокол. Кроме того, адвокат ходатайствовал о немедленном проведении судебно-медицинской экспертизы. Рассмотрение ходатайства отложили до утра. А наутро адвокат узнал, что к его подзащитному ночью вызвали «скорую».

Из материалов дела: «При осмотре фельдшером «Скорой помощи» установлено... Жалобы на головную боль, тошноту, рвоту... Под левой лопаткой гематома 7 на 3 см, следы множественных ушибов волосистой части головы и спины. Травмирование головного мозга. Ушиб грудной клетки».

Позднее и экспертиза подтвердила, что у Петрова «имелись телесные повреждения в виде массивных кровоподтеков туловища, верхних и нижних конечностей», которые причинены «тупым твёрдым предметом». После этого адвокат Пакин написал в городскую прокуратуру первое заявление с просьбой привлечь к уголовной ответственности милиционеров. Ему отказали. Почему?

ВЫБИТАЯ РАСПИСКА

Был в моей журналистской практике и такой случай... В Великом Новгороде живёт некто Александр Смирнов, самый обычный работник, занимающийся ремонтом автомобилей. Ни по какому уголовному делу он не «проходил» — ни в качестве подозреваемого, ни в качестве задерживаемого. Крутил себе гаечки на чужих машинах. Одной из таких стала, увы, машина милиционера.

Ремонт, впрочем, не представлял никакой сложности. Рядовая шабашка, завершив которую Смирнов получил от сотрудника новгородской милиции Сергея Николаева «гонорар» и отдал ключи от машины. Николаев уехал, а спустя несколько дней вернулся. И не один, а с двумя приятелями, как позднее выяснилось, тоже сотрудниками милиции Ю. Тимофеевым и М. Стахановым.

Несколько человек видели, как к дому подъехала машина, видели, как в неё сел целый и невредимый Смирнов. А вернувшись с домом под вечер и, по словам его матери, его было не узнать: лицо представляло собой сплошную кровоподтеку.

Смирнов обратился в прокуратуру. В заявлении подробно рассказал о том, что произошло в этот достаточно короткий промежуток времени. Сразу, как только его усадили в машину, милиционер Николаев сообщил, что из его, Николаева, машины пропали «головки» (набор гаечных ключей), и украсть их мог только Смирнов. Николаев потре-

бовал: «Признавайся, продал!» Никаких милицеских «головок» мастер не видел, у самого инструмента, слава Богу, предостаточно. О том и сказал милиционеру. А они завели его в безлюдное место за гаражным комплексом и начали бить.

Потом, по словам Смирнова, была ещё поездка к реке (опять же), а дело было в октябре, и предложение «искупиться» (в этот раз, правда, обошлось). Закончилось же путешествие в отделе милиции № 1 Великого Новгорода, где Смирнова водворили в камеру, снова били, а потом принудили написать расписку такого содержания: «Я, Смирнов А.И., обязуюсь возместить ущерб в сумме 1300 рублей». В такую сумму милиционер Николаев оценил свои «головки».

Однако, несмотря на очевидность происшедшего, несмотря на заключение судебно-медицинской экспертизы, подтверждающей, что Смирнов был избит, следователь прокуратуры Сергей Конкин вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

На чём основан отказ? Исключительно на показаниях самих милиционеров.

МВД БОГАТОЕ, РАСПЛАТИТСЯ...

В пресс-центре УВД Новгородской области мне без гордости сообщили, что их отдел собственной безопасности занимает третье место по Северо-Западному федеральному округу по раскрытию преступлений и правонарушений среди милиционеров.

Только с начала этого года в суд направили более десятка материалов, первоначальную разработку которых проводили сотрудники ОСБ. Наибольший процент таких дел, однако, связан с «гаичниками» и со взятками. А вот число милиционеров, привлечённых к ответственности за «неправильные методы работы», то есть за «выколачивание» показаний, ничтожно мало.

В последние полгода на территории

районного прохаживался ночью трое человек, которые несли «что-то тяжёлое», и один из этих людей прихрамывал. Иванова и Павлова задержали на другом утро только потому, что один из них, Иванов, прихрамывал тоже. Вечером обоих отпустили из милиции. Почему? Потому что к этому времени удалось задержать настоящего воришку, некоего Кунина, подтвердившего, что «эти двое» никакого отношения к краже не имеют... А в милиции уже была «явка с повинной», написанная Ивановым собственноручно, и в этой «явке» он был преступником на себя.

Как этого удалось добиться? Из заявления Александра Иванова: «Кражу я совершил, о чём говорил сотрудникам милиции, в том числе Замшеву А.А. и Камалову О.Ю. Но Замшев требовал написать явку с повинной, отводил в клетку, по дороге пинал ногой. Замшев нанёс несколько ударов по лицу, несколько ударов по почкам, ногой с разворота под дых. Он же предложил надеть наручники и привесить к ним гири. Когда я упал с ног от тяжести гирь, меня заставляли вновь принять вертикальное положение. Будучи сломен этой пыткой и физически, и морально, я написал явку с повинной».

Никто из коллег Замшева и Камалова, допрошенных судом в качестве свидетелей, не подтвердил показания Иванова: в лучшем случае они утверждали, что просто «ничего не видели». Суд, однако, пришёл к выводу, что травмы, отмеченные экспертом, могли образоваться только в течение строго определённого времени — именно тогда, когда потерпевшие находились в милиции.

По общим этим делам суды вынесли обвинительные приговоры. Но — какие? Замшев и Камалов приговорены к трём годам лишения свободы условно, Берёзкин — к 4 годам. То же условно.

Что характерно, потерпевшие от рук милиционеров даже не пытались взыскать в судебном порядке компенсации за моральный вред. По словам матери Александра Иванова, учительницы одной из чудовских школ, они отказались от гражданского иска, «чтобы люди не подумали, что они хотят «нажиться»». Это во-первых. А во-вторых, прекрасно зная о существующей практике назначения «оборотней» условных сроков, в провинции люди просто опасаются того, что им это «зачтётся» — ведь им приходится ходить по одним улицам с осуждёнными. И случится что, на них сыграются по полной программе: друзья уволенных и осуждённых милиционеров останутся работать всё там же — в милиции.

С введением в действие нового Уголовно-процессуального кодекса России в нашей стране было юридически закреплено право на реабилитацию лиц, пострадавших от действий представителей власти, в результате незаконного возбуждения уголовного дела, незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Между тем по сей день это право пытаются реализовать лишь единицы из «несвиных побитых», «невинно осуждённых». Наверное, ещё и потому, что рассчитывать на достойную компенсацию вреда в условиях провинциальной России не приходится. В той же Новгородской области одним из самых шумливых дел из серии «народ против милиции» стало дело, связанное с незаконным привлечением к уголовной ответственности четверых подростков из Боровичей, обвинявшихся в разбойном нападении на магазин. Обвинение рухнуло в суде — спустя три года после возбуждения самого уголовного дела.

Вернувшись на свободу, молодые люди рассказали о том, как их принуждали взять вину на себя. А потом все четверо обратились в суд с гражданскими исками о возмещении морального вреда. Суд их удовлетворил... В пользу Дениса Николаева было взыскано 7 тысяч рублей, Сергея Грудина и Михаила Иванова — по 8 тысяч рублей, Михаила Николаева — 10 тысяч рублей. Почему последний получил компенсацию больше, чем его товарищи? Потому что в то время, когда шло следствие, а сам он находился в СИЗО, Михаил заболел очень серьёзным заболеванием — туберкулёзом. Можно ли этими грошевыми суммами искупить вину перед ребятами, искавшими физически и морально?

При этом материальное возмещение было наложено не на конкретных людей, виновных в незаконном уголовном преследовании парней, перешагнувших в пору следствия 18-летний рубеж, а на Министерство внутренних дел РФ.

АЛЕКСЕЙ КОРЯКОВ, ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

«Спасибо, что не убили!»

Новгородской области было вынесено два обвинительных приговора в отношении трёх милиционеров, кулачные действия которых были квалифицированы судом как «превышение должностных полномочий с применением насилия».

В посёлке Хвойный к уголовной ответственности привлечён капитан милиции Алексей Берёзкин. Как установлено, он избивал не кого-нибудь, а шестнадцатилетнюю девочку, «проходящую» обвиняемой по делу о краже. Во время допроса Берёзкин настойчиво предлагал девочке дать показания против ещё одного человека, по версии следствия, имевшего отношение к краже. Сделать это девочка отказалась. В результате у неё были диагностированы ушибы скулы и носа, носовое кровотечение. На что рассчитывал капитан, трудно сказать (скорее всего, просто на то, что в маленьком посёлке он царь и Бог), ведь прекрасно знал, что девочка находится под подпиской о невыезде и сразу после экзекуции пойдёт к маме. Несмотря на отсутствие очевидцев, суд смог доказать виновность Берёзкина.

В городе Чудово на скамье подсудимых оказались оперуполномоченные уголовного розыска Олег Камалов и Артём Замшев. Эти экс-милиционеры принуждали дать показания против себя двоих молодых чудовских инвалидов — Александра Иванова и Алексея Павлова... Курьёзная (в чём-то) между тем произошла история. Всё началось с того, что в городе из помещения МРО «Энергосбыт» был украден сейф. Слу-

Следователь не допросил даже соседней Смирнова, подтверждавших, что днём из дома уехали здоровые люди, а вернувшись — «чуть не инвалиды». Что же касается показаний троих милиционеров, они дружно, синхронно выдали единую версию. Да, приезжали к Смирнову в гости. Да, довели до отдела милиции. Но — бить? Что вы! Упаси Господь! Разве мы на это способны?.. А поскольку оснований задерживать Смирнова не было, его отпустили домой — целого и здорового. Откуда же синяки? Так кто ж его знает, может, отступился, ударился лицом об асфальт. Бывает же такое...

Очевидное, казалось бы, дело превратилось в неподдельное с точки зрения доказательств. Юристы говорят: раз не было очевидцев, стало быть, не было и преступления. Стало быть, мы полностью беззащитны перед милицеским произволом?

Именно такой вывод можно сделать из этой истории и из десятков ей подобных. Не дай Бог, с кем-то из милиционеров возникнут пресловутые «неприятельные отношения», он найдёт управу. Без очевидцев. Без свидетелей. И ему за это ничего не будет.

После неудачных попыток добиться справедливости Александр Смирнов отказался от дальнейших действий. Он небогатый человек, у него нет денег на адвокатские услуги, он не может ездить в стальной град — в Москву, обивая пороги Генеральной прокуратуры либо служб уполномоченного по правам человека. Он сейчас грустно шутит: «Спасибо, что не убили!»

Сейчас Александр Смирнов уже не

ЖИЗНЬ — БЫТИЕ

Шаг к вечности

Стоит ли его торопить

Поговорим о жизни не в широком, а в узком смысле этого слова. Я имею в виду — как выжить, когда жизнь становится невозможной, и не только для людей. Можно, конечно, пытаться исключительно витаминами и даже питаться утренняя зарядка, хуже, безусловно, не будет. Но ведь всё равно куда не денешься, это так: рождение человека — первый шаг на пути к вечности. Не торопили ли мы его на этом пути?

И не торопили ли других? Мы ведь тут не одни. Не хочу задевать чьё-то самолюбие, но человек отнюдь не царь природы, как ему кажется. Он порождённый природой (пока так и не понятно — зачем?) один из биологических видов. Всего лишь один! А есть ведь и ещё два миллиона других всевозможных видов. Ах, если бы человек, этот царь-самозванец, пусть надменно, но безвредно хотя бы не обращал на них, так сказать, низших, внимания. Ежедневно (!) на планете Земля вымирает до 70 видов, то есть исчезает навсегда. И повинна в том деятельность того самого «одного вида».

Причём, как говорится, на свою же голову дико и глупо себя ведём. Беззаботные мы, дескать, исчезают всевозможные букашки, козявки и ещё чьё-то знает что. Ну и пусть, мол, их! Не иначе человек дан им, чтобы было с чего сходить. Ведь эти букашки и козявки необходимы для здоровья планеты и нашего с вами здоровья в том числе.

Пример? Возьмём муравья. Ну что такое муравей супротив человека? Малая чепуха из басни Ивана Андреевича Крылова, правда, в басне очень полезная, весьма достойная букашка. А в жизни?.. В заповеднике «Горки» стал гибнуть лес, листья сожрали вредители, такие тоже бывают. Оказывается, лес изобавили от вредителей муравьи, а вот от муравьёв лес изобавили люди. Хотя здешний комплекс жилищных муравьёв обозначен как «Государственный памятник природы». Что натворили люди? Они в «памятник» прямо по муравейникам стали на машинах ездить, чтобы путь через лес сократить. Им некогда. И вытоптали живых муравьёв колёсами своих авто. Теперь в этом урочище стоит безлистный, мёртвый лес.

Не всем, конечно, самоубийственное злодейство над природой присуще. Инспекторы заповедника «Горки» Светлана и Александр Березенко стали стучаться во всевозможные двери кабинетов, то есть досаждали, тревожили начальство из-за каких-то муравьёв. И начальство их с работы прогнало, что, значит, не досаждали. Они всего лишь без работы остались, а муравьи и вовсе сплошь погибли. И некому теперь для нас лес спасать.

Но не только в заповедниках дело. В позапрошлом году, например, было вырублено 20 миллионов гектаров леса, вдвое больше, чем 10 лет назад. А между прочим сверхскоростной лайнер, гордость человеческой цивилизации, за 8 часов полёта сжигает в атмосфере 75 тонн кислорода. Выработать обратно такое же количество кислорода и тоже за 8 часов может только огромный массив — 5 тысяч гектаров леса. А сколько у нас на земном шаре таких лайнеров?

Что-то уж очень я за природу распалился. Ещё чего доброго подумают, будто я из «Гринпис». Нет, я простой обыватель, который смиренно обитает среди безвильной природы. И привкус, например, дышать. Жить-то хочется. А клоню я вот к чему. Можно подумать, что к жизни человека мы относимся бережнее, чем к жизни муравья. Совсем не обязательно. Напомню только один потрясающий воображение россиянин сюжет, мелькнувший в наших СМИ.

Диана Андреевна Мокрушина очень плохо себя почувствовала. Надо отдать должное, «скорая помощь» примчалась в городе Екатеринбург немедленно и быстро отвезла в ближайшую больницу № 33. В «ближайшей» не признали, отослали по месту жительства, в больницу № 2. Оказалось, что по месту жительства на «скорой» не признали, вот если бы она пешком пришла. Адресовали в 32-ю больницу, дежурную именно «по скорой помощи». Там сказали: «Мы с такой болезнью не принимаем». В приёмном покое четвёртой по счёту больницы, куда её привезла всё та же самая машина «скорой помощи», Диана Андреевна умерла. Отказали человеку в помощи в последнюю минуту его жизни. А я вам что-то насчёт муравья талдычу. Мы, оказывается, не задумывались, подталкиваем не только муравьёв и массивы леса к небытию, но и друг друга. Вплоть до наших с вами детей.

Представьте, ежедневно (!) на планете Земля умирают тысячи детей от употребления отравленной (возможно) воды. С водой у нас в стране дело весьма пагубно. Правда, главная причина детской смертности прежде всего в прикормном состоянии нашей педиатрии. Надавить бы её, мы же не чужие нашим детям. Так вместо этого правительство надумало упразднить детских врачей и отдать лечение детей «врачам общей практики». Отчего бы тогда взрослых не лечить только педиатрам, например, от коклюша! Это же какая-то безумная затея!

Впрочем, взрослые и сами «под кирпичом» ходят. Только за минувшее полугодие на стройках Москвы погибли 70 строителей, в два раза больше, чем за весь предыдущий год. Такая вот «техника безопасности». А ведь на работу человек ходит каждый день. И что его там ежедневно подстерегает? Сами видите, что.

Почему же мы так небрежны и к жизни, и к смерти? Не поверите, мы даже не знаем, сколько у нас умерших. Совершенно официально известно, что в Москве умирает гораздо больше людей, чем захоранивается на кладбищах. В прошлом году 12 тысяч покойников исчезли неизвестно куда. Это какая-то милицеско-медицинская мистика.

Плохо мы себя бережём, мало свою жизнь уважаем. В некоторых наших очень промышленных, то есть чудовищно загазованных городах средняя продолжительность жизни меньше пенсионного возраста — не успеваем докарбаться. А в Госдуме ещё и озоботились, как бы повысить пенсионный рубеж на пять мучительных лет. Его не повышать надо, а понижать, чтобы старики успевали наследить последние годы своей жизни, а не успевали! Не успевают!

Жизнь ведь и впрямь даётся один только раз, и её надо хотя бы прожить. Давайте не «торопить» друг друга к роковому рубежу.

Эдуард ГРАФОВ

ПОЧТА «ЛГ»

Птичка тари вместо бормашины

«Врач «Скорой помощи» с большим стажем работы, спасший множество больных, «земную жизнь пойдя до половины», ишет богатенького Буатоно для оказания помощи в потворствовании зубов, до кожной стёвоты на государственной службе».

Такое объявление я готов расклеивать на всех перекрёстках, и не только в своём маленьком городишке. А дело вот в чём. Отчего-то люди считают, что врачи не болеют. А между тем именно к медикам наиболее подходит фраза: «Плохое, плохое, пока не опомнись».

Они и болезни «перехаживают» на ногах, и за медицинской помощью обращаются, когда зачастую уже поздно. Нынче же дела у нас и вовсе плохи. Лечение становится платным, лекарства стоят дорого, а враческой зарплаты едва хватает «на поддержание штанов».

Вот заболела у меня зубы. Надо было протезироваться. Взяв у престарелой матушки «евры», полученные за то, что депортированная в малолетстве в Германию ела из корыта вместе со свиньями, сам себе стал омерзитель. Ещё большее унижение почувствовал, когда переступил порог одной из московских клиник и увидел расценки на услуги. Аплика-

ций. Рот мой был приведён в порядок и наконец-то готов к протезированию. Но вот тут-то и вступил в силу закон принципиального несопадения. Матушкины 10 с лишним тысяч закончились.

Придётся, наверное, начать разводить птичек тари, которые лечат зубы крокодилам. Если, конечно, на них зарплата хватит.

Впрочем, рассказал я сию «дурасудорожающую» историю не для того, чтобы выжать из публики слезу и жалость ко мне, болезному. Предлагаю задуматься о том, что было бы, если бы и я за каждое шевеление пальцем у себя на «Скорой» брал с больных деньги. Предварительно составив, конечно, «финансовый план». Приехал к больному — пробег и амортизация машины 300 рублей, поморил давление — 80, послушал фонендоскопом — 100. И т.д. и т.п.

Лет через пять «Скорая» вообще исчезнет, ибо на неё просто некому будет работать. Нищая «Скорая» выпустит бедняку медведовскую, как ему футболка. Молодёжь лечит наших и наши зубы. И широко протезирует. Ещё занимается липосакцией, пластическими операциями. За очере больше деньги. Которые врачам неотложки, даже после повышения зарплат, и не снились.

Георгий ЕГОРОВ, врач «Скорой помощи», г. Курское

МОЛОДЫЕ О МОЛОДЫХ

Панкосниматели

«Панковский магнит» — вот так я называю мою попытку понять их. Два года в московской школе (8-й и 9-й классы) я наблюдал и посмеивался, наперное, с неприязнью. Но потом постепенно это стало вызывать отвращение: убираем школу после уроков, подметаем коридоры возле лестницы и туалета, а эти двое... звали их Миша (кликуха Хорек) и Валентин (кликуха Черныш), разгорячились, кто, мол, сможет «харчу» со стены клзывать. Мишка сплелет на стену, Черныш сплелет. И тоже самое наоборот. Посмеивались, похвалили друг друга и вернулись к уборке этажа.

Тогда я ещё и не думал их спрашивать, зачем им это. Как-то было мне неудобно. Но удивляло меня это не меньше нынешнего. Мишка — ладно! Разговор отделимый. Но у Черныша приличные родители и не менее приличный доход. Семья есть — семьи нет. Как иначе сказать?

Вечером у них любимое дело — кататься в помойке. Большие такие баки на маленьких колёсиках. Один сидит по шейку в отбросах, второй его катит, и оба счастливые. Но и тогда я не спрашивал, а просто смотрел.

Они спорили, кто сможет поднять с пола и пожевать чью-то уже пережёванную жвачку или кто съест что-нибудь протухшее. Слушали они музыку в стиле «Ленинград» и «Король и Шут», смотрели порнуху и разные жестокие компьютерные игры и курили «бульбультон».

С переходом в 9-й класс их забавы стали кровожаднее. Избивать бомжей до полусмерти — самое весёлое ежедневное занятие. Делали они это чаще, чем в школу ходили, и достижениями («...сломал то... достал это...») в этой области весьма гордились.

Естественно, ни один вечер не обходился без выпивки, и, глядя на это, я понимал, что «отцы-алкоголики» просто отдыхают! Дети пьют (забавно звучит!!!) сильнее родителей, а потом ездят по больницам, ничуть не стесняясь жалостливого взгляда «обалдевших» родителей.

В те дни я стал предпринимать первые попытки разговора с ними. Выяснить мне удалось лишь одно: бомжей они однозначно людьми не считают.

Конечно, я мог и не общаться с ними — это проще всего. *Какаясь бы!* Но это не так. Куда ни поворачивал — они повсюду, и, собственно, выбора у меня не было. Я мог держаться в руках. Нет на моём счету до сих пор ни одной пьянки с ними, ни одного побоища и даже ни одной прогулки «с ветерком» в мусорном баке. Я просто наблюдал, и, думаю, они об этом догадывались, но не были против.

К концу 9-го класса у них уже сформировались не слишком приятные отношения с милицией и точно такие же со школой.

После 9-го я решил с ними распрощаться и поступил в колледж. Познакомился там с тремя забавными «кадрами» и вскоре выяснил, что они не что иное, как

Среда обитания — помойка

очередные панки в моей жизни. Вот тогда-то и пришла мне в голову идея «панковского магнетизма». Глупо, но верно, и я смирился. Я старался понять их. Эти парни были разговорчивые, свободно общались и без стеснения и отговорок прямо отвечали на все, даже самые каверзные вопросы, касающиеся панков и их идеологии. И я немедленно этим воспользовался.

Жил я в студенческом общежитии.

«То? Все живут просто так, — он начал ковырять нашивку «Born to kill»** у себя на джинсах. — У каждого есть цель в жизни. По крайней мере, у большинства. — А у меня вот нет, — с нажимом высказался он. — Зачем тогда живёшь? — Я чё, виноват, что ли, что я родился? — обиженно ответил он. Такой ответ меня почти ошарашил. Он был слишком... точным, что ли.

имидж, и всё! Каждый сам для себя решает, кем он хочет стать... — А кем ты хочешь стать? — Не знаю, к отцу пойду работать.

— А зачем сюда поступаешь? — Это не я, это папа...

— Папа виноват, что ты сейчас тут, мама виновата, что ты вообще есть, все во всём виноваты, а ты один страдаешь, да? А кто виноват в том, что ты панк?

— Никто, я сам захотел... Просто понравилось.

— То-то оно и есть. Просто увидел и подражаешь, папа устроил, а ты учишься... безвольно, живёшь и колышешься, как тростник на ветру. Ты всё делаешь так, как «кто-то сказал», «кто-то предложил», разве нет?

— Нет, мне просто нравится так жить...

— ...Нравится рисовать везде знак анархии, писать всякую ерунду на стенах в туалете и показывать всем, что ты грязный, глупый мешок с дерьмом?

— Сам ты мешок с дерьмом!

— Ты хоть знаешь, за что, как ты говоришь, «борешься»?

— Конечно!

— И что же такое «анархия»?

— Ну, это... типа... когда всё халявно...

— Или...

— Вот и я о том же.

— Ну хорошо подкалывать, задолбал уже...

— Я просто пытаюсь тебя понять. Скажи тебе правду: те панки, которых я знал раньше, были безнадёжны. Им уже было всё до фонаря, что они, где они... Они были настоящими панками. Именно в их действиях, мыслях и разговорах всё это проявлялось. Их я даже и не грузил. Но...

— Я уже понял...

— Погоди. И тут вот я думаю, зачем же это тебе? И я понял. Это просто детская игра. Ты как маленький мальчик, который воображает себя только что увидевшим в кино «терминатором». Ты же знаешь, что тебе это не нужно, ты же знаешь, что ты не «терминатор», ты играешь в глупую игру и не знаешь... зачем. Всё, что ты делаешь, — глупость, одна большая и жирная... и никому не нужная.

Этот разговор ничем не закончился. Он был бессмысленным для меня. Конечно, он может и подбавить на этот момент, но скорее всего, он будет просто реагировать, что ответить в другой раз, если у нас ещё разок завяжется такая дискуссия.

Максим КУЛАКОВ, студент, 16 лет

*Компьютер
**Born to kill — рождённый убивать

СЮЖЕТ ДЛЯ НЕБОЛЬШОГО РАССКАЗА

Меня собака бродячая укусила на рынке. Шёл я по узкому проходу между киосками, никого не трогая, а наоборот, смотрел список от жены — сколько чего покупать. Я эту собаку даже не видел. Только услышал рык, почувствовал боль в ноге, обернулся — и увидел понурую собаку средних размеров с огромными сосками. Она уже потеряла ко мне всякий интерес и шла дальше как ни в чём не бывало.

Первая мысль: за что?!

Вторая: ах ты, сволочь!

Третья: сорок укулов в живот...

Задрап я джинсы, а на голени следы зубов страшным треугольником, будто от челюстей молодой акулы.

Все мои жизненные построения стали рушиться. Уж этим варятам я всегда доверял, как родным. Одна из них, по имени Дашка, любимая и замаскированная, жила в нашей квартире чуть ли не главным членом семьи. И на ж тебе, такая несправедливость!

Свидетели этого нападения слегка пообсуждали происшествие, прозвучало: «У неё здесь щенки, наверное», и на этом всё кончилось. Я не понял: что, щенки оправдывают нападение на беззащитного человека? Да ещё на меня, ни разу в жизни не обидевшего собаку!

А там в одном кондитерском киоске есть продавец с усами и улыбкой шесть на девять. Толк такой. К нему всегда очередь, и он со всеми разговаривает. За погоду, «острокондроз» и чем его лучше лечить. Зюганова с Жириновским, даже за коммуналку, какая она поганая, и за футбол с мужиками — как наши опять облажались, блин, профессионалы хреновые. Народ любит здесь покупать, особенно старушки и балзаковские дамы. У продавца для всех есть пара душевных слов. И не обещивает.

Вот этот Толк вышел ко мне и осматрел следы зубов. И пожал плечами: да ты не бойся, это ж Катька, она здесь уже сто лет живёт в норе под павильоном, она не бешеная, а, наоборот, хорошая. Просто у неё щенки, а ты, наверное, ей на лапу наступил и не заметил.

«Я, мать её, сейчас этих щенков поганых за хвост и об прилавок», — по-мужски сказал я, почувствовав в животе укулы огромным шприцем: причём знал шприц представлялся почему-то ветеринарным, и я непременно от укулов этих умру.

«Да ничего», — сказал Толк, — она не бешеная.

Как человек ответственный, я закупил на рынке всё, указанное в списке, и вернулся домой. Собака Дашка встретила меня, как всегда, радостными прыжками, но я теперь знал цену радости этих неблагодарных тварей.

Жена предложила кардинальный вариант: ехать немедленно в клинику, брать там врачей, везти их на рынок, ловить ту собаку, проверять её на бешенство и прочее, а потом делать мне эти ужасные, но совершенно необходимые укулы.

Я решил, что умереть от бешенства проще. И настоял на своём: промывать рану мылом, намазать йодом и постараться забыть. Может, и ничего.

«Бешенство неизлечимо», — сказала жена. — Как мы тут без тебя останемся? Надо ехать».

«Конечно», — сказал я, — это же не

тебе ветеринар в фуфайке будет протыкать живот своим шприцем живодедкой. Лучше я умру, тем более что я навсегда потерял веру в собак. Разве не мы с тобой учились каждой из этих тварей? Не мы ли всячески пытались скрасить их жизнь, угощая колбасой при любом удобном случае? Вон одна из них сидит на диване, хвостом вертит и улыбается, скотина такая, как будто ничего не случилось! Что ластись? Не знаю, как теперь жить дальше».

Жена позвонила одному знакомому врачу, другому, долго обсуждала с ними мое беспресмысленное будущее и в конце концов обрадовалась: сегодня, говорят, фармацевтика шагнула далеко вперёд и можно обойтись шестью укулами вместо сорока. Но бешенство всё равно неизлечимо.

Потом мы оделись и пошли на рынок: ей нужно было самой посмотреть на собаку, нет ли у неё хотя бы внешних признаков бешенства — пе-

теперь нужна, такая злобная тварь? Даже дети бегут бросили. Такие соски — это же одно поколение щенков».

«Нет, извините, не припомню я вас. Впрочем, теперь это не имеет значения. Хотя сорок укулов, хоть сорок пинков в живот. Умирать, конечно, не хочется и, если чем можете, буду только благодарна. Дозвольте ручку вашу лизнуть... А дети, что ж... нас, людей, тоже дети бросают. Хотите, вместе давайте смерти дожидаться: расположитесь рядышком».

У меня не было желания мстить ей. И ясно было, что она действительно помирать сюда пришла. Никто ж добровольно не оставляет найденное место на рынке. Я купил в киоске колбасы и дал ей. Она поджала и задние лапы её прожали. Дашка виновато смотрела, как она ест.

А на следующий день я увидел, как толстая пожилая тетка кормит эту Катюшку сосисками. Килограмм, наверное, купила в киоске и кормит.

И что-то ей рассказывает. И в другие дни я видел: она приходила откуда-то с другой стороны улицы, покупала сосиски и садилась на лавочку. Катюшка подходила и тихо виляла хвостом. Тетка садилась на лавочку, а собака клала морду ей на колени. Из пакета появлялись сосиски, тетка обдирает с них обёртку и кормила Катюшку из рук. И о чём-то с ней долго разговаривала. Большая такая тетка, при ходьбе она сильно переваливалась.

Я больше не покупал колбасы для этой террористки. Не хотелось нарушать их интимное общение. Но недели через две это общение закончилось: безобразное, развращённое тело собаки лежало на дороге, и его оббегали машины.

В минуту смерти она, может, успела увидеть всю свою собачью жизнь — от нежного щенка, которого до щекотки любят потискать дети, и до собачьей старости, когда мысль поддержать тебя, такую, на руках ни одной душе в голову не придёт. Может, и про меня подумала: зря, мол, я этого типа укусила. И не знала, что я давно уже простил её. А потом ангела ласково приняла её душу — ну

знаете, как это бывает: коридор и яркий свет, покой и безмятежность, и родственные души принимают в объятия, и она узнала, что ничего плохого с ней больше не случится.

И ни один из её щенков, уже взрослых или ещё молоденьких, понятия не имел, где их мать, не умерла ли. Но ей особо не о чём беспокоиться. Переночевать где-нибудь углоком найдётся. Зимой будут замерзать, конечно, и кто-нибудь из её уже взрослых щенков погибнет. А может, и нет. Может, пустят в павильон какой-нибудь. Ближе к весне они будут лежать на пригнетых солнцем локках канализации. А летом безмятежно спать, откинувшись лапы, прямо в проходах между киосками на рынке или на остановках.

Она оставила их, надеясь, что добрые люди что-нибудь кинут и не дадут пропасть.

Ну прямо как мы.

Александр ЯГОДИН

Хорошая Катюшка

ОБМЕН
ВАЛЮТЫ
КУПКА ПРОДАКА
50\$ 2868
100€ 3660
1000 руб 610

ПРЕССА

«Время жить вместе»

Цель газет с таким названием, начавшей выходить с января нынешнего года, — объединить усилия всех желающих не только самим существовать, но и помочь другим, возродить дух общественной благотворительности и патриотизма, показать не надуманных, а настоящих героев нашего времени.

Газета о благородстве, любви и милосердии — так определили её тематику издатели. И именно такая, вызывающая сострадание к отверженным и чувство гордости за милосердных, не потерявших человеческого облик в гонимой за златом, она и получилась. Не блуждающей, а проблемно-позитивной, если, конечно, так можно выразиться. Простые трогательные истории, без «чернухи», смакования пороков и злобной критики. Критика есть, но и она позитивна. Газета не только констатирует проблему, но и предлагает выход.

Газета, которая любит нас, россиян, и Россию. Среди её авторов Александр Солженицын, Валентин Распутин, Владимир Кругин. Здесь можно прочесть интервью с известными писателями, актёрами, художниками. Узнать их отношение к таким вечным темам, как нравственность, самоотверженность и милосердие. Узнать имена филантропов и меценатов. А таких у нас, оказывается, очень много. И потому, как совершенно справедливо заметил, отвечая на вопросы газеты, художник Никас Сафронков, «Россия выстоит и обретёт наконец своё истинное, доброе и чистое лицо».

Людмила ВИДЮКОВА

РЕЗОНАНС

При чём тут политкорректность?

В страхе перед террористической опасностью некоторые, чересчур впечатлительные господа обрушиваются почему-то на либеральные ценности, отождествляя их с гипертрофированной политкорректностью по отношению к меньшинствам. И объявляют абсурд «либерального догматизма», повинного в этом грехе политкорректности, чуть ли не главной причиной терроризма. Именно такую точку зрения излагает на страницах «Литгазеты» (№ 30 — 31) культуролог и кандидат философских наук Анна Яковлева в статье «Камо грядеши?».

Гипертрофированная политкорректность там, где она действительно наблюдается, нередко абсурдна. Только непонятно, как она может вызвать террористическую альтернативу, если носители такой альтернативы и без того добиваются реализации своих «приоритетных прав».

Ну а нас-то так ли уж «достала» политкорректность, как это преподносит Анна Яковлева? Я общаюсь больше всего как раз с либеральной публикой, но мне никогда даже и в голову не приходило, что надо стесняться своей русскости, скрывать своё отношение к религии, не смея гордиться своими культурными и семейными традициями из опасения быть обвинённым в антисемитизме или неуважении к татарам. Мне пришлось много лет провести в странах, исповедующих буддизм, ислам, католицизм, и там я тоже не скрывал, что я русский, и ни один знакомый тамошний либерал тоже никогда не бросал мне обвинений в ксенофобстве.

Ну а как мог некий «либеральный догматизм» превратить равенство людей в «стремление уничтожить вообще всякую дифференциацию и различия», да ещё «под лозунгом уважения к Другому»? Прежде всего не совсем корректно приписывать либерализму глупость, которой он никогда не грешил, прекрасно сознавая, что никакого равенства людей в природе не существует, а заботиться надо не

о равенстве, а о равноправии. И никакой приоритетности прав меньшинства либеральных демократов не провозглашают. При этом никто из либералов не выступает за нарушение прав большинства. Им нужна гармония, а не приоритетность и дискриминация, когда речь идёт о правах человека. На этом в принципе строится и политкорректность. Мало ли где и какие дураки доводят хорошие идеи до абсурда. Сами-то и лезут тут при чём?

И если даже наша общительница либерализма Анна Яковлева признаёт его

«либеральным догматизмом», то как же можно утверждать, что либералы...

...ведут к уничтожению всяких различий?

Никакие извращения в поведении людей, никакие их преступления на протяжении тысячелетий не смогли и никогда не смогут дискредитировать. Моему мнению, максимы Нагорной проповеди, подобные им нравственные установки Корана, буддийского учения, других великих религий, равно как и основанные на них нормы естественного права, которыми вдохновляется право позитивное. А они-то, эти установки и нормы, и суть главные либеральные ценности человечества.

И как действия преступников разных мастей не отменяют уголовного права, так и преступление, каковым является политический терроризм, не может отменить либеральные ценности.

Если, конечно, кто-то не пожелает использовать его как предлог для антилиберальных действий, для наступления на права человека, например, как это было сделано в США после чудовищной террористической акции 11 сентября 2001 года, подлинные организаторы которой, кстати, так и не были установлены.

Утверждение о том, что это либерализм якобы породил «террористическую альтернативу», абсолютно ложный тезис. Стоит проанализировать уже состоявшиеся акты политического терроризма, и станет ясно: не за либерализм и не за политкорректность взрывали Торговый центр в Нью-Йорке, а за антиарабскую политику США на Ближнем Востоке.

Испания потерпела за участие в американской оккупации Ирака. Великобритания тоже. И Израиль платит за захват чужих территорий. И у Турции свои грехи перед курдами. Российские жертвы терактов — результат

экспериментов в Чечне, а вовсе не издержки политкорректности, до которой нам ещё ой как далеко. У тамильских, баскских, ирландских и других подобных им террористов взрыватели служат не ненависть к либеральным ценностям и не зависть к престалам многообразия жизни, а совершенно конкретное чувство неприятия инациональных господ, мешающих им жить так, как они хотят.

А вот что касается экзакции иммигрантов, то это совсем другой вопрос, не имеющий прямого отношения к проблеме терроризма. И разрешается он путём совершенствования иммиграционного законодательства и законов о статусе иностранцев, которые в разумных пределах могут и, наверное, должны быть ограничены в правах по сравнению с гражданами соответствующей страны с тем, чтобы пришельцы не пытались лезть со своим уставом в чужой монастырь.

Владимир СТУПИШИН, поэт в отставке, доктор исторических наук

ПОЧТА «ДГ»

Мне страшно за этих женщин

В начале 90-х, не смотря на тяжёлое время, я осуществил свою давнюю мечту. С интервалом в год одна усновляла трое младенцев. Работу не прекращала — я учитель начальных классов, — болыничных не брала и сейчас, кроме троих подростков, имею несколько сотен благодарных учеников. Каких это потребовало усилий, описывать не буду. Скажу только, что вопреки всему воспитала хороших детей. Но — счастливых ли? И счастливы ли я сама?

Последние два года занимаюсь реабилитацией подростков, совершивших правонарушения. Ежедневно вижу их бедных растерянных матерей (отцов в таких семьях обычно нет). Самое страшное — государство не только не материально, но морально не помогает, а наоборот...

Мне страшно и за этих женщин, и за себя.

Почти постоянным чувством стало тревога за страну, в которой нет защиты ни мне, ни моим детям. Даже по поводу очевидного вымирания населения, что вообще лишает страну какого бы то ни было будущего, власть не волнуется. Но

против-мешает мамам воспитывать детей, навязывая им через телевидение образы либо совершенно недоступной «красивой» жизни, либо криминальной. Простоять всему этому (поведению сына или дочери, их компании, телевидению и «умывшему руки» государству) предлагается мамам. Мне страшно и за этих женщин, и за себя.

Почти постоянным чувством стало тревога за страну, в которой нет защиты ни мне, ни моим детям. Даже по поводу очевидного вымирания населения, что вообще лишает страну какого бы то ни было будущего, власть не волнуется. Но

Мне страшно и за этих женщин, и за себя.

Почти постоянным чувством стало тревога за страну, в которой нет защиты ни мне, ни моим детям. Даже по поводу очевидного вымирания населения, что вообще лишает страну какого бы то ни было будущего, власть не волнуется. Но

Мне страшно и за этих женщин, и за себя.

Почти постоянным чувством стало тревога за страну, в которой нет защиты ни мне, ни моим детям. Даже по поводу очевидного вымирания населения, что вообще лишает страну какого бы то ни было будущего, власть не волнуется. Но

Мне страшно и за этих женщин, и за себя.

Почти постоянным чувством стало тревога за страну, в которой нет защиты ни мне, ни моим детям. Даже по поводу очевидного вымирания населения, что вообще лишает страну какого бы то ни было будущего, власть не волнуется. Но

Мне страшно и за этих женщин, и за себя.

Почти постоянным чувством стало тревога за страну, в которой нет защиты ни мне, ни моим детям. Даже по поводу очевидного вымирания населения, что вообще лишает страну какого бы то ни было будущего, власть не волнуется. Но

Мне страшно и за этих женщин, и за себя.

Почти постоянным чувством стало тревога за страну, в которой нет защиты ни мне, ни моим детям. Даже по поводу очевидного вымирания населения, что вообще лишает страну какого бы то ни было будущего, власть не волнуется. Но

вдруг поднимает шум (правда, на один день) из-за незаконного усыновления российскими детьми иностранцами». Да почему же мы, «самая духовная нация», бросаем своих малышей, а потом позволяем себе грозить пальчиком тем, кто берёт на себя огромный труд по их воспитанию, идя на вынужденный сговор с нашими продажными чиновниками? Почему на своей родине их ничего, кроме унижения и безразличия, не ждёт?

Извечное русское долголетие — не добродетель, а зло, потому что потакает злу. И плата за него — безпризорность, вымирающие деревни, повальное пьянство, одинокие уставшие женщины... Нужно ли платить такую цену? И за что?

Наталья ЛУКИНА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Уволен желанием вопреки

На фоне глобальных катастроф и терактов история отдельно взятой семьи мало кого интересует, а изложение её может даже вызвать упрек: подумайте, несчастие — муж работу потерял.

Муж и отец пятерых несовершеннолетних детей — это я, Плигач Юрий Владимирович. Сорока двух лет, с высшим образованием (инженер-строитель), проработавший десять лет на Северной железной дороге в городе Воркуте, в котором мне, моей жене и детям дал Бог родиться и жить. За эти десять

лет в нашей семье появились четверо детей, а когда младшей дочери не исполнилось и трёх месяцев, меня уволили. А за четыре месяца до того умерла от рака моя жена, помогавшая нам изо всех сил. На нашем попечении остался ещё и дедушка, 73 лет, которому по состоянию здоровья не то что ходить — вставать тяжело. Моя работа давала нам

средства к существованию и волю к жизни, учёбе, оздоровлению. О ежегодных семейных выездах на юг, совершаемых благодаря льготному железнодорожному билету, теперь придётся забыть.

Да что там оздоравливать! Скоро нам и питаться будет нечем. Ведь там, куда мы удались устроиться, я получаю в три раза меньше.

Ответственность за произошедшее я с себя не снимаю, но как мне теперь обеспечить семь находившихся на моём попечении человек?

Юрий ПЛИГАЧ, ВОРКУТА

ШТУДИИ

Якутский город Мирный празднует 50-летний юбилей. Прошли торжества, посвященные этому событию, и в Московском Доме национальностей. В рамках фестиваля современного якутского искусства состоялась беседа с книжки Владимира Карпова «Танец единения душ (Осуохай)». Это художественное осмысление эпохи романтических 50-х. Рассказ о подлинных событиях в романе переплетается с северной мифологией, фольклором, современными легендами алмазного края. «Танец единения душ» танцуют, взявшись за руки и встав в круг. «Заводящий» танец рассказывает о себе и даёт характеристики каждому из двигающихся по кругу: так создается общая картина. Название танца – вольный перевод тунгусского слова «Осуохай».

Сергей НЕБОЛЬСИН

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

МОСКВА

ших пор не собирания сочинений. А в издательстве «Андреевский флаг» все еще не вышла опубликованная два года назад книга стихов. Вспоминали товарищи о Юре как о прекрасном друге и человеке, которого не только любил Россия, но и боготворил ее. И уже писал о том, что провинция чтит своих поэтов. Хотелось бы, чтоб и столица их чтила. Пророчески слова начертаны на могильном камне:

*Но русскому сердцу
везде одиноко
И поле широко
и небо высоко*

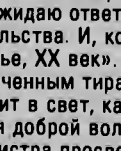
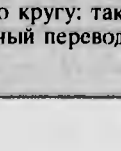
ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

В.А. ТУНИМАНОВ, президент
евского, ведущий научный соту
туры (Пушкинского Дома) И
Д.А. ДОСТОЕВСКИЙ, председа
500-летия рода Достоевских, п
руководитель научно-реставра
ведущий кафедрой литератур
педагогического институт
фессор; **В.Н. ЗАХАРОВ**, замест
нитарного научного фонда, до
сор; **И.Л. ВОЛГИН**, президе
филологических наук, профе
гор университета; **Т.А. КАСА**
изучению творчества Ф.М.
мировой литературы РАН;
Л.И. САРАСКИНА, ведущий
искусствоведный РАО, докт
сор; **К.А. СТЕПЯНИН**, завед
главный редактор альманаха
П.Е. ФОКИН, заместитель д
турного музея; **Г.Б. ПОНОМА**
ского в Москве; **В.Н. ТИХОМ**
рода Достоевского в Санкт-
петербургском филиале «Лароув» За
доктор филологических наук,
ведущего гуманитарного универ
ситетского музея, профессор,
статс-секретарь, директор и со
ставед Института «Северное
главный архитектор «Северно
реставрация», **Л.А. ВОРОН**
Центра традиционной русск
Г.В. КРАСНОВ, доктор фило

ия совета Российского общества
м — Зарайске 27 августа 2005 г.

[illegible]

ТИРАСПОЛ

ВПЕРЕД, ФАНАТЫ ФАНТАСТИКИ!

Мы сами создали этот тупик

Статьёй Светланы Шидловской из Минска мы продолжаем дискуссию о фантастике, в которой уже приняли участие Владимир Можегов, Сергей Павлов, Александр Осипов, Илона Вандич, Вера Тимофеева (Воронеж).

Сколько помню, всегда слышу о кризисе этого жанра. Потому не могу согласиться ни с Сергеем Павловым, ни с Александром Осиповым в той части их статей, где они говорят о нынешней деградации фантастики «по законам геометрической прогрессии», хотя, разумеется, фантастика сильно деформирована, девальвирована, как и вся наша литература.

В начале 90-х мне как заместителю главного редактора журнала отечественной и зарубежной фантастики MEGA (Минск), родившегося ещё в СССР, а впоследствии названного ведущими критиками и литературоведами жанра лучшим журналом СНГ, довелось быть в самой стремительной фантастической реке, которая тогда радовала и многообразием дебютов, и разнообразием подвоинных течений, да и сама «водичка» была то горячей, то холодной, то ледяной, то солёной, то кристальной... Да, сегодня этого уже нет, расставшись романтика, исчезла среда общения, иссякли семинары (особенно жаль Ефремовских чтений), и журнал наш, месяц за месяцем теряя читателей постсоветского пространства, не смог выжить в одной небольшой стране, хотя и продолжался героически шесть лет, до 97-го года. Поэтому мне было особенно интересно открыть два увесистых, побольше кирпичика, тома «Фантастики-2004» и «Фантастики-2005» («Эксмо»). Это фактически альманахи, в которых сошлись три десятка авторов из СНГ — разной литературной направленности. Сильно удивляться не пришлось: половина имён хорошо знакома по журналу MEGA, и все из «знакомой половины» стали ещё индивидуальнее, ярче. В 90-х такого уровня собственного фантаста не было, довольствовались в журнале в основном переводными вещами Жюль Верна, Гюго, Сэпковского и мечтая (!) о том времени, когда же появятся наши, не забытые, полновесные «мечи и магия».

И вот положение очень сильно изменилось, возникло явление, именуемое «отечественным фантазмом», — куда там немецкому романтизму и британской готи-

ке, из которых, собственно, и родился жанр. Клише, выработанные ещё Говардом и Толкиеном, остались, это верно, но только как условие «литературной игры». Старые знакомые — ведуньи и драконы, принцессы и ведьмочки, рыцари и маги *et cetera* — обрели родные черты, заговорили хорошим русским языком, а коллизии стали развиваться на славянском фольклорном материале. М. Семёнова, С. Лукьяненко, В. Панов, М. и С. Дяченко, С. Булыга, Д. Трусиновская — ряд можно продолжить — это мастеровитая проза, когда нажитое и прожитое умело укладывается в жанровые рамки. Завлекательные начала-завязки, остроумные и хитроумные беллетристические ходы, смешение-диффузия поджанровых дефиниций — пороги ремесла, который, слава Богу, перейдёт, чему стоит порадоваться.

Но что за пороги?

Чаще всего темно и пусто. Вроде как собрался пойти сулящий урожай дождя, а закончили все трюма каплями за шиворот. Что писателям делать с героями фантазии? Лучше всего поубивать в грандиозном сражении Добра и Зла, что в основном и происходит на литературных страницах. Однако хорошо выписанное Добро и хорошо придуманное Зло весьма и весьма абстрактны и никак не сопрягаются с «миллион терзаний» наших душ. Не случайно многие фантасты долго отпихивали фантастику от себя, пока их фантастов, не победил господин Рынок. Старейший питерский писатель Ольга Ларионова рассказывала, как в самом начале 90-х она сочинила «космическую оперу» «Чакра Кентавра» — пародию на фантастику, которую издатель и читатели приняли за настоящий жанр: «Я попросила мальчиков, они нанесли мне гору самиздата, я составила список, точнее, столбик: 1) прекрасная принцес-

са, 2) герой, 3) его двойник, 4) мерзавцы высокого ранга, 5) кентавры, крылатые кони, 6) оружие всех сортов от арбалетов до аквалайзеров, 7) нуль-транспортировка, 8) магические карты, 9) путешествие в подпространство... И когда писала, вычеркивала: это, это... Так весь

столбик и использовала. Я была уверена, что не напечатают, но, как ни странно, напечатали. Как говорится, «съели и облизились».

Фантазия, как правило, отражает тинейджерское мироощущение, такими книгами рынок насыщен, такие книги уже

нашёл выход из кризиса, скрестив фантастику массовую с интеллектуальной, тем, что помещал интересных людей в сказочные обстоятельства и оснастил их массой психологических подробностей?

Через литературное преломление реальности возник фантастический реализм — впрочем, открытые не одного только Маслюкова. Что ни говори, а вся наша фантазия находится в пределах нашего же опыта, что хорошо понимал, например, Рей Брэдбери, когда писал «451° по Фаренгейту» и «Вино из одуванчиков». Когда фантастика возникает на стыке человеческих проблем, тогда она литература. Об этом мы говорили и в 80-х, и в 90-х, а в 2000-е почему-то усердно стараемся забыть.

Из «гетто фантазии», которое мы сами же и создали, надо срочно совершить побег, а не мимикрировать и хамелеонничать. Тот же Маслюков полон «Временем» как подростковый писатель типичного фантаста (лишь бы продать?), а в результате произошла дезориентация читателя, увидевшего на обложке очередного дебильного дракона, походя убивающего и комплекса идей, заложенных в романе — эпопее, и его эстетическую ценность. Впрочем, и автору, видимо, неважно, по какому ведомству проходит его вещь, — лишь бы печатался.

Любимый жанр постоянно ищет приключения на собственную голову, и только одно это внушает некий оптимизм. К середине 90-х лотки были завалены плохо переведённой западной фантастикой в своей массе весьма посредственного содержания. Сегодня они завалены отечественным фантазмом, общий уровень которого нескоро вышше. Кто найдёт оптимальный баланс? Куда двигаться дальше? Мне кажется, всё-таки к реальности, точнее, к фантастическому реализму, не покидая уже взятых фантастических высот мышления, но и не бросаясь в пропасти фантазийной зауми и дури.

Светлана ШИДЛОВСКАЯ,
МИНСК

МАССОЛИТ

Имидж вместо мессиджа

«З» а последний год я прочитала две вещи в «Новом мире», по одной — в «Знамени» и «Звезде», а также шесть романов Татьяны Устиновой.

Услышав такое из уст интеллигентной петербургской дамы, кандидата филологических наук, мы были озадачены, даже шокированы. Как так? Тут же попробовали выведать обоснование столь специфического читательского рациона. Оказалось, что во всех романах Устиновой собеседница находит ласкающий женскую душу мессидж. Героиня-Золушка неизменно заполучает в женихи самого благородного, умного, красивого, богатого персонажа. «Ты ещё встретишь своего принца!» — вот что обещается в итоге. То же, насколько это психологически мотивировано и как хромает детективная фабула, — дело второе, а то и третье.

«Что хочет автор сказать этим художественным произведением?» Классический зооковский вопрос всегда встаёт перед читателем. Хоть маскулёта, хоть высокой словесности. А читатели профессиональные, то есть критики, ещё и предлагают свои письменные ответы. Сами сочинители не соглашались с трактовками, иногда вступают с ними в спор. Нормально.

Книга — существо говорящее. На чём вырывается вперед, коммерческие кумиры последних лет? Б. Акунин, например, решает не только чисто развлекательную задачу, обеспечивая читателя российскими и зарубежными петрушками. В своём мегапроекте он нацелен на реальную мессидж нынешней политической эпохи: скачок от либерализма к государственничеству. Уважать, мол, надо чиновников государевых, ведь из них получают президенты. И тайная полиция — ничуть не презреннее других департаментов. (Вопреки шестидесятилетнему пуризм, от которого теперь отказываются иные вольнодумцы. Кто? Да хоть Михаил Козлов. Актер, смело выступавший в застойное советское время с чтением стихов запрещенного Бродского, года три назад вдруг начал хвалиться, что давно ещё был завербован КГБ. Подул ветер века...) Устали уже все от споров о шоковом Владимире Сорокине и о социальном диагнозе Викторе Пелевине. Не такие уж они медведицы пера. Перебор кроваво-факельных подробностей у первого, компьютерная стёртость

языка второго — это ненадёжные путёвки в бессмертие. Оба в рамках своей эпохи. Подобно писателям класса Арцыбашева и Вересаева. А читатели взяли своими внятными мессиджами: Сорокин — парадоксальной идеей о внутренней связи духовности и тоталитаризма, Пелевин — остроумным чертёжом того механизма, при помощи которого манипулируют нашим сознанием.

Вспомним не такие уж давние 70-е. Когда появились трифоновский «Дом на набережной», о нём дискутировали, полагали, больше не в печати, а на кухнях. Обсуждали не то, как написано — вычитывали именно авторский мессидж. Одиноким автором за недостаточный политический радикализм, другие же улавливали философскую грусть: дом стоит, а жизнь прошла. Не вмешалось это в шестидесятнические нормы. Мы спорили — так двигалась мысль социальная, философская, эстетическая.

Мессидж не вычитается в чужих книжках, не возмётся напрокат у классиков или престижных филологов. Единственный его источник — личность автора. Раскрывающаяся в творческом усилии, в саморазвитии. Не только в таланте дело, а ещё и в многомерности, причудливости писательского душевного устройства. Эту интимную инфраструктуру художник разрабатывает, изощряет сам. Как? Рискнованными средствами. Нестандартным поведением в дружбе и любви. Метаниями между самоизоляцией и неосторожными выходами к людям, к обществу. Смеётся над нами? Не страшно. Нужно делать глупости, ибо из чужих ошибок новые сюжеты и характеры не сложишь. Сколько приходится переписать, сколько табу переступить, чтобы не увязнуть в болоте добропорядочности и привычно блестящих выражений, которые ничему не служат.

Скажем, как обстоит дело понашему. Сегодня, в начале литературы XXI века, важно не пресловутое «качество текста» (оно уже стало техническим нормативом, нулевой точкой отсчёта), а чары авторской личности. Очаровать могут ум, красота, смелость мысли, отчаянность чувств... И стоит ли тащить из минувшего века в наш подустаревший идею о «смерти автора», о самодовольной ценности текста?

«Автор остаётся посередине, как раз между наблюдателем и наблюдаемым. Он перестал быть себе интересен. В сущности, он сам в области наблюдения, не вовлечён и бескорытен». Таким эсэистическим пассажем открывает Людмила Улицкая новый сборник рассказов «Люди нашего царя». Звучит прямо как перевод с французского. А как работает эта установка?

Возьмём характернейший для книги рассказ «Писательская дочь». Его герой — частично переименованный Маргарита Алигер и две её дочери, а также незначительная Женья Воробьева, посещающая дачу в Переделкине и дом в Лаврушинском с тем же завистливым трютом, с каким трифоновский Владимир Глебов приходил в Дом на набережной. Писательская династия отчаянно проматывает всё, что получила от жизни и от государства. Спивается и умирает старшая дочь, кончает самоубийством младшая, укусившая в советское время западную свободу. А мать умирает буквально в канаве. Фабула эта невыдуманная. Все так и было, и возможный концептуальный авторского поворота здесь намечалось немало. В частности, «сапфический» мотив. Вечные женщины к женщине — вот что нетривиально в отношениях Жени, «подруги из мира публики», с младшей писательской дочкой. Может быть, у автора смелости не хватило эмоционально разработать эту пикантную линию, вывести её из глубин подсознания...

В чём мессидж рассказа Улицкой? Нет, не отчаянное обожание потаённых «неправедных изгибов». Читается всего лишь снисходительное сочувствие к жертвам времени, да ещё и затёнутое сознание собственного превосходства. Житейский реванш. Маловато будет. Чувства рыхлость творческой концепции и этого, и других рассказов, Улицкая предостроительно ставит на высокие ходы собственного гуманного и политкорректного имиджа. Для чего в конце книги помещает серию религиозно-философских миниатюр типа «У Бога был один хороший сын Иисус. Как свербит на этом месте...» Кучка подобных «опавших листьев» — только прикрытия, а апелляция к божественному понаблюдается, чтобы отвести неизбежное обвинение в маскулётовости и обывательском мышлении.

Один безымянный автор отвергнутый рукописи так отреагировал на замечания: «...а что у меня много ошибок — так это хлеб корректуры». Современные прозаики всё чаще убеждены, что обнаружение смысла их произведений — хлеб критиков. Поминется,

Дмитрий Липскеров на вопрос о сути своего романа так и заявил: «Критики должны истолковать». Прав ли он?

Должны-то должны, но оригинальная интерпретация рождается тогда и только тогда, когда в произведении есть мощный авторский интеллектуально-эмоциональный посыл. Когда вещь сама нахально напрашивается на трактовку, работает генератором интерпретаций. Веселее жить в литературе, когда критики спорят не столько об оценках, сколько о смысле сюжетного события или сущности персонажа. Это интересно автору, читателям, а не только тусовке. Как мало теперь этого! Теряем культуру интерпретации.

Вспомним, что в 70-80-е годы самой престижной для автора формой отклика была не официозно-комплексная статья, а дискуссия, полемическая дуэль под рубриками «Два мнения». С разных точек зрения». Потому что критики давали не столько диаметрально противоположные оценки, сколько неожиданно разные прочтения книги. Расшифровывали мессиджи, хотя слова такого в ходу ещё не было. Но понимание-то было.

Эра модернизма, кажется, миновала, но в России престижной формой ещё остаётся большое многоплановое повествование о всех странах и эпохах разом. Вот широко обсуждаемый роман Михаила Шишкина «Венерин волос». Как связаны в нём вариации на темы «Киропедии», линия «толмача» — переводчика, работающего в Швейцарии с российскими беженцами, и судьба легендарной певицы Изабеллы Юрьевой? Можно сделать усилие и придумать примерно следующее: жизнь во все времена трагична, ложь и насилие неизменно берут верх, но всё-таки мир непредсказуем, и это даёт надежду. Общю получилось? Но именно таковое следствие дефицита композиционной динамики «Венериного волоса», агрегатности соединения разных сюжетных линий. Послушаем, однако, что говорят коллеги.

Два интеллигентных, филологических изощрённых критика выступили с диаметрально противоположными оценками шишкинского произведения. «Великий роман», — пишет Майя Чурская, и от этих слов даже вздрагивает

вашей: здоров ли рецензируемый автор? Ведь подобные эпитеты принято применять только к произведениям писателей, уже завершившим свой творческий путь. Андрей Немзер же категорически заявляет, что перед нами «имитация». Де аргументы сторон? Читаешь и видишь, что критики озабочены не столько трактовкой мессиджа, сколько имиджем писателя. Увлечённая Майя по сути объявляет Шишкина ВПЗРом («великим писателем земли русской»), а ревивный Андрей, в подробности не вдаваясь, объявляет его Василием Лоханкиным и «литературным шармером».

Не согласны. Будь шарм в тексте — не так тяжело было бы читаться. Есть там духовный жар, но чтобы его извлечь, читатель вынужден затратить в несколько раз больше собственных душевных калорий. Вот где роковое противоречие, где ахиллесова пята элитарной прозы — нерентабельные траты. Считать-то в наше прагматическое время умеют все.

Может, кто-то уже засел за диссертацию о «Венерином волосе», а года через три, а то и раньше в романе обнаружат все необходимые архетипы, хронотопы, оппозиции и коннотации. Сделать это легко. Но станет ли произведение понятнее нормальным людям? Едва ли. А если бы сам Михаил Шишкин вдруг взял да и предложил свою трактовку романа, автоинтерпретацию... (Только не стоит отделяться шуточкой Льва Толстого, дескать, для этого мне надо повторить всю «Анну Каренину» от начала и до конца. Всякий прикол и всякое бонмо можно использовать лишь однажды.) Полноценное динамичное произведение не проигрывает от объяснения.

Серьёзная литература сейчас, как невеста на выданье. Сидит себе в высоком тереме, что-то вяжет. Кажется, даже искусно. Нет-нет да и глянет в окно, задумается. И вдруг сверкнёт у неё в сознании: цель-то не плетение словес, а вторжение новой мыслью, свежим мессиджем в ежесекундную жизнь жениха-читателя. В его кухню, спальню, офис, машину, самолёт, в номера заграничных отелей разной звездности. Попадут, непременно попадут туда наши книги.

Ольга НОВИКОВА,
Владимир НОВИКОВ

ПОУЗИЯ

Кривизна московского ампира

Геннадий Русаков. Стихи Татьяна. — М.: Изд-во «Водолей PUBLISHERS», 2005.

Поделился впечатлением от стихов Геннадия Русакова побуждаю трагическая напряжённость его поэтической речи, её неожиданная пластика — встреча с самобытным русским поэтом. По-видимому, немалую роль в эмоциональномприятии, в том, с какой готовностью душа откликается на слово, играет общность поколения, мы дети военного времени, вкусившие его горечь и гордость.

Воздержусь от анализа версификационного мастерства, умения «делать стихи» не потому, что в разбираемой книге недостаточно материала (его-то как раз в избытке), а потому, что не владея инструментарием, с трудом отличая ямб от хорея и стихию русского стиха воспринимаю по-чительски просто душой.

Так что же заставляет братья не за своё дело?

Первое лежит на поверхности, бросается в глаза, особенно тем, кто знает биографию поэта. Чья трудовая жизнь по примитиву прошла в Штатах, да ещё в городах Западной Европы, всё больше в столицах, поскольку Г. Русаков работал переводчиком в структурах ООН и МИДа. Хотя бы краем зрения он должен был зацепить пугающие взор красоты Нового Света — все эти Гранд Каньоны и Великие озёра, Гудзоны и Ниагары, Манхэттен и Бруклины, да хотя бы более близкие нам Парклен или Коллизия. Ничего! Как не было. Зато в стихах — это естественнейший изобилие живёт русская провинциальная топонимика — Голувино, Терновка, Поворино, Грязи, Сухуша, Соновка. Это свидетельствует о том, что поэт знал родной лишь думы власть. Такая внутренняя сосредоточенность, такая «слепота», сочетающаяся со сверхзречностью, родственная той, о которой писала Анна Ахматова: «Он не увидел царские парки с расстреливаемыми, каменными и железными, зато заметил, как «сквозь туман кремнистый путь блестит».

Другая значимая особенность творчества Г. Русакова — неумолчность поэтического речи, мощный выплеск поэтического чувства, не имеющий ничего общего с многословием и тем более с пустословием плодотворных авторов.

После первой юношеской книжки было двадцатилетнее молчание, затем два небольших сборника в начале 80-х. Что происходило с художником, «когда душа вкушает холодный сон», неизвестно даже ему, однако пауза Геннадия Русакова прерывается так, словно прорывает плотину. Сильные, трагичные, горькие стихи лихорадочно выхлещены, выкрикиваются надорванным горлом «сквозь закруженные слёзы». Что же прорвало плотину, что заставило возрывать? Увы, великое горе, потеря друга. Трудно, мучительно умерла Людочка Копылова — радость и оправдание жизни. Но, словно мало было личного горя, в те же годы грянула ещё одна беда — зашаталась и рухнула страна. Та самая, которая переполняла душу и память именами своих рек и полей, запахами лесов и низин, «седым каньём осок» и перелётом пугачевых дождей... То есть всё это, конечно, осталось — Ока течёт по приокскому низину, и Заряск не сдвинулся с места и не поменял имени, как будто и впрямь обречёна за оградой рая, а не за Каширой. Но.

**Страна моя, я разлюбил тебя.
Ты плоть моя, а я себе не нужен.
Но почему, не помня, не любя,
навек тобой, проклятая, конужен?
Вот нежным плетнем тропуя высь
Накрыла расстойные до Рязани.
Но хоть умри, хоть просто удавись —
глядеть в неё последними глазами.**

Стихов такой тональности, такого «разлива» много, и мне не хочется отбивать из них строки, а цитировать полностью не позволяет объём рецензии, я лишь назову некоторые: «Как мне родную помнить, разная за руки цепляясь», «Никогда не прощивший у века ни славы, ни ласки», «Воробей, а опать для тебя христардней буди», «Пол-литры вые гени, бледные чада поэтов», «Держи мои земные слезы на ладошке», «И память надруил неужеными словами», «А мне досталось вое усталого металла», «Мне время и пространство — такие огромные ночи», «Опять струсиле холод из лощины», «Никому мое время не втиснуть в квадраты тетради» — пожалуй, хватит строчек-названий, хотя их перечислить мог бы гордо длинный.

Уходит держава, впечатанная в историю великопечной аббревиатурой, а ей вслед изрыгает хулу и сарказмы.

**Прощай, империя! Я выучусь стареть.
Мне хаатит кривизна
московского ампира.
Но как же я любил
твоих оркестров медь!
Как называл тебя: «Моя шестая мира!»**

Есть ли необходимость оговаривать, что термин «империя» в поэтическом контексте шире его политического значения?

Так какая же скорбь диктует слова Геннадия Русакова, и стоит ли читателю, подпадающему магии поэзии, разделять его чувства? «Русской духовности (православной по сути) присуще эмбриональное состояние, всегда более богатое, чем состояние, уже обвешенное в форму». Эта мысль Мераба Мамардашвили отчётливо перекликается со знаменитой тютчевской формулой.

Вот в чём дело! Ныне из России, из её духовного нутра с болью вытравляются её суть и органика. Эмбриональность — синоним надежды, ожидания, многовариантности. Бог с ней, с империей! Но неужели человечество не способно произвести на свет ничего более достойного, чем общество потребления — социализм, примитивнейший политкорректности? Не эта ли боль неумолчно диктует поэту обжигающе горькие слова?

Чего ждать дальше — от страны? от поэта? вообще от жизни? Мы вступаем в непредсказуемую пору, где всё ощутимей дыхание судьбы и почвы.

Александр ЭБАНОВИЧ

ДИАЛОГ

Совесть — чувство революционное

— Михаил Николаевич, вы один из немногих современных писателей, которые с полным правом работают в историческом жанре. Достаточно вспомнить хотя бы «Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург» — книгу с непростой судьбой, даже в «либеральной» ельцинские денюжки казавшуюся многим слишком крамольной, к журнальной публикации которой я приложил руку. Что для нас русская история? Насколько она поучительна, какую роль может сыграть в осмыслении современности?

— У моего друга, сибирского писателя, есть повесть о том, как в наши дни в сибирском селе обособился рачительный, трудолюбивый, непьющий хозяин, как он устроил свой дом и был самым лучшим образом, а односельчане взяли и его процветающую усадьбу сожгли. «Вот как развратили коммунисты и советскую власть. Я его спросил как-то: а ты расказывай? Нет, говорит, не читай. А ты, говорю, прочитай. Сюжет слово в слово твой: рачительный хозяин, не только себе, но и мужикам жизнь сытую и удобную устроил, а они его чуть не убили, а заведенные им промыслы сожгли. Где были коммунисты в 1868 году, такая советская власть тогда мужиков развратила? И ведь историю-то Лесков рассказывал подлинную, не присочиненную ради «прогрессивной» идеи. А «Новую дачу» Чехова, дальше спрашиваю, помнишь? Запомню, говорит. Там, говорю, сюжет по сути тоже очень похож, только выводы автор делает не митинговые. Вот о чём предлагает задуматься Антон Павлович: когда одни сыты, умны и добры, а другие голодны, глупы и злы, то всякое благо ведёт только к раздору, увеличивающему неравенство людей...

Как видим, жизненные исторические коллизии повторяются. Нас учат, просят задуматься, а мы не хотим или не умеем.

Повторяются они и в литературе, и в журнальной жизни. Вот ещё цитата. О чём говорили наши журналы в минувшие два года? «Они говорили о ближайших и любимых предметах: они говорили о себе, они хвалили в журналах собственные свои сочинения; они решительно были заняты только собою, на всё другое они обращали какое-то холодное, бесстрастное внимание».

— Недавно я чуть ли не слово в слово писал такое про «толстые» журналы!

— Ну да, только здесь речь совсем не о сегодняшних литературных делах. Сказаны эти слова Николаем Васильевичем Гоголем в пушкинском журнале «Современник» в 1836 году. В 1834 году журнальные авторитеты приравнивали с трудом различимого сегодня Кукольника к Гёте. А в 1974 году уже другие журнальные авторитеты приравнивали писателя В. Коженикова к «богатырям из племени Ильи Муромца».

Или возьмите такую тему, как упоминание литературы. Если следить за нашей текущей критикой, литература всё время была в упреке! Об этом гонорит, например, известный «Взгляд» на русскую литературу 1842 года, когда, казалось бы, столько всего уже предельно...

— Пушкина уже нет, а Достоевский с Толстым ещё не пришли.

— Но есть «Герой нашего времени», первый том «Мёртвых душ», осталась проза Пушкина! То есть уже существуют три основные направления, по которым продолжит развиваться отечественная проза: эпическое, психологическое и фантастическое. Всё предельно! С этой высоты, как с Валдайской возвышенности, во все стороны текут наши великие реки... А ощущение, что упадок.

Я не перестаю удивляться, когда наталкиваюсь на исторические рифмы. Когда одно и то же говорится в разное время совершенно различными людьми.

— Кураев, как известно, не только исторический писатель, это ещё писатель фантастический и самый что ни на есть петербургский. (Думаю, смею судить об этом, потому что отдал этому чудному городу десять лучших лет жизни.) Я, впрочем, не расставляю названные свойства по важности,

Предлагаем вниманию читателей беседу критика и прозаика Сергея Яковлева с известным петербургским писателем Михаилом Кураевым

ибо неизвестно ещё, что из чего вытекает. Это-то и хотелось бы уяснить. Фантастическая, например, — она относится к сегодняшним ощущениям, принадлежит одному лишь петербургскому бытованию, или её корни гораздо глубже и шире? Понятно, что это прежде всего свойство писательской личности, угол зрения, и всё-таки: какую роль в вашем приращении к фантастическим играм российский историзм?

— В отличие от вас, Сергей Ананьевич, я с фантастическим писателем Кураевым даже и не знаком. И пристрастия у меня к фантастическим, как мне кажется, нет. Величайший выдумщик Гюгено в своём полном загадочном «Песочном человеке» сказал: «...нет ничего более удивительного и безумного, чем сама действительная жизнь...» Свою повесть «Капитан Дикштейн» я назвал в подзаголовке «фантастическим повествованием» лишь для того, чтобы сказать, подчеркнуть: наша реальная история фантастична! В повести нет ни фантастических, а даже сохранил по возможности подлинное имя персонажей, а единственного выдуманного мной второстепенного героя — приятеля Дикштейна Шамиля — встретил через 12 лет после выхода повести! В Гатчине во время моего выступления перед читателями в библиотеке имени Куприна поднимается весьма пожилой человек и спрашивает: откуда вы меня

«Принесли газету — словно дуррак вошёл в комнату». Сегодняшняя газета заставляет меня об этом вспомнить. Вслушайтесь: «Всякая идея для России — вещь опасная. Была одна идея, большевистская: грабь награбленное. До чего довела прекрасную страну, известно...» Всего три фразы, и одна другая живей! Пишет, между прочим, известный и многими уважаемый писатель (имени называть не буду). В давние времена сам был идейным, принёс на «Ленфильм» фотографии повешенных на улицах Будапешта ногами вверх коммунистов и пугал ими Худсовет, обсуждавший его сценарий: дескать, не примете сценарий — пошатнётся идея, а потом и нам всем так качнется... Как можно сводить почти вековую историю страны к единственному лозунгу? Разве ты не знаешь, что только в первую пятилетку было построено 1500 фабрик? Что в 1952 году, через семь лет после страшной, разорительной, тяжёлой войны — в одном-единственном году! — в России было открыто 1200 библиотек? Городских, районных, детских... Это тоже «грабь награбленное»? Это тоже «всякая идея для России — вещь опасная»? Ликвидация безграмотности, приобщение к культуре — опасные идеи? Какой барский, а бы даже сказал — рабовладельческий взгляд на свой народ! Получается, эти холмы не достойны ни образования, ни культуры...

— Самое отвратительное, что люди, которые вот уже

власти так удивительно похожи друг на друга! История очень мало меняется, потому что власть всегда тратит огромное количество энергии на самосохранение. Вот в чём беда. И в этом же беда реформ Александра II. Реформы (это говорит у меня один из персонажей) есть разная направленности: одна для преобразования общества и стимулирования его развития, другие — для самосохранения власти. Отмена крепостного права отнеслась, конечно, ко второму. Царь чувствовал правильно: лучше сверху, чем снизу! Эти реформы были продиктованы страхом. Надо спасаться, иначе — вторая пугачёвщина...

— Пусть хоть так! До этого ведь тоже надо было додуматься, иметь определённый кругозор, какого не имеют, на мой взгляд, нынешние российские политики...

— Они не хотят его иметь. Не желают знать, что происходит в стране, чем она живёт. Им кажется, что специально подобранные информационные, находящиеся у них на службе, дают им представление о реальной жизни. Ничего подобного! Им услужливо преподносят та картинка, какую они хотят видеть. И только когда дело доходит до кризиса, приходится что-то совершенно неожиданно с удивлением узнавать... Например, о трансформаторе, который стоит 160 тысяч рублей, но почему-то не был оплачен из 50 миллиардов прибыли.

корень — это чувство справедливости, чувство человеческого достоинства, опять-таки совесть.

В нашем сериале есть комментарий к самой, наверное, популярной нынче цитате из Пушкина: про русский бунт, бессмысленный и беспощадный. После издевательств над студентом Боголюбовым в пеленальной тюрьме — это известный эпизод истории, предшествовавший покушению Засулич на Трепова. — там произошло возмущение. Власть вызвала команду, заключённые без разбора были избиты, многие брошены в смрадные карцеры. «Беспощадный бунт»? Со стороны тех, кто его подавлял, — да. Но «бессмысленный» ли? Нет! После этого появился прокурор. В течение десяти минут, разговаривая с обвиняемыми, этот прокурор от духоты трижды падал в обморок, невольно засвидетельствовал тем самым жуткие условия, в которых содержались арестанты. И положение изменилось! Убрали, например, самых одиозных тюремщиков. «Да, но какой ценой?» — говорит один из моих героев, на что ему отвечают: «Когда вас заживо жарят, о цене не спрашивают».

Нынче принято забывать, что люди принимали не потому, что им хотелось бунтовать. Надо было очень постараться, чтобы их до этого довести. Такой была, по формуле нашего писателя, «прекрасная страна» до 1917 года. Это к вопросу о том, какую Россию мы потеряли, кто и до чего её довёл... Я, впрочем, не понимаю, почему мы используем столь деликатный термин — «реформы». Давайте называть вещи своими именами! Перестройка — ещё что-то непонятное, но сегодня идёт последовательное возвращение капиталистического строя. А революция — «наоборот», по-моему, называется контрреволюцией?

— Недавно официальный журнал в статье, спущенной прямо из администрации президента РФ (неплохая переписка сюжетов!), предсказывал «дальнейшее свёртывание» социального государства. Кажется, куда уж дальше? И как это согласуется с нынешней Конституцией, где это самое социальное государство прописано в главных строках?

— И такое покушение на Конституцию в порядке вещей, оно как бы лояльно!

Недавно я закончил большую вещь, которая в каком-то виде существовала ещё два года назад, и её уже тогда, наверное, можно было напечатать. Но только время спуска, как мне кажется, я начал понимать, о чём эта вещь. Получается, что я написал об истории мешанского реванша. Что бы ни говорили о социалистической революции, она в основе своей была антимешанской. Теперь мешан берёт реванш. И это было предсказано! Владимир Маяковский, «Клоп». Вот уж действительно образец исторического предсказания! (Точно так же, кстати, им была предсказана наша бюрократическая катастрофа в «Бане». Он предупреждал, что бюрократы сожрут революцию. Так и вышло, сожрали.) Кто такой «новый русский»? Моё, для меня, я — цент! Всем отомщу за то, что из меня хотели сделать общественное животное! Живу для своего удовольствия, а всё остальное — ваши проблемы... Клоп.

— Идеологи нового времени, думаю, не откажутся от такого ярлыка. Более того, с гордостью скажут, что мешанство, преследуемое советской властью, — это синоним жизнестойкости!

— И вспоминает, что Александр Сергеевич Пушкин тоже с гордостью называл себя мешаном... Нет, жизнестойкость бывает разная. Жизнь за счёт другого, обирая и топчась этого другого, — это жизнь эгоиста, зверьёвства. Это и есть их идеология!

Она оправдывает муть хищника. Моральный релятивизм, отказ от регулирующих человеческие отношения категорий — вот что для сегодняшнего, скажем так, исторического этапа, быть может, несколько не менее страшная угроза, чем терроризм. Сложность противостояния этому злу в том, что «преступники» за руку не схватить. А хватать надо. И известно, кому. «Сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать» — это опять Чехов... Или слово «интеллигенция» тоже устарело?

— По-своему они поступают грамотно и разумно. Надо глушить революцию в корне, а её

ПОЭЗИЯ

Верчу в руках планету

Николай ЗИНОВЬЕВ

ПОЭТ
Все в мире заняты делами,
Какое множество судеб!
Кто камни делает хлебами,
Кто в камни превращает хлеб.

Найдите дело мне, поэту:
Лишь я один — ни то, ни сё,
Сижу, верчу в руках планету,
Где происходит это всё.

ОСЕНЬ
Вижу осени поздней приметы:
Обнажились леса и сады,
Но деревья, что ветром раздеты,
Не стыдятся своей наготы.

И травой окружённые
рыжей,
Стынут лужи в предчувствии вьюга,
Небо стало грустнее и ниже.

...И божьи потянулись на юг.

Убери лавровый венец —
Никогда не ходил я в кликушах,
Но я знаю, что света конец —
Воцарение тьмы в наших душах.

Мне ночами под крики «Ату!»
Снятся злобные страшные хари,
Пробуждаюсь в холодном поту —
Коронация в самом разгаре...

Бережно-жесток.
Сладковато-кисл.
Говорю: «Восток», —
И теряю смысл...

Оргвыводы. Морговиницы.
Прыжки из-за угла...
Компьютерные вирусы.
Кривые зеркала.

И зряшные подробности,
Которых пруд пруди,
И чувство соприродности,
Застывшее в груди...

Над контуром — любимым —
Смешение завес, —
И дымом голубым
Пропитан свод небес.

И птички голоса
Звучат почти нон-стоп,
И так похож на пса
Подтаивший сурб...

Жизнь, я тебе не перечу:
Хочешь, отправлюсь навстречу?
Хочешь, останусь на месте —
Ждать кем-то посланной вести?

...Время с открытым финалом.
Прячется под покрывалом.
И, улыбаясь по-лись,
Тащит свой крест закурль...

Полуживая статуя —
Датою без числа —
С пятого на десятое
Штатная ночь прошла...

Мы только утром поняли,
Что этой ночью нет.
Оптика расстроилась.
Власть преломил свет...

Зубной щёткой радиатор батареи
Лениво краснел,
Смутно думая о том,
Что жизнь земная всё равно себя хитрее,
Хотя с рождения похожа на фантом...

Безупречная прелюдия.
Камертонная страда...
Милосердие правосудия
Справедливее всегда.

И об этом знают многие
(Хоть совсем не большинство),
И толпятся они убогие,
Выживая божество...

Ветер перемен
Светлой памяти Ю. П. Кузнецова
Сдул страну и не заметил,
Будто пыль.

Страхнул с колен,
Сильный ветер,
Лобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!..

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим.
Раньше срока умерев.

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ
Она всех любит без разбора,
То право святое ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её плетя,
И нрав её, отнюдь, не злой.
Но кто попал в её объятья,
Тот сам становится землей.

И вновь свободна, вновь невеста
Она, покорна и тиха,
И новое готово место
Для жениха.

Как ведётся в небе — птицы,
Как ведётся в венах — кровь.
А любовь в глазах блудницы?
Или это не любовь?

Это — чудо? Нет, не чудо.
Ну, тогда скажи, откуда
В золотом сиянии дня
Отблеск адского огня?

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока не достаёт.

От этого в душе
Такая кутерьма!..
Пока или уже
Не достаёт ума?..

Ветер перемен
Светлой памяти Ю. П. Кузнецова
Сдул страну и не заметил,
Будто пыль.

Страхнул с колен,
Сильный ветер,
Лобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!..

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим.
Раньше срока умерев.

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ
Она всех любит без разбора,
То право святое ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её плетя,
И нрав её, отнюдь, не злой.
Но кто попал в её объятья,
Тот сам становится землей.

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока не достаёт.

От этого в душе
Такая кутерьма!..
Пока или уже
Не достаёт ума?..

Ветер перемен
Светлой памяти Ю. П. Кузнецова
Сдул страну и не заметил,
Будто пыль.

Страхнул с колен,
Сильный ветер,
Лобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!..

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим.
Раньше срока умерев.

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ
Она всех любит без разбора,
То право святое ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её плетя,
И нрав её, отнюдь, не злой.
Но кто попал в её объятья,
Тот сам становится землей.

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока не достаёт.

От этого в душе
Такая кутерьма!..
Пока или уже
Не достаёт ума?..

Ветер перемен
Светлой памяти Ю. П. Кузнецова
Сдул страну и не заметил,
Будто пыль.

Страхнул с колен,
Сильный ветер,
Лобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!..

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим.
Раньше срока умерев.

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ
Она всех любит без разбора,
То право святое ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её плетя,
И нрав её, отнюдь, не злой.
Но кто попал в её объятья,
Тот сам становится землей.

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока не достаёт.

От этого в душе
Такая кутерьма!..
Пока или уже
Не достаёт ума?..

Ветер перемен
Светлой памяти Ю. П. Кузнецова
Сдул страну и не заметил,
Будто пыль.

Страхнул с колен,
Сильный ветер,
Лобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!..

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим.
Раньше срока умерев.

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ
Она всех любит без разбора,
То право святое ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её плетя,
И нрав её, отнюдь, не злой.
Но кто попал в её объятья,
Тот сам становится землей.

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока не достаёт.

От этого в душе
Такая кутерьма!..
Пока или уже
Не достаёт ума?..

Ветер перемен
Светлой памяти Ю. П. Кузнецова
Сдул страну и не заметил,
Будто пыль.

Страхнул с колен,
Сильный ветер,
Лобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!..

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим.
Раньше срока умерев.

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ
Она всех любит без разбора,
То право святое ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её плетя,
И нрав её, отнюдь, не злой.
Но кто попал в её объятья,
Тот сам становится землей.

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока не достаёт.

От этого в душе
Такая кутерьма!..
Пока или уже
Не достаёт ума?..

Ветер перемен
Светлой памяти Ю. П. Кузнецова
Сдул страну и не заметил,
Будто пыль.

Страхнул с колен,
Сильный ветер,
Лобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!..

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим.
Раньше срока умерев.

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ
Она всех любит без разбора,
То право святое ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её плетя,
И нрав её, отнюдь, не злой.
Но кто попал в её объятья,
Тот сам становится землей.

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока не достаёт.

От этого в душе
Такая кутерьма!..
Пока или уже
Не достаёт ума?..

Ветер перемен
Светлой памяти Ю. П. Кузнецова
Сдул страну и не заметил,
Будто пыль.

Страхнул с колен,
Сильный ветер,
Лобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!..

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим.
Раньше срока умерев.

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ
Она всех любит без разбора,
То право святое ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её плетя,
И нрав её, отнюдь, не злой.
Но кто попал в её объятья,
Тот сам становится землей.

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока не достаёт.

От этого в душе
Такая кутерьма!..
Пока или уже
Не достаёт ума?..

Ветер перемен
Светлой памяти Ю. П. Кузнецова
Сдул страну и не заметил,
Будто пыль.

Страхнул с колен,
Сильный ветер,
Лобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!..

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим.
Раньше срока умерев.

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ
Она всех любит без разбора,
То право святое ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её плетя,
И нрав её, отнюдь, не злой.
Но кто попал в её объятья,
Тот сам становится землей.

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока не достаёт.

От этого в душе
Такая кутерьма!..
Пока или уже
Не достаёт ума?..

Ветер перемен
Светлой памяти Ю. П. Кузнецова
Сдул страну и не заметил,
Будто пыль.

Страхнул с колен,
Сильный ветер,
Лобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!..

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим.
Раньше срока умерев.

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ
Она всех любит без разбора,
То право святое ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её плетя,
И нрав её, отнюдь, не злой.
Но кто попал

Первые в венецианской «Перспективе»

Фильм режиссёра-дебютанта Алексея Федорченко «Первые на Луне», созданный на Свердловской киностудии, получил одну из престижнейших наград 62-го Венецианского кинофестиваля. Российская лента разделила основной приз фестивального конкурса «Горизонты» с польской картиной «На востоке рая».

Принадлежащий к модному направлению студий в области «альтернативной истории», эффектно задуманный и блестяще стилизованный под хроникально-документальное расследование фильм «Первые на Луне» приоткрывает «покрова тайны» над отрядом советских «космолётчиков», созданным ещё в середине 1930-х. Попытки разобраться в «реальности» факта успешного прилунения красного командира Ивана Фирсова ещё за четверть века до гагаринского полёта, апеллируя к целому ряду взаимоисключающих, казалось бы, культурных источников. Здесь переплетаются мотивы и толстовской «Азлиты», и «Омона Ра» Виктора Пелевина, а вдохновенные пророчества Циолковского вполне мирно взаимодействуют с лёгким элементом постмодернистского «стеба», никоим, впрочем, образом не преувеличивая. А действительно впечатляющая «квазиэпикальность» работы произвела в жюри такой эффект, что члены выдали ленте Федорченко приз за лучший документальный фильм. Надо полагать, всё же не потому, что обманулись...

Боровшийся же за «Золотого льва» в основном конкурсе Алексей Герман-младший с картиной «Гарипасту» (также своего рода возвышенный миф о первых русских, но уже на футбольном поле), несмотря на достаточно высокие оценки прессы и зрителей, не сумел повторить двухлетней давности «подвиг» Андрея Звягинцева и его «Возвращения». Равно как и новый фильм Кирилла Лаврова с участием Никиты Михалкова, и считавшийся безусловным фаворитом второй режиссёрский опус Джорджа Клуни.

Главным триумфатором фестиваля стала «Горбатая гора» Энга Ли с несколькими неожиданными на первый взгляд темой кобблер-гомосексуалистов. Но, с другой стороны, тоже ведь своего рода «альтернативная история».

А. В.

К ним едет «Ревизор». На юбилей

Предпраздничное настроение царит на сцене Малого театра — в грядущем году наш «второй университет» отметит своё 250-летие. На пару с петербургской Александринкой они были учреждены по высочайшему повелению императрицы Елизаветы Петровны в 1766 году.

В предъюбилейном сезоне в «Доме Островского» зрителям показали пьесу «Титульного» для этих подмолок драматурга «Последняя жертва», спектакль по чеховским водевилям «Свадьба! Свадьба! Свадьба!», а также «Минного большого» Мольера. Собственно, премьера последней работы в постановке Сергея Женовача ещё впереди, она состоится в конце сентября на гастролях в Санкт-Петербурге. И все ближайшие планы коллектива, естественно, связаны с классикой. Продолжается работа над выпускаемыми в самое ближайшее время спектаклями — «Госпожа министерша» и «Смерть Тарелкина». В декабре должна состояться премьера «Мари Стюарт». Начата работа над «Ревизором», к которому обратился художественный руководитель театра Юрий Соломин (в своё время молодой артист Соломин громко заявил о себе на прославленных подмостках именно ролью Хлестакова). Надо ли говорить, что афиша юбилейного сезона готовится украсить и именем Островского. Причём дважды. На основной сцене выйдет драматическая хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», а в филиале — «Бедность не порок».

Обо всём этом было поведано на сборе труппы, который открыл генеральный директор театра Виктор Коршунов. Руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии Михаил Швыдкой поздравил коллектив театра с получением президентского гранта.

А Юрий Соломин напомнил слова президента о том, что 250-летие Малого театра должно стать праздником для всего русского театра. И выразил уверенность в том, что коллектив старейшего драматического театра по плечу — судить можно по удачным летним гастролям в Японии, а также в Челябинске, Перми, Нижнем Новгороде. «Трудно было, не скрою, сезон был сложным», — сказал Юрий Мефодьевич, — но выдержали! Ведь у нас, у артистов, как — чем больше работы, тем мы счастливее. Такая профессия...»

Нина КАТАЕВА

Факт знаменательный. Свидетельствующий о том, что в культуре нашей, всё сильнее и неприимее, казалось бы, разрывающейся по идейным и эстетическим швам, оказывается, возможны и некоторые центристские тенденции, и объединяющие разные полюса «фигуры примирения».

Именно таковой выступает сегодня — применительно к самому понятию «Художественный театр» — писатель Валентин Распутин, единственный из современных авторов, появляющийся в наступившем сезоне на афишах и одного и другого наследника славного сценического дела. МХТ им. Чехова объявил о предстоящей в декабре премьере «Живи и помни». МХАТ им. Горького выпустил возобновление одного из лучших своих спектаклей по повести «Прощание с Матёрой», отклик на которое мы предлагаем вашему вниманию.

Счастливого долгого прощание

Возобновление этого спектакля было поступком едва ли не неизбежным, поскольку актуальность его сегодня кажется ещё более пронзительной. Сегодня с новой силой, неистово звучит выстраданная автором тема, важнейшая на наш день: тема противостояния русской деревни и того «разлома», что идёт по стране.

В центре постановки Андрея Борисова — мощнейшая метафора Атлантиды — Матёры — Руси, подвергаемой символическому, по сути, сожжению, испепелению, а вслед за тем и окончательному затоплению. Здесь деньги дают за поджог изб, и «чужие черты» рубят могильные кресты, рациональная констатация: «Поплынут туристы и интуристы на теплоходах, а тут ваши кресты плавают». «И вот уже жизнь не в жизни, а ташит нас куда-то», — скажет мудрая бабка Дарья, и, хотя прозвучит нота бессилия в её сильном голосе, она останется верна своим корням.

Лейтмотив всего спектакля — память о предках, об истории, память как национальное средство жизни и выживания. Память, которой хотят лишиться, ибо «слишком памятливы вы». Вечный Листень, дерущий, по легенде, ведь Матёру, — тоже память, уходящая в неё всеми своими могучими корнями. И останется он гордо стоять вопреки огню, оказавшемуся бессильным...

Три слишком хорошо узнаваемых поколения явственно предстанут перед нами на сцене: новое, которое на Матёре не приросло и нигде не прирастёт, поколение, что Матёру затопит, исповедуя новую «веру» разрушения, — Андрей (Станислав Сытин), Петруха (Павел Ордин), Клава (Наталья Моргунова); поколение среднее, обесценившее от бесчисленных перемен, олицетворяемое Павлом в исполнении Николая Пенюкова; и, наконец, почти мифическое поколение той самой мудрой памяти в блистательном исполнении Светланы Коркошко (Дарья), Любви Стриженовой (Настасья), Генриетты Ромодиной (Катерина), Луизы Кошуковой (Сима), Анатолия Семёнова (дед Богодул). Именно последнее актёрское поколение, безусловно, задаёт тон всему спектаклю.

Горькая, невозможная утрата для всех нас. Закончился земной путь замечательного человека, народной артистки России Клементины Ивановны Ростовцевой.

Боле чем полувековой путь артистического служения, жизнь без остатка, до самых последних дней отдавшая любимому театру, единственной сцене в жизни Клементины Ивановны Ростовцевой — артистки Московского Художественного академического театра имени М. Горького.

В грозном военном 1942 году застенчивая и обаятельная девушка решительно и отважно пришла в мир театра, и Вл. И. Немирович-Данченко принял её учиться в Школу-студию МХАТ, углубив в этой девушке яркое и самоотверженное дарование, творческую одержимость, редкое трудолюбие.

1947 год. Окончена учёба. К.А. Ростовцева — актриса великой сцены, замечательный талант в пледе великих художественных театров.

С первых же шагов на сцене Клементина Ростовцева в составе легендарных спектаклей — «Анна Каренина», «Воскресение», «Домби и сын», «Мари Стюарт», «Зимняя сказка», «Село Степанчиково»... В истории театра навсегда останутся образы, созданные К.И. Ростовцевой: Мария в «Двенадцатой ночи», Леди Тизл в

Замечательно, что именно распутинская проза, в последние годы как бы ушедшая, и притом совершенно несправедливо, в тень, станет подобием нити, пытающейся связать Камергерский переулок и Тверской бульвар. Замечательно, что абрис этой нити вообще возник. Ибо одновременно навсегда уходят последние живые свидетели того легендарного МХТ — МХАТа, заставшие ещё величественное сооружение Станиславского и Немировича, последние их ученики. Уходят, подобно Матёре и её жителям.

В тот момент, когда этот номер «ЛГ» готовился к печати, пришло горькое известие о кончине старшей мхатовки — Клементины Ростовцевой. По прихотливому изгибу судьбы одна из последних ролей замечательной актрисы была сыграна ею, что теперь обречено звучать как символ, именно в спектакле «Прощание с Матёрой».

Что тут можно добавить? «Живи и помни»!

С первой же сцены, когда деревенские старухи, собравшись за самоваром у Дарьи, заводят свой неторопливый, вроде такой обыденный, иногда шутиливый, а потом и горький разговор, в зале наступает та особая тишина сопереживания, какая бывает при встрече с подлинностью и правдой настоящего искусства. Здесь происходит материализация национального характера — понятия неотъемлемо распутинского, оказавшегося столь близким режиссёру, ж-

нова. В её Настасье ожидают лучшие качества русской женщины — советской, любящей. Хочется назвать эту Стриженовой уроком высшего мастерства, мастерства предельного обаяния жизненной правды. Вдруг наступает момент «нераспутинской» актрисы и её героини, и зритель узнаёт в Настасье одну из тех столь узнаваемых деревенских старух, добрых, заботливых, с натруженными ласковыми руками, открытой улыбкой, в ко-

и есть своеобразное олицетворение векового Листенья, именно на Дарье стоит вся деревня.

Переживает тихо, про себя, почти безмолвно, но на лице её можно прочесть всё. Такова Сима в точном исполнении Луизы Кошуковой. Актриса находит в своей героине краски, способности, что называется, вывить «типичное в частном». Горькая судьба, постоянная неустрашимость — она, пожалуй, выверенный до мелочей штрих одиночества в богатой палитре красок распутинских героинь на мхатовской сцене.

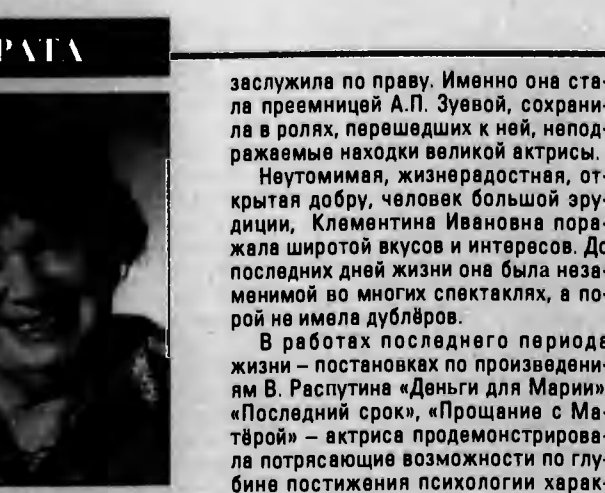
Настоящим открытием как для самой актрисы, так и для зрителей стал везд Генриетта Ромодиная на роль Катерины. Сочно написанный автором образ гармонично дополняется природной правдой актёрского таланта, рождая в итоге один из наиболее ярких образов спектакля. В этой судьбе спектакля поколений отразилась с максимальной полнотой. И актриса ведёт роль, глубоко проникая в самую суть проблемы. В ней говорит боль за детей, сошедших с веками утверждённого пути. В ней боль за людей новой «энергичной цивилизации», говорящих: где хорошо, там и родина.

Уходит старое поколение, остаётся новое, но истина пребывает всё та же: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет и жизни» — таков лейтмотив спектакля.

Валентин Распутин, к сожалению, сегодня редчайший гость на столичных подмостках. В чём дело? В «немодных» почвенниках и модных западниках? В разных взглядах на жизнь замечательного русского писателя и творцов современной сцены? А может быть, в неспособности нового поколения актёров и режиссёров духовно «вытянуть» идеи, лежащие в основе поэтики распутинского творчества...

Кто знает, может быть, спектакль «Прощание с Матёрой» — это «последний из могикан». Но уверенное творческое и внутренне-религиозное единство мхатовских стариков со стариками распутинской свободоловливой Ангары во имя правды жизни и во славу русского реалистического искусства заставляют, несмотря ни на что, верить в обратное.

Андрей СВЕТЕЛ

«Школе злословия». Дуняша в «Вишневом саду», Наташа в «Трёх сёстрах», а также Коробочка в «Мёртвых душах», Манёфа в «На всякого мудреца довольно простоты».

Через всю огромную сценическую жизнь Клементина Ивановна Ростовцева с достоинством пронесла честь актрисы Художественного театра. Её партнёрами были народные артисты Советского Союза П.В. Массальский, В.Я. Станицын, А.П. Кторов, М.М. Яншин, А.К. Тарасова, О.Н. Андреева. Любимые мхатовские стариков К.И. Ростовцева

заслужила по праву. Именно она стала преемницей А.П. Зубовой, сохранила в ролях, перешедших к ней, неподражаемые находки великой актрисы. Неумолима, жизнерадостная, открытая добру, человек большой эрудиции, Клементина Ивановна поражала широтой вкусов и интересов. До последних дней жизни она была незаменимой во многих спектаклях, а порой не имела дублёров.

В работах последнего периода жизни — постановках по произведениям В. Распутина «Денги для Марии», «Последний срок», «Прощание с Матёрой» — актриса продемонстрировала потрясающую возможность по глубине постижения психологии характеров русских женщин.

Высокая гражданственность, неподкупность, смелость в суждениях отличали Клементину Ивановну Ростовцеву как яркую личность, имевшую свой неповторимый почерк в искусстве русского театра.

Прощаясь с дорогим другом, коллегой, мастером, скажем себе: в нашем сердце навсегда благодарное восхищение Вами, прекрасная, неповторимая, бесконечно дорогая Клементина Ивановна!

Вечная Вам память!

КОЛЛЕКТИВ МХАТ им. М. ГОРЬКОГО

А ведь мог бы почивать на лаврах...

Многие официальные награды и звания, заслуженные за долгую жизнь, — народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, — достаточные поводы, чтобы принимать поздравления и похвалы.

Всё это не про Кирилла Юрьевича Лаврова.

Судьба послала ему предназначение не просто стать Артистом. Но стать лицом целого поколения советских людей, выстоявших, победивших в Великой войне, прошедших нелегкие десятилетия второй половины XX века.

Нелегко и не сразу определил он свой путь. Родился в актёрской семье, но мечтал стать капитаном дальнего плавания... Хотел уйти на фронт, с нетерпением ждал совершеннолетия, но успел лишь поработать токарем на заводе в Новосибирске в эвакуации и закончить авиационно-техническое училище.

А судьба словно звала и настаивала: ты должен со сцены выразить своё представление о жизни, свои идеалы. Надо было услышать эти голоса.

Ему не довелось профессионально учиться «на артиста». Он учился у жизни, у природы, у коллег, у друзей и недругов. И стал артистом сам.

С 1955 года (ещё один юбилей), ровно полвека, он актёр и долгие годы верный соратник Георгия Александровича Товстоногова в одной из лучших трупп страны. Большом драматическом театре.

Сейчас часто слышится: кончились актёрские ампулы...

Не случайно именно с лицом Лаврова оказался пролетарий Нил в питерских «Мещанах». А их с Товстоноговым знаменитая мизансцена: Нил, удобно рассевшийся на фортепиано, переключивший, заглотивший собой музыку, задолго до наступления времён свободных переоценок и разоблачений стал гениальным знаком грядущего Хама.

Но и Ленин в ту пору, когда все ещё у нас считали его идеалом человека, образцом чистого

любой хороший актёр может играть всё... Да и понятия «герой», «положительный герой» стали уходить из жизненной и театральной практики.

Кирилл Лавров нечасто теперь появляется в новых ролях, редко снимается: он признаётся, что не понимает идущего уродливого капитализма, не принимает его героев.

При свойственном ему «самоощущению» он не может делать того, во что сам не верит, не исповедует.

Но ведь на Руси искони ценились такие лучшие человеческие качества, как патриотизм, верность, порядочность.

А раз так, то всегда были в особой цене актёры, сами обладающие этими качествами и способные воплотить их на сцене или на экране. Это в России родилось искусство социального героя, и принадлежало оно всегда немногим. Лучшим из лучших. Среди них, конечно же, всегда был и остаётся сегодня Кирилл Лавров.

Не случайно именно он возглавлял БДТ после ухода Учителя. Тогда он настоял на том, чтобы ослепевший коллектив выбрал себе художественного руководителя. Его и выбрали — единогласно, ни одного голоса против. Не случайно он не председательствует в Международной конфедерации театральных союзов СНГ. Ещё одна боевая переловка. Кирилл Лавров живёт, работает, репетирует.

Он, как и прежде, как всегда, лидер и боец. Актёр милостливо Божьей. Социальный герой.

Анна КУЗНЕЦОВА

ВЕРНИСАЖ

«Каждый продавец хвалит свой товар»

И порой высокохудожественно

тер. Выставка «Старые фламандские мастера. Век Брейгеля» появилась в залах ГИМа исключительно благодаря Газпромбанку, решившему таким образом отметить своё 15-летие. А «Прогулки по Старому Городу», чьё театральное, костюмированное, особым образом музыкально организованное начало само по себе тянуло на статус умелого «хепенинга», оказались возможны исключительно благодаря Московскому вино-коньячному заводу КИИ, внедряющему на рынок свой почти одноимённый 8- и 10-летней выдержки продукт.

По этому поводу можно, безусловно, вволю поиронизировать, а кто-то, возможно, не упустит случая и бурно возмутится — дескать, от рекламы и так некуда деваться, дайте хоть в благойной по оп-

ределению выставочной тиши от неё отдохнуть.

Да, вся эта несколько нарочитая, не слишком «уклюжая» выпирающая спонсорская составляющая выставок и впрямь вызывает известные вопросы. Ну скажем, не слишком ли «мелко» и легковесно для столь солидного финансового института размещаться на коллекции не столь многообразной, сколь антикаварного качества? Ведь Брейгель-младший, несмотря на весь свой острый, почти карикатурный дар, никак не может быть поставлен на одну доску со своим родителем. Что же до коньяка — скажем прямо: несмотря на все усилия заводских технологов, он по своим вкусовым характеристикам не может пока быть назван коньяком безупречного аромата ушедшей Москвы.

Впрочем, не будем слишком уж строги. Ей-богу, ведь куда лучше при имеющемся желании вступать во взаимоотношения с миром искусства таким образом, нежели лезть прытью на оседающие в недостатках глаза простого смертного корпоративных коллекциях.

В конце концов, как гласит название одной из картин Брейгеля-младшего, «Каждый продавец хвалит свой товар». И если нужно, для большего эффекта, поставить рядом для всеобщего обозрения достойный артефакт — пушай, хвалит громче!

Александр А. ВИСЛОВ

Фламандия. Начало XVII в.

Москва стремительно выходит из своего традиционного летнего анабиоза. И если бы мы вознамерились осветить все экспозиции, открывающиеся сегодня в столичных галереях, музеях и выставочных залах, то одной газетной страницы на это было явно не хватало.

Однако два вернисажа, состоявшиеся, кстати сказать, в один и тот же день, хотелось бы всё же выделить особо. И не по причине их какой-то особой уникальности, «из-ряда-выдающихся»: случаются у нас, причём нередко, акции куда более «знаковые», масштабные, концептуальные, нежели выставка живописи старых фламандских мастеров в Историческом музее и фотовыставка «Прогулки по Старому Городу» в клубе «Запасник», что в Старосадском переулке. Но эти достаточно скромные — три десятка фотографий — явления, к тому же весьма ограниченные во временных рамках, приятно поразили своей совершенно особой атмосферой. Тем роскошными, прямым ароматом давно ушедшего времени, который, обволакивая нас всеми своими «духами и туманами», обильно сочится и с картин Питера Брейгеля-младшего и его современников, порой, прямо скажем, не самого выдающегося мастерства живописцев. И с часто любительского качества снимков «города, которого нет» — Москвы рубежа XIX–XX столетий, оставившей нам эти карточки едва ли не единственным документальным свидетельством своего былого существования.

Есть ещё одно обстоятельство, роднящее два этих, таких несхожих, в сущности, артпроекта. А именно их нескрываемое «пиаровский» харак-

Москва. Сентябрь 2005 г.

ЛИТЕРАТУРА В ТЕЛЕ

Парад монстров

Сказать вам, что мне больше всего понравилось в новом развлекательном произведении Павла Лунгина (совместно сценария Юрия Арабава) по повести «Мертвые души»?

Свинья. Хотелось даже сказать Свинья. Почему мы начали с этого уютного и очаровательного животного? Да потому, что множество персонажей, населивших собой полотно Лунгина, куда как неорганичны, неестественны. Все лезет из кадра вон, как скажем, Сергей Гармаш или Нина Усатова, — не говоря уже о других.

Здесь нельзя не припомнить предшествующие этой картине две версии «Мертвых душ», которые очень нравились нашим телезрителям. Это черно-белая картина на основе спектакля МХАТа с В. Белокуровым — Чичиковым (этого актера больше знают по роли Валерия Чкалова), эта роль стала его самой значительной работой на телевидении.

Далее многосерийный фильм Михаила Швейцера с Александром Калягиным в главной роли и с целым букетом актерских удач и совершенно неожиданных прорывов, начиная с Инны Чуриковой, Лидии Федосеевой-Шухшиной и, скажем, Юрия Богатырева в роли Манилова. Нельзя заставить зрителя не сравнивать всё это с изданием Павла Лунгина.

Могут возразить, что есть немало случаев повторных экранизаций уже известных произведений. Дайте авторам право на своё толкование того или иного знаменитого произведения.

Но Лунгин замкнулся не только на «Мертвые души», но на своего рода энциклопедию гоголевского творчества. Здесь мы узнаём и «Старосветских помещиков», и «Как поспорили Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», и многих, многих других. А это уже очень серьёзно.

Главное же — то, что режиссёр (он же генеральный продюсер и прочее и прочее) бесконечно рассылает всякого рода намёки на российскую современную жизнь. Так возникает у нас на экране своего

Так получилось, что этим летом я перечитал всего Гоголя. Взялся за «Мертвые души», а потом настало время переключиться на повесть «Мертвые души», которую я ещё раз перечитал — просто не мог оторваться. И, помню, тогда я ещё подумал: при всей своей «кинематографичности» Гоголь вряд ли может быть удачно представлен на теле- или киноэкране. Причина одна — где найти режиссёра и сценариста, которые любили бы Россию столь страстно, беззаветно и бескорыстно, как любил её Гоголь?

А на прошлой неделе по каналу НТВ пришлось посмотреть «Новую фильму» — «Дело о

в России... Но зловещим языком — чтобы в случае чего не пострадать. Вот и стал теле-сериял на тему Гоголя служанкой двух господ. Но авторы фильма спрятались за определением жанра своего произведения — «фантазия». Мол, чего с Гоголя возмущаться, классик! И с нас взятки гладки.

Но вот Гоголя в «фантазии» по его произведениям нет. Больше того, создается впечатление, что авторы фильма самого Гоголя не читали. Они его препарировали, выскребали из него нечто этакое, развлекательное, кухонные разговоры о современном прочтении, но собственно Гоголя прочитать не удалось. Видимо, максимум, на что у них хватило времени, — это на

сверхзадачу. Так и кажется, что Гоголь не сам писал, а всего лишь еле-еле успевал записывать то, что снисходило на него свыше! Вот как Господь положил ему на душу, так он и писал. И эта гоголевская свобода вызывает ощущение света и радости, даже, казалось бы, в довольно мрачных петербургских повестях.

А что в фильме? Политконъюнктурность напрочь убила всю гоголевскую свободу. И дело даже не в том или ином прочтении Гоголя, а в стилистике самого фильма — он стиснут, он зажат, он заперт в коробочку или, по ассоциации, в старую дырявую гоголевскую шинель. Только вот, если опять вспомним, правда, другого классика, какая

Валентина ИВАНОВА

Продаётся свинья в луже. Дорого

беглое освоение некоторых очень старых (и давно устаревших) литературоведческих статей и школьных учебников по литературе (опять же устаревших). Отсюда возникает примечательная черта фильма — его замешала «советскость» (которая, то бишь «советскость», тоже нынче в политической моде). Но «советскость» именно замешала, в самом худшем понимании — она в фильме агитпроповская, рапповская, с тем самым устремлением сбросить чего-нибудь с корабля революции. Только теперь не социалистический, а буржуазный революционный.

Однако «новое» прочтение классики все же оказалось с творческой изюминкой. Если раньше нам говорили о том, что Гоголь обличал революционную Россию как воплощение мерзости и мрака, но тем самым одновременно он объективно способствовал торжеству нового, будущего социалистического строя, то теперь, в фильме, нам объяснили — не только доореволюционная Россия была гнусна и мерзопакостна, но и советская Россия, и нынешняя тоже. В общем, если что уж и скидывать с корабля буржуазной революции, так это саму Россию.

Так, в угоду политическим конъюнктурам взяли и убили прозу Гоголя. Одно из самых ярких впечатлений от перечитывания Гоголя — потрясающая свобода гоголевского повествования. Когда читаешь его сочинения, полностью забываешь о каких-то нормативах литературного ремесла (все эти звания, кульминации, «крепкий сюжет» и др.), и уж тем более о неких политконъюнктурных

«Гайдай. Комедия семейной жизни»

По Первому каналу посмотрел этот документальный фильм дважды. Не оцениваю его качество (название неудачное) — внимание забрал полностью герой ленты. Время доказывает: Леонид Ювич Гайдай был великодушным комедийным режиссёром мирового масштаба. Высоко оценили уже одну из первых его работ — «Пёс Барбос и необычный кросс», оказывается, стал лауреатом кинофестивалей в Англии, США, Москве. Но вот дома путь Гайдаи был с большими препятствиями. Первый фильм «Жених с того света» был назван псевдонимом на советскую жизнь, после чего Гайдаю запретили снимать. Гениальной «Операции «Ы»» присвоили вторую категорию, а ведь она поставила рекорд: 70 миллионов кинозрителей. «Бриллиантовую руку» выжили почему-то в антисоветизме. «Народного артиста СССР» Гайдай получил лишь в 1989-м. Хотя народ оценил его комедии, как они заслуживали. — «Кавказскую пленницу», например, мы знали наизусть.

Жаль, что язык комедий трудно переводим. Иностранцам понять сложное юморное наше специфическое юмор. А Гайдай заслуживает мировой славы, что и показал фильм о нём. Мало ценим мы своих замечательных людей.

Владимир ПОЛЯКОВ

Время Толстого

Появление Петра Толстого в качестве диктора-комментатора на Первом канале да ещё и в воскресной программе «Время» — событие для российского телезрителя отнюдь неординарное. Понятно, что без санкции больших кремлёвских начальников тут дело не обошлось, понятно и то, что они сделали очень сильный (едва ли не стратегический) ход, прибавив к государственной пропаганде талантливую, творческую личность.

Первые, пожалуй, получивший всероссийскую известность, как ведущий «Скандальных новостей» (на давнем канушем в Лету телеканале «ТВ-6»), Пётр Толстой неизменно импонировал своей эзотерической публике высоким профессионализмом, независимостью суждений, смелой оригинальностью отбора фактов для его авторских программ телеэфира. Теперь же в своей не принуждённой, внешне бесстрастной, эдакой философской манере новый телеведущий Первого доводит до миллионов телезрителей практически официальную точку зрения на важнейшие российские и мировые события. И трудно не признать: получается у него не только изысканно, эффектно, но и весьма эффективно...

Александр СЕРГЕЕВ

Чтобы помнили

Фильм «Эта жестокая госпожа удача» об актёре Павле Лусупекаеве, показанный на канале «Россия», вышел пронзительным. Как хотелось остановить плёнку, не дать кончить — к горестному эпизоду! Сколько цветов на его могиле пожуло — не счесть, а он всё кричит: «Не везёт мне в смерти, повезёт в любви...». Лучше бы так, конечно, но, увы, не угадав своего будущего ни герой «Белого солнца пустыни», ни его исполнитель. Был любим, однако давно нас покинул. Впрочем, творческая жизнь в отличие от физической может быть безмерно длинной. Мало только, чтобы помнили. Как Лусупекаева...

Валерий БУРТ

Мелочь ли?

Есть на Первом канале в программе «Доброе утро» телерубрика — «Энциклопедия русской жизни», представляемая стихами Пушкина: «Дай Бог, чтоб милостию Неба / Рассудок на Руси воскрес: / Он что-то, кажется, исчез!»

Потом следует какая-нибудь анекдотическая хохма или байка чаще всего артистов-юмористов, приправленная хихикающей фонограммой. И так изо дня в день. Иногда получается действительно весело, но, как правило, по-аниматорски пошло. Спрашивается: при чём здесь «Энциклопедия русской жизни»? Она что же, вся состоит из глупого смеха? И почему Абдуло остро назойливо владеливают в голову, что «рассудок на Руси исчез», прикрываясь словами классика? Вроде бы пустяк, мелочь, но когда точат по капле, невольно задумаешься, что это далеко не случайно. Ведь именно в мелочах, в деталях прячется отец лжи.

Александр ТРАПЕЗНИКОВ

Помнят ручки-то, помнят...

Вот так вот нажмёшь — едва ли не случайно, механически — на кнопку телеканала «Культура», увидишь вроде бы впрямь Юрия Никулина в блистательной сыгранной сцене из фильма «Когда деревья были большими» (когда он с невероятным соединением смущения и восторга произносит: «Помнят ручки-то!.. Помнят...») и потом уже не можешь оторвать глаз от экрана до самого завершающего пятибуквенного титра.

Давняя лента Льва Кулиджанова, трагическая и эмоционально перенасыщенная, но при всех своих достоинствах отнюдь не шедевр, вырастает в контексте обрамляющих её на соседних каналах пёстрых и пустых «конкурентов» до пространства каких-то фантастических, прямо горных вышей.

Порой кажется, что если бы не «наше старое кино», да, впрочем, и зарубежное тех же возрастных характеристик, то совсем бы не стоило включения телевизора прокрученных на это дело киловаттов энергии.

Спасибо «Культуре» за её политику кинопоказа. Да, впрочем, я не только за неё одну.

Помнят ручки-то, помнят — кнопка под номером пять.

Александр А. ВИСЛОВ

Содержание рубрики — воспоминания телеведущих. Если делитесь воспоминаниями и историями, то пишите в рубрику: «Воспоминания телеведущих» (объём до 0,5 страницы) на адрес: stv@igz.ru

ТЕЛЕ КРИТИКА

Видят, но не слышат

Через 50 лет после возвращения Дрезденской галереи российские посетители практически лишены информационного доступа к шедеврам. Не видит проблему и наше телевидение

50 лет назад, осенью 1955 года, началось возвращение картин Дрезденской галереи в ГДР. Причины столь великодушного жеста можно оценивать по-разному: слишком много сошлось в тот момент идеологических, политических, чисто личных и иных предположений. Однако прежде чем 1200 экспонатов отправятся на родину, с мая по август того же года в Пушкинском музее в Москве прошла выставка дрезденских шедевров. Её посетители стояли в очереди по несколько дней. После этого картины упаковали и отправили в Берлин.

Для того чтобы эта благородная акция стала возможной, в Москве, Ленинграде и Киеве была проведена гигантская работа советскими реставраторами, которые просто возродили некоторые картины из небытия. Например, знаменитый «Динарий кесаря» Тициана, написанный, как известно, в 1518 году на дереве тополя и являвшийся собой предположительно дуперу шкафа во дворце герцога Альфонсо д'Эсте в Ферраре, сохнул почти три года в естественных условиях (искусственная сушка привела бы к разрушению шедевра). И только потом к реставрации приступил Павел Корин.

Плохая сохранность картин объясняется тем, что во время войны они были складывались в сырых штольцах и шахтах Саксонии, в подвалах некоторых замков, совершенно не приспособленных для хранения музейных экспонатов. В результате погибли 206 картин, а при различных транспортировках и «инвентаризациях» пропали ещё 463. Тем не менее директор Пушкинского музея Ирина Антонова, принимавшая участие в отправке картин в ГДР, не без оснований считает, что только благодаря позиции СССР Дрезденская коллекция была спасена. В целом же за послевоенное время Германия было возвращено около 1,5 миллиона предметов искусства, в основном из Санкт-Петербурга (Ленинграда) и Москвы.

Головина возвращающей галереи была отмечена в Дрездене довольно скромно. Организована (в основном силами РИА «Новости») тематическая выставка о том, как проходили поиски и возвращение галереи. Состоялось подписание протокола о совместной работе между Дрезденским художественным собранием и Пушкинским музеем в лице всё той же Ирины Антоновой. Достигнута договорённость об издании переписки директора Скульптурного собрания Дрездена Георга Троя и основателя музея Александра III (будущего Пушкинского) Ивана Цветаева. Вот, пожалуй, и всё.

Алексей СЛАВИН, собкор «ЛГ», БЕРЛИН

ТЕЛЕ ФОРМАТ

Эпоха защиты прав трудящихся завершилась тем, что proletarian различные виды труда (включая интеллектуальный) оказались у одного общего и множества частных развитых корыт. И с удивлением обнаруживали, что, оказывается, в СССР действительно были социальные завоевания. Прямо скажем, не слабые. И проблемы человека труда, хотя бы частично, активно обсуждались на том же самом телевидении.

Если говорить о кинолентах, то достаточно вспомнить

сильское телевидение? Какие «профессии» наиболее полно представлены на телеэкране? Банальности, конечно. И ещё девочки всякие, отличающиеся в основном лёгкостью поведения. Сравнимой, если вспомнить классику, разве только с «лёгкостью» в мыслях необыкновенной» у соответствующих сценаристов, режиссёров и «хозяев эфира». Последним же должны быть особенно благодарны за превращение экранов в «телеканалы», где, в частности, воспеваются различные формы «труда» грабителей. Даже удивитель-

ге. Как об удаче (по крайней мере, относительной) можно говорить о фильме «Ледниковый период». Замечательные актёры (друзья Абдуло — Розанова) и сценарий с режиссурой, пожалуй, посылные будут, чем в нескончаемых «Улицы разбитых фонарей». Но вот что, мягко говоря, старожавает. Поминется, в советских фильмах («Это случилось в милиции», «Дело Румянцева», «Ко мне, Мухтар», «Петровка, 38», «Огарёв, б...» Разве всё вспомнить?!). многократно подчёркивалось, что милиция, оказывается, должна

Без вести пропавшие труженики

образы, созданные замечательным актёром Николаем Рыбниковым в фильмах «Весна на Заречной улице», «Высота» или «Девчата». Сталевар, монтажник, лесоруб... И у всех нас — у зрителей, особенно у молодых людей и у детей, выработалось твёрдое убеждение, что добросовестным, честным трудом можно достичь больших высот в любой профессии. Нам открыты все дороги, и требуется проявить только трудолюбие.

Теперь считается бесспорным, что Голливуд был не только «фабрикой грёз», но и создателем «американской мечты», сыгравшей важную роль в преодолении последствий катастрофического кризиса и последовавшей за ним Великой депрессии 20–30-х годов прошлого века. Но я, например, убеждён, что наше кино неслучайно было больше оптимизма и созидания. Особенно если учесть, какими мастерами создавались эти кинокартины, насколько совершенны они были в художественном отношении. У противников «всего советского» масса претензий к этим фильмам? Допустим, но что предлагает взамен наше бесслезное «реформированное и неореформированное» телевидение?

Пусть господа попытаются в открытой дискуссии доказать, что бесконечные банальные сериалы, пропаганда унижения человеческого достоинства лучше. Нет, предпочтут поплакаться. Помните, наши «мастера культуры» возмущались, когда некоторые украинские коллеги называли современный русский язык «языком попов и блатняков»? А на кого надо обижаться в первую очередь? Разве не такой образ рисует сейчас рас-

но, что бандиты проявляют чёрную благодарность и до сих пор не учредили открыто вышестоящие премии телевизионщикам. И вручали бы их «красиво» с шумом и треском. Церемония награждения можно было потом весь год показывать. До следующего аналогичного события. Впрочем, будем справедливы. Есть ещё несколько групп населения, за чьё представительство в «телевизионном зазеркалье» можно не беспокоиться. Это милиейские и прокурорские работники — с одной стороны, а также предприниматели (особенно банкиры) — с другой. Правда, и здесь зритель имеет право выразить некоторые неудовольствия. Неудомение, по крайней мере. Начнём со стражей правопорядка. Хорошо, конечно, что в соответствующих фильмах завершалась эпоха «попальной продажности». Есть вполне позитивные образы. Например, майор, даже подполковник Кузнецов (в исполнении Сидихина) в «Бандитском Петербур-

те». Как об удаче (по крайней мере, относительной) можно говорить о фильме «Ледниковый период». Замечательные актёры (друзья Абдуло — Розанова) и сценарий с режиссурой, пожалуй, посылные будут, чем в нескончаемых «Улицы разбитых фонарей». Но вот что, мягко говоря, старожавает. Поминется, в советских фильмах («Это случилось в милиции», «Дело Румянцева», «Ко мне, Мухтар», «Петровка, 38», «Огарёв, б...» Разве всё вспомнить?!). многократно подчёркивалось, что милиция, оказывается, должна

тратить денежки, причём очень быстро. А честно зарабатывают-то они как? Ночь не поспал — мешок денег? Не дают нам ответа.

Специально для тех, кто хотел бы пожить себя творческим трудом, совершенно извращённую картину об этой деятельности и о самом понимании успеха создают всевозможные «фабрики звёзд».

Можно подумать, что «новые отношения» между людьми в «новой экономике» или лучезарны, или вовсе отсутствуют. По крайней мере, тележурналисты предпочитают не говорить и об этом. Если труженикам всего могучего и многочисленного «телевизионного цеха» ничего не известно о трудовых отношениях (и конфликтах) в нашем обществе, то пусть спросит нас — телезритель. Нам есть что сказать. И не только по этому вопросу. Получилось так, что в области защиты прав наёмных работников наша страна отброшена назад лет на сто. Если не больше. Но почему-то факты чудовищной эксплуатации, самодурства новоявленных Салтычих (не только женского рода) не волнуют никого, кроме самих страдающих. Власть самоустранилась от обуздания зарвавшихся нумераций, профессов, похоже, взыскать перестала. Телевидение молчит. Оно и понятно, дело и невнятное, и небезопасное. Только само собой от ничего не разрешится. Ни один жадного добровольно свои аппетиты не ограничит. Надо ли ждать нового Гапона, который повлечёт обездоленных к роскошным дворцам со старыми петитами: «У нас только два пути...» Один из них — в могилу.

Андрей БРИЛЬ

Литературный скандал

Святая цензура

За что Дэн Браун обидел Испанию?

В Испании очень недовольны тем, как автор супербестселлера «Код да Винчи» американский писатель Дэн Браун изобразил современную испанскую действительность в своем произведении, «Дигитальная крепость».

Роман «Дигитальная крепость» был написан Брауном до «Кода да Винчи». Теперь же благодаря грандиозному успеху последнего, в свое время не замеченное произведение автора издается во всем мире вместе с другими, написанными им ранее.

«Дигитальная крепость» сейчас переводится в Испанию и, как ожидается, будет опубликована издательством «Уранин» в марте 2006 года.

Но уже после того, как некоторые испанцы ознакомились с романом в оригинале, они были шокированы. Дело в том, что в Испании люди способны критическим взглядом смотреть на свою страну, однако не терпят, когда кто-то со стороны позволяет себе подобное. Особенно остро испанцы реагируют на то, когда кто-то осмеливается утверждать, что, хотя их страна в последние годы очень изменилась и модернизировалась, она все-таки еще не достигла уровня наиболее развитых цивилизованных государств. И дело, думается, не только в патриотизме. Свою роль играет и то, что испанцы заинтересованы в том, чтобы не привлекать внимание к существующим в их стране проблемам, поскольку это противоречило бы образу Испании как «рая для туристов», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Многие литературные критики суют на то, что в готовящемся к изданию в «Уранин» романе Брауна он чрезмерно стигматизировал, описав Испанию в «весьма негативном» духе.

В частности, главный персонаж этого произведения Байкер, который по заданию Агентства национальной безопасности США приезжает в Испанию для расследования загадочного убийства в Севилье, сталкивается во время поездки по этой стране с массой неприятных вещей.

К примеру, хотя Испания считается страной, в которой почти нет коррупции, Байкер становится свидетелем взятничества и вымогательства на уровне рядовых полицейских, что его очень удивляет.

Устами своего героя Браун рассказывает о плохом обслуживании в учреждениях системы социального здравоохранения, запыляющих очках ждущих неотложной помощи пациентов и, по его словам, напоминают «павильоны для

съемки фильмов ужасов в Голливуде».

Герой «Дигитальной крепости» жалуется на отсутствие на улицах испанских городов привычных для американцев коммунальных услуг. В частности, на обилие испорченных общественных телефонов, «которые проглатывают и не отдают монеты», из-за чего герой долго не может дозвониться до США.

Воскресное литературное приложение «Кроника» к испанской газете «Мундо» с негодованием сообщает, что изобретение Брауном Испании выдержано в канонах изжившей себя «черной легенды» об этой стране. Отмечается, что показ писателем этой страны как «технологически и в прочих отношениях отсталой, пронизанной коррупцией, пропитанной некомпетентностью», уже вызвал в США недовольство у многих американцев, побывавших в Испании и неплохо ее знающих.

«А бывал ли сам Браун в Испании?» — задается вопросом «Кроника». Если да, то следует второй вопрос, вынесенный в заголовок статьи: «Что Испания сделала дурного писателю-мультимиллионеру Брауну?» В любом случае «Кроника» предполагает, что, когда «Дигитальная крепость» будет опубликована в Испании, это вызовет бурный скандал.

И тому имеются прецеденты. В последний раз аналогичная литературная история произошла в 1998 году, когда другой автор бестселлеров из США, Том Кланси, в романе «Равновесие власти» в форме фантастической утопии так изобразил политическую ситуацию в Испании, что это вызвало бурю возмущенных откликов.

Представители Тома Кланси защищались, настаивая на том, что речь идет о художественном вымысле, об одном из возможных вариантов развития событий в стране, связанных с проблемой баскского экстремизма и основанных на реальных фактах. Но это не убедило испанских критиков романа. При публикации этого произведения в Испании в нем — надо полагать, по побуждению соглашения обеих сторон, — были опущены те места, которые вызвали особо негативную реакцию у испанцев.

Интересно, как обернется сейчас эта новая история?

По материалам испанской прессы, специально для «ЛГ»
Хуан КОБО,
ВАЛЕНСИЯ

Тайны кремлевского двора

Соло для часов, найденных с боем

В декабре прошлого года мы опубликовали интервью с внучкой Ф.И. Шалипина Лидией Либера-ти, в котором та, в частности, рассказала о том, что ничего не знает о судьбе золотых часов с бриллиантами своего дедушки, которые она и ее брат Фран-ко Либера-ти передали в дар кремлев-ским музеям в 1994 году согласно за-вещанию их матери, младшей дочери невесты от первого брака Татьяны Фе-доровны Шалипиной. Эти часы фир-мы «Павел Буре» были подарены ар-тисту в 1903 году императором Нико-лаем II после его выступления на кон-церте в дни празднования 290-летия династии Романовых. Учитывая исто-рическую и материальную ценность этого предмета, Татьяна Фе-доровна желала, чтобы часы были выставлены в музее и стали доступны для посетителей.

Сразу по получению этого дара из Рима дирекция музеев Кремля направила Л. Либера-ти благодарственное письмо с заверениями в том, что часы Ф.И. Шалипина займут свое место в экспозиции, но когда несколько позже та попросила прислать ей фотогра-фию часов, ответа не последовало. Не реагировала дирекция и позже ни на

одно из ее обращений, и только через московских знакомых Л. Либера-ти узнала, что часы находятся в хранилище и участвуют лишь во временных выставках.

Наконец, потеряв терпение, но не утратив настойчивости, внучка Шали-пина приехала в Москву и напрямую направила в музей Кремля, чтобы получить необходимые разъяснения. Этого сделать не удалось.

На следующий день ей сообщили, что часы можно увидеть на выставке «Мемориальность. Древность. Искус-ство исполнения», которая по счаст-ливому случаю совпала с ее поездкой в Москву. Устроители не забыли упо-мянуть о том, что часы Ф.И. Шалипи-на поступили в дар от семьи Либера-ти, но фамилию указали неверно: с двумя «т».

Можно было бы порадоваться — ис-тория закончилась более или менее благополучно, но вот только невольно возникает вопрос: захочет ли Л. Ли-бери-ти подарить России другие мемори-альные вещи семьи, владелицей кото-рых она является?

И.Б.,
РИМ

СТОП-КАДР

Поистине неудержима фантазия мастеров китайского автомобильного дизайна. Так выглядят автомобили марки «Тойота», представленные на 4-й Чанчунском международном автосалоне.

«Цветовой расизм»

Отбеливатель и красотки

Многие американки азиатского происхождения готовы тратить тысячи долларов, лишь бы превратиться в «белоснежку». Именно таков, на их взгляд, идеал красоты.

но: идеалы красоты Запада и Востока различны.

Но достичь желаемой белизны кожи женщины не так просто. Здесь следует учитывать ряд тонкостей и как минимум нужно правильно выбрать оттенок. Потому что если переборщить, то кожа может приобре-сти болезненную бледность. Такую, как у Майкла Джексона. А это, со-гласитесь, ужасно.

Нынешнее повальное увлечение белизною вызывает беспокойство и в социальном плане. Многие культурологи говорят о неминуе-мом общении и без того существующего в Восточной Азии много-векового предубеждения в отноше-нии этнических групп с более тем-ной кожей, об опасности возникнове-ния своего рода «цветового расиз-ма» внутри самих восточноазиат-ских этнических групп.

Если взглянуть на старинные японские, корейские и китайские картины, то видно, что изобра-женные на них женщины дейст-вительно светлого цвета. И это ни-что не связано с культурой белой расы. Это — собственная ари-стократия, утонченность, изящная, выбеленная. Возможно, именно к такому идеалу стреми-тся и нынешнее поколение, поко-ление потребителей ультрасовре-менной косметической продукции для азиатов.

Как бы то ни было, а ухоженное лицо (будь то золотистый загар или «привлекательная бледность» — каждому свое) и в наше время оста-ется одним из главных признаков успешности человека, в какой бы части света он ни жил.

По материалам американской печати
Ирина ТОСУНЯН,
сб. корр. «ЛГ»,
САН-ФРАНСИСКО

LE FIGARO
ФРАНЦИЯ

Интимная жизнь великих всегда притягательна не столько для тех, кто смакует подробности и кому хочется лишнего, сколько для тех, кто хочет увидеть великого, как все! А нет, не такие же... Влюбляются-то они, быть может, «как все», а последствия влюбленности оказываются совершенно другими. Ибо оставляют следы любви на века.

Речь идет о великом Пабло Пикассо. Хронология его страстей известна, напомним ее, однако, необходимо. Итак, 1904 год. Сердце художника пронзает своей пышной и небрежной красотой Фернанде Оливье, «мадонна тротуара», или по-просту проститутка. Но в 1912-м его вкусы меняются: возникает миниатюрная и хрупкая Эва Гуэль. Пикассо называет ее «мой престол». Три года спустя Эва умирает, и лишь по прошествии еще стольких же лет в жизнь художника врывается русская красота. Звезда джазовых сезонов, очарованная Ольга Хохлова оставляет ему «материализованный» результат их любви: сына Поля.

«Людоед от живописи»

Женщины в жизни Пабло Пикассо

Русское счастье недолго-вечно. Влюбленность в Марию-Терезу Вальтер, которая отдала Пикассо свою молодость, разрушает брак с Хохловой и приводит к рождению дочери Майи. В 1937-м на любовном фронте появляется новая фигура: трагическая интеллектуалка Дора Маар — не совсем то, или, точнее, совсем не то, что нужно художнику. Не проходит и двух лет, как в его жизнь входит Франсуаза Жило, подарившая художнику Клода, а затем Палому. Об этом романе столько написа-но, что можно пройти мимо него. Сразу же после occupa-ции 62-летний Пикассо теряет голову, встретив 20-лет-нюю Женевиэву Лапорт. Вот эта тайная связь известна ку-да меньше — даже сегодня, когда занавес чуть приот-крылся.

Их платоническая любовь, обрывающаяся отъездом Же-невьевы в Англию и Америку. Она возвращается в Париж уже состоявшимся поэтом, человеком со своим лицом и положением в обществе. И тут любовь 70-летнего Пабло и 28-летней Женевиэвы вспыхивает с новой силой, стано-вись уже отнюдь не платониче-ской. Франсуаза отставле-на, Женевиэва торжествует. Это длится два года.

Объект той бешеной стра-сти художника благополучно здравствует и по сей день, поражая своей неистовой

витаальностью, а вполне ося-заемый результат того кра-сивого романа вот-вот вый-дет из «подполья» и начнет новую жизнь. В том-то и де-ло, что художник любит не так, как все: его любовь на-ходит свое воплощение в со-зданных им шедеврах, кото-рые имеют вполне опреде-ленную цену. Отнюдь не ме-тафорическую и не вирту-альную.

Прокрутим ленту назад. Октябрьское утро 1944 года. Париж освобожден, улица Гран-Огюстен. Людоед от живописи, или пожиратель душ, по меткому выражению одного из его биографов, встречается застенчивую ба-рышню, скромную листику двадцати лет. Сегодня Же-невьеве Лапорт 81 год. Лазоре-вые глаза столь же молоды, а копна пепельного цвета волос придает им особую прелесть. Женевиэва помнит каждый миг той встречи, перевернув-шей ее жизнь, — помнит так, словно все это было вчера.

Как забыть первое по-явление в его мастерской? Как забыть невысокого че-ловека в синем пиджаке, так оттенявшего его бледность, прядь седых волос, чуть при-крытых лоб, горящие гла-за, излучающие такой свет, что тоже казались синими-синими?

Вессело, с очень ей идущей улыбкой. Женевиэва рас-сказывает о тех чувствах, ко-торые она тогда испытала.

— Меня охватил страх: как «он» меня встретит, что я скажу ему? Но — поздно! Я уже в мастерской. «Он» — там. От его глаз меня пока- что скрывает огромное по-

лотно. Но надо двигаться вперед, избежать невозможно, и вот я уже вижу его руки, протянутые для объятия. Солнце освещает его фигуру, глаза блестящие, улыбка обо-вораживает — неужели это «он»? Он — Пикассо?

Поэт, чей талант призна-вали Элюар, Кокто и другие из того же ряда, готово бес-конечно рассказывать о се-бе. О своих родителях, о школьных годах, о своей тя-ге к философии. Об увлече-нии коммунизмом, что роди-ла его с Пикассо. О своем участии в Сопротивлении, отнявшем у нее старшего брата. Наградой за выпав-шие ей испытания пришла любовь, которую приходило-ся держать в секрете.

— Пабло долгое время мог позволить себе лишь мно-го любоваться и, не прикасаясь, слушать мою болтовню. Мы говорили о литературе, о стихах, об искусстве. Я при-ходила к нему каждую среду — два звонка в дверь означа-ли, что это я. Он ни с кем не хотел встречаться. Как раз в это время ему устроили бой-кот на Осеннем салоне, где были выставлены 74 полотна периода его связи с Дорой Маар. Претензии, которые ему предъявлялись, приводи-ли Пабло в бешенство. «С ка-ких это пор...» — возмущался он, — художник должен рас-

толковывать свое искусство? Ты слышишь, они, оказыва-ются, ничего не могут понять. Когда ты ешь устрицы, разве ты что-нибудь понимаешь? И что ты в это время должна понимать? Ведь картина не математическая задача. Картина говорит на языке искусства, она предназначена не для понимания, а для того, чтобы пробудить в душе зри-теля какие-то чувства».

В его мастерской Женеви-эва встречалась с Арагоном, Миро, Тьяра, Массоном. Од-но лето влюбленные провели вместе с четой Элюаров в Сен-Тропе. Там и в париж-ской квартире, где они уеди-нялись, Пикассо то и дело брался за кисть, карандаш или перо, запечатлевая свою любовь. Уже осенью 53-го наступила развязка. 72-лет-нему художнику надоело та-иться, как подростку, — он предложил Женевиэве посе-литься вместе на его вилле в Валорисе.

— Я отказалась. Я не хоте-ла разделить судьбу других его женщин, потерять саму себя, не хотела быть развле-денной его мощью, его напо-ром, его непреодолимым своенравием. Проще говоря, хотела спастись. И спаслась. Это был самый мудрый по-ступок в моей жизни.

Если учесть, что «пре-лесть» Эва Гуэль, поведа с Пикассо менее трех лет, за-чала и умерла, что, впад в глубокую депрессию, привел-

Пабло Пикассо. «Азиатские девушки», 1907 г. Нью-Йорк. Музей современного искусства

ПОЛЕМИКА

Дмитрий Макаров, обнародовав три взгляда на проблему — ортодоксальный, анархистский и прагматический — поддерживает, судя по всему, последний, в чём далеко не одинок. Но, как и во всех точках зрения, здесь есть свои плюсы и минусы. Удивление вызывает первая же фраза: «Авторское право, которое поддерживает лишь жестокость законов и неуказательность их исполнения, нежизнеспособно». А чем ещё должно поддерживаться право — любое, не только авторское? Не жестокостью, как пишет автор, но точно — жестокостью. Если закон будет рыхлым и мягкотелым (а таких немало), если он не будет неуказательно выполняться всеми, тогда зачем он нужен и почему называется законом? Другого способа регулировать правоотношения, чем обязательное следование принятым правилам, пока не придумано. Да, пиратов, как отмечает автор, много (и не только в России). Но ведь борьба с ними идёт (и не только в России) как раз на основании закона. Предлагаю другую, приемлемую в цивилизованном обществе форму. Увы, нет в статье такого чёткого предложения.

Я тоже за прагматизм, но он должен учитывать интересы всех сторон. А из статьи следует, что во имя интересов общества надо пожертвовать интересами наследников. Спорный тезис, уже звучавший в первой четверти XX века: спорный особенно, когда речь идёт об имущественных правах. Получается, что право распоряжаться другим, *тоже* собственным имуществом (домом, одеждой, мебелью) наследники, слава Богу, пока имеют, и обществу это не мешает. А не столь явно осязаемый вид имущества, в который вложены силы *того же человека*, можно объявить принадлежащим всем сразу после его смерти?

Опресните самих авторов (писателей, переводчиков, композиторов и др.) — согласны ли они с тем, чтобы их дети и внуки не имели процентов от того вклада, который эти авторы внесли в банк не только общества, но и семьи? Я как автор отвечаю сразу: нет, не согласен. Те копейки, которые получают (и то с огромным трудом) наследники, не компенсируют того времени, пока создавался роман или повесть, и той, как правило, бедности, в которой жила семья

все годы, пока папа (мама, дедушка) творили. Ни общество, ни государство тогда их не поддерживали. Гонимые? За сборники стихотворений или рассказы просто разные. Поэтому и подход к ним разный. К тому же для изобретателя важен момент первенства, что для поэта не самое главное единственное, хотя романы создавались и до, и после. Но и они — единственные: и «Тихий Дон», и «Доктор Живаго». Многие ли изобретения

и смыслы... Ясна: мол, истинных творцов нет, так зачем же охранять права элитных и заимствователей; тем более после их смерти? В чём я полностью поддерживаю Макарова, так в том, что авторское право «должно двигать культуру и искусство». Правда, следует уточнить два момента: куда двигать и почему понятия «культура» и «искусство» разделены автором. За то, чтобы закон помогал авторам, а через них — культуре, ещё полтора века назад Тургенев боролся. Но не отрицанием, а созданием реальной структуры. Сегодня, на мой взгляд, авторское право не мешает искусству, а является реальным механизмом регулирования отношений. Да, к тому же — действующий. Да, не идеальный. Но нам бы этот закон сначала научиться понимать и исполнять, переборив привычное, давно сформировавшееся отношение: *купленный мною фотоальбом — моя собственность, я за него деньги отдал; а то, что в этой книге — принадлежит всем*. А ведь оно — тоже чьё-то, без него и книги-то не было бы. Нет, тут же начинаем ксерокопировать, лепить собственные коллажи. Не приходит же в голову отрезать рукав от чужого пиджака.

Три четверти статьи Дмитрия Макарова посвящены неприятию им 70-летнего срока действия авторского права после смерти автора. Но наследники не только копейку получают за эти 70 лет, они ещё и следить будут, чтобы произведение не искажалось, чтобы и неимущественные права соблюдалось, чего в Интернете, например, не делается сплошь и рядом (на собственном опыте испытал, встречая то куски из своих произведений, то первернутую фамилию, то указание, что жил я в XIX веке; не говоря уж об отсутствии оплаты). Разве такой контроль — не в интересах информационного общества?

Почему пиратство в статье Александра Вислова названо конкуренцией (воровство по определению не может и не должно конкурировать с честностью). Разумеется было бы говорить о несбыточном, но логичном: о повышении доходов населения или о снижении цен на лицензионную продукцию — чтобы человек смог честно купить честно произведённый товар. Но чаще всего мы встречаемся с попыткой добиться «прав на халяву», вызывая к правам и свободам граждан ин-

формационного общества. А разве авторы и наследники — не такие же граждане?

Сегодня, на мой взгляд, авторское право не мешает искусству, а является реальным механизмом регулирования отношений. Да, к тому же — действующий. Да, не идеальный. Но нам бы этот закон сначала научиться понимать и исполнять, переборив привычное, давно сформировавшееся отношение: *купленный мною фотоальбом — моя собственность, я за него деньги отдал; а то, что в этой книге — принадлежит всем*. А ведь оно — тоже чьё-то, без него и книги-то не было бы. Нет, тут же начинаем ксерокопировать, лепить собственные коллажи. Не приходит же в голову отрезать рукав от чужого пиджака.

Три четверти статьи Дмитрия Макарова посвящены неприятию им 70-летнего срока действия авторского права после смерти автора. Но наследники не только копейку получают за эти 70 лет, они ещё и следить будут, чтобы произведение не искажалось, чтобы и неимущественные права соблюдалось, чего в Интернете, например, не делается сплошь и рядом (на собственном опыте испытал, встречая то куски из своих произведений, то первернутую фамилию, то указание, что жил я в XIX веке; не говоря уж об отсутствии оплаты). Разве такой контроль — не в интересах информационного общества?

Почему пиратство в статье Александра Вислова названо конкуренцией (воровство по определению не может и не должно конкурировать с честностью). Разумеется было бы говорить о несбыточном, но логичном: о повышении доходов населения или о снижении цен на лицензионную продукцию — чтобы человек смог честно купить честно произведённый товар. Но чаще всего мы встречаемся с попыткой добиться «прав на халяву», вызывая к правам и свободам граждан ин-

формационного общества. А разве авторы и наследники — не такие же граждане?

Сегодня, на мой взгляд, авторское право не мешает искусству, а является реальным механизмом регулирования отношений. Да, к тому же — действующий. Да, не идеальный. Но нам бы этот закон сначала научиться понимать и исполнять, переборив привычное, давно сформировавшееся отношение: *купленный мною фотоальбом — моя собственность, я за него деньги отдал; а то, что в этой книге — принадлежит всем*. А ведь оно — тоже чьё-то, без него и книги-то не было бы. Нет, тут же начинаем ксерокопировать, лепить собственные коллажи. Не приходит же в голову отрезать рукав от чужого пиджака.

Три четверти статьи Дмитрия Макарова посвящены неприятию им 70-летнего срока действия авторского права после смерти автора. Но наследники не только копейку получают за эти 70 лет, они ещё и следить будут, чтобы произведение не искажалось, чтобы и неимущественные права соблюдалось, чего в Интернете, например, не делается сплошь и рядом (на собственном опыте испытал, встречая то куски из своих произведений, то первернутую фамилию, то указание, что жил я в XIX веке; не говоря уж об отсутствии оплаты). Разве такой контроль — не в интересах информационного общества?

Почему пиратство в статье Александра Вислова названо конкуренцией (воровство по определению не может и не должно конкурировать с честностью). Разумеется было бы говорить о несбыточном, но логичном: о повышении доходов населения или о снижении цен на лицензионную продукцию — чтобы человек смог честно купить честно произведённый товар. Но чаще всего мы встречаемся с попыткой добиться «прав на халяву», вызывая к правам и свободам граждан ин-

формационного общества. А разве авторы и наследники — не такие же граждане?

Сегодня, на мой взгляд, авторское право не мешает искусству, а является реальным механизмом регулирования отношений. Да, к тому же — действующий. Да, не идеальный. Но нам бы этот закон сначала научиться понимать и исполнять, переборив привычное, давно сформировавшееся отношение: *купленный мною фотоальбом — моя собственность, я за него деньги отдал; а то, что в этой книге — принадлежит всем*. А ведь оно — тоже чьё-то, без него и книги-то не было бы. Нет, тут же начинаем ксерокопировать, лепить собственные коллажи. Не приходит же в голову отрезать рукав от чужого пиджака.

Три четверти статьи Дмитрия Макарова посвящены неприятию им 70-летнего срока действия авторского права после смерти автора. Но наследники не только копейку получают за эти 70 лет, они ещё и следить будут, чтобы произведение не искажалось, чтобы и неимущественные права соблюдалось, чего в Интернете, например, не делается сплошь и рядом (на собственном опыте испытал, встречая то куски из своих произведений, то первернутую фамилию, то указание, что жил я в XIX веке; не говоря уж об отсутствии оплаты). Разве такой контроль — не в интересах информационного общества?

Почему пиратство в статье Александра Вислова названо конкуренцией (воровство по определению не может и не должно конкурировать с честностью). Разумеется было бы говорить о несбыточном, но логичном: о повышении доходов населения или о снижении цен на лицензионную продукцию — чтобы человек смог честно купить честно произведённый товар. Но чаще всего мы встречаемся с попыткой добиться «прав на халяву», вызывая к правам и свободам граждан ин-

формационного общества. А разве авторы и наследники — не такие же граждане?

Сегодня, на мой взгляд, авторское право не мешает искусству, а является реальным механизмом регулирования отношений. Да, к тому же — действующий. Да, не идеальный. Но нам бы этот закон сначала научиться понимать и исполнять, переборив привычное, давно сформировавшееся отношение: *купленный мною фотоальбом — моя собственность, я за него деньги отдал; а то, что в этой книге — принадлежит всем*. А ведь оно — тоже чьё-то, без него и книги-то не было бы. Нет, тут же начинаем ксерокопировать, лепить собственные коллажи. Не приходит же в голову отрезать рукав от чужого пиджака.

Три четверти статьи Дмитрия Макарова посвящены неприятию им 70-летнего срока действия авторского права после смерти автора. Но наследники не только копейку получают за эти 70 лет, они ещё и следить будут, чтобы произведение не искажалось, чтобы и неимущественные права соблюдалось, чего в Интернете, например, не делается сплошь и рядом (на собственном опыте испытал, встречая то куски из своих произведений, то первернутую фамилию, то указание, что жил я в XIX веке; не говоря уж об отсутствии оплаты). Разве такой контроль — не в интересах информационного общества?

Почему пиратство в статье Александра Вислова названо конкуренцией (воровство по определению не может и не должно конкурировать с честностью). Разумеется было бы говорить о несбыточном, но логичном: о повышении доходов населения или о снижении цен на лицензионную продукцию — чтобы человек смог честно купить честно произведённый товар. Но чаще всего мы встречаемся с попыткой добиться «прав на халяву», вызывая к правам и свободам граждан ин-

формационного общества. А разве авторы и наследники — не такие же граждане?

Сегодня, на мой взгляд, авторское право не мешает искусству, а является реальным механизмом регулирования отношений. Да, к тому же — действующий. Да, не идеальный. Но нам бы этот закон сначала научиться понимать и исполнять, переборив привычное, давно сформировавшееся отношение: *купленный мною фотоальбом — моя собственность, я за него деньги отдал; а то, что в этой книге — принадлежит всем*. А ведь оно — тоже чьё-то, без него и книги-то не было бы. Нет, тут же начинаем ксерокопировать, лепить собственные коллажи. Не приходит же в голову отрезать рукав от чужого пиджака.

Три четверти статьи Дмитрия Макарова посвящены неприятию им 70-летнего срока действия авторского права после смерти автора. Но наследники не только копейку получают за эти 70 лет, они ещё и следить будут, чтобы произведение не искажалось, чтобы и неимущественные права соблюдалось, чего в Интернете, например, не делается сплошь и рядом (на собственном опыте испытал, встречая то куски из своих произведений, то первернутую фамилию, то указание, что жил я в XIX веке; не говоря уж об отсутствии оплаты). Разве такой контроль — не в интересах информационного общества?

Почему пиратство в статье Александра Вислова названо конкуренцией (воровство по определению не может и не должно конкурировать с честностью). Разумеется было бы говорить о несбыточном, но логичном: о повышении доходов населения или о снижении цен на лицензионную продукцию — чтобы человек смог честно купить честно произведённый товар. Но чаще всего мы встречаемся с попыткой добиться «прав на халяву», вызывая к правам и свободам граждан ин-

формационного общества. А разве авторы и наследники — не такие же граждане?

Статьи Дмитрия Макарова «Авторское право — пережиток капитализма?» («ЛГ» №10, 2005 г.), Александра Вислова «10 рублей за копию шедевра» («ЛГ» №36, 2005 г.) посвящены проблемам защиты интеллектуальной собственности

Пираты в правовом поле?

(вот и ещё одно отличие: изобретатель опасается, что *кто-то* ещё сможет изобрести подобное: поэту это грозит в гораздо меньшей степени). Изобретение через 20 лет может устареть, а может и потребовать принципиальных изменений: промышленный образец (патент на него действует 10 лет) с годами воспринимается как всеобщий (например, тип одежды). Но разве нет разницы между утилитарным предметом и произведением искусства? Очередная модель чайника — в череде прочих. Но роман Булгакова —

1930–1940-х годов остались практически неизменными, как романы Булгакова и Шолохова? Как полотна Петрова-Водкина? Как фильмы Эйзенштейна? Так что есть разница между изобретением и фильмом: не в пользу одного из них, а просто — разница (как уж задан был о ней вопрос).

Мысль Дмитрия Макарова о том, что «мы живём во времена постмодернизма в искусстве, принципиально провозгласившего основную творческую функцию цитирования и бесконечную игру с чужими образами» (вот и ещё одно отличие: изобретатель опасается, что *кто-то* ещё сможет изобрести подобное: поэту это грозит в гораздо меньшей степени). Изобретение через 20 лет может устареть, а может и потребовать принципиальных изменений: промышленный образец (патент на него действует 10 лет) с годами воспринимается как всеобщий (например, тип одежды). Но разве нет разницы между утилитарным предметом и произведением искусства? Очередная модель чайника — в череде прочих. Но роман Булгакова —

В целом — спасибо авторам «ЛГ» за статьи. Каждый из их аспектов авторских прав — срок охраны, пиратство, использование произведений в глобальной сети — мог бы стать темой для отдельного разговора. Само возвращение «ЛГ» к этой теме — факт отчаяния, т.к. направлен на формирование правового сознания литераторов, которые в большинстве своём, как показывает практика, не знают основ закона, призванного охранять их права. В этом, на мой взгляд, и есть на сей день главная беда. Поэтому наряду с призывом редакции «к широкому общественному обсуждению» не помешал бы и призыв к широкому профессиональному изучению. Потому что авторское право — не пережиток капитализма, а неотъемлемая составляющая информационного общества. Увеличение числа машин в городе должно вызывать мысль не об отмене правил движения, а о том, чтобы они были ещё более чётко выполняемы всеми. Тогда и аварий меньше будет, от которых не только водители, но и пешеходы страдают.

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

Иван ПАНКЕЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ, автор учебника по авторскому праву

ДАГА

Сентябрьское громадьё

Центру национальной славы в нынешнем сентябре предстоит такая работа, которую, пожалуй, любой другой схожий по роду деятельности организации не осилит и за пятилетку. Недаром Центр имеет ещё одно красноречивое наименование — Общественный фонд содействия укреплению национального самосознания народа.

Михаил Милославский. Поле Куликово. 2002 г.

В этом месяце Центр взял на себя почётнейшую миссию проведения множества торжественных мероприятий, посвящённых аж трём разным юбилеям Отечества — 60-летию окончания Второй мировой войны, 150-летию завершения героической обороны Севастополя и 625-летию победы войска Дмитрия Донского на Куликовом поле. Вся эта сентябрьская деятельность Центра проходит в рамках разработанной им программы «Национальная слава России».

Президент Центра национальной славы (ЦНСР) Александр Мельник, вице-президент ЦНСР историк-востоковед Михаил Якушев и академик, доктор исторических наук Виталий Шеремет провели у себя встречу с журналистами, на которой подробно и чрезвычайно занимательно рассказали о совместной работе по реализации своей программы. Хронологически её мероприятия распределены так.

В первые дни сентября сотрудники Центра побывали в Южно-Сахалинске, где участвовали в установке и освещении Поклонного Креста, в возложении венков к памятнику павшим. На острове Итуруп открывали памятник Святому Всехвалному апостолу Андрею Первозванному. Провели на Сахалине конференцию «Православие в прошлом и будущем России», встречи молодёжи с ветеранами.

На прошлой неделе ЦНСР проводил в крымском городе-герое выставку на

родного художника России В. Нестеренко «Отстоим Севастополь», большой концерт «Вспомним, братья, день тот славный», организовал посещение Малахова кургана, поля Базаклавы, Севастопольского братского кладбища, Свято-Владимирского храма-усыпальницы адмиралов.

В Тульской области, и в частности на Куликовом поле, где юбилейные торжества начнутся 21 сентября, программа Центра включает в себя поистине огромное количество добрых и памятных дел. Самым масштабным и трудоёмким из них наверняка станет посадка деревьев в легендарной Зелёной Дубраве, в которой находился во время Куликовской битвы не менее легендарный засадный полк. 40 000 деревьев (!) потребуются для восстановления «исторического облика» поля Куликова...

Встречаясь с прессой, руководители и учёные ЦНСР рассказали о нехитрой, но крайне важной задаче: оценить состояние дел в архивах и других необходимых материалах для этого важного дела занимаются в первую очередь Виталий Иванович Шеремет и Михаил Ильич Якушев.

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

СУДЬБА

Летят над Саратовом его «Журавли»

Из всех поволжских городов Саратову повезло, пожалуй, больше других: о таком расположении человеческие поселения могут только мечтать. Представьте: исполненное кресло на правом берегу очень широкой в этих местах Волги, спинкой которому служит Лысая гора с отрогами, а подлокотниками — холм Увек на юге и Соколова гора на севере, и вот в этом-то естественном ложе вальжино и немного сонно устроившийся красивый, старинный миллионный город.

Мне хочется иногда приезжать в Саратов, снова чувствовать его неназойливое своеобразие и видеть его либо неизменным, либо изменившимся в лучшую сторону. Ощущение такое, что есть всё-таки сила, которая не позволяет измениться в худшую, и мне кажется, что я знаю её источник. Это жизнь и творчество бывшего главного архитектора Саратова, заслуженного архитектора РФ, лауреата Государственной премии России Ю.И. Менькина. Именно Юрий Иванович чётко

стоял на страже архитектурной неприкосновенности Саратова, и благодаря именно его усилиям город (имею в виду исторический центр) попытался остаться самим собой: малозатронутым, с явным влиянием культурных предпочтений немецких колонистов, с небольшим количеством зданий в стиле модерн начала XX века, с маленьким, но значительным сквером Липки, великолепным Художественным музеем имени Радищева и величественным Крытым рынком. Конечно, не сегодня-завтра во весь рост встанет проблема открытия ветхого жилья в том же историческом центре, но они что-нибудь придумают, они постараются... Они — это архитекторы школы Менькина, и прежде всего нынешний главный архитектор В.Г. Вирич.

Сам Юрий Иванович считал главным верою современного ему градостроительства вовсе не одноэтажные старьё, а хру-

щобы. Да, не умея наладить сытую, спокойную и трудолюбивую жизнь в советском селе, партийные руководители привносили массовое переселение крестьян в большие города, а также на стройки коммунизма и были вынуждены куда-то поселить их. Выход был найден в быстровозводимых пятиэтажках. Это, между прочим, вовсе не советский, а «международный» проект. Достаточно сказать, что немало таких домов в виде... в Сеуле, в районе Олимпийской деревни: один к одному, как в Москве или в Пензе.

Негодование Менькина вызывали отвратительные однообразие, чудовищный стандарт таких домов — именно то, что практически навечно обезобразило облик советских городов, сделало их до тошноты похожими друг на друга. И он начал бороться. 19 апреля 1972 года «Литературная газета» опубликовала статью Ю.И. Менькина, где не только главного архитектора Саратова, но и члена правления Союза архитекторов СССР, «Разумно ли искать оправдания?». Он писал: «Нет, к сожалению, архитекторы Севера, Юга, псковской, московской, Поволжья, Урала или Сибири. Есть архитектура пятиэтажная и ниже, девятиэтажная и выше. Есть кирпичная, панельная, стеклянная, бетонная, есть 447-й или 464-й серии. Одним словом, «современная архитектура».

Менькин выступил против стандарта как такового — стандарта, всё-таки давшего народу сносное жильё, а что на лучшее-то надеяться — поди не графья! «Без высокого авторитета искусства архитектуры при всём возрастающих темпах строительства мы можем совершить много непоправимых ошибок», — предупреждал Юрий Иванович. — Хорошее входит в город незаметно, как само собой разумеющееся, плохое кричит и режет глаз чем дальше, тем больше. И через три с лишним года, опять же в «ЛГ», он заклинал товарищей по профессии и несчастью: «Насколько была бы богаче архитектура наших городов, не будь мы в делах капитального строительства односторонними и безразличными. Архитектура не может быть приложением к оболочке утилитарного. Она должна стать живой сутью здания, микрорайона, города».

Самым страшным последствием унильности тех лет стал незаживающий разрыв в самой истории российской архитектуры: было признанное всем миром новаторство 20-х годов XX века, были несомненные достижения сталинской эпохи, а затем — провал огромного масштаба, трагедия жизни множества людей, выучившихся на архитекторов и за всю жизнь не построивших мало-мальски заметного, отличного от других здания... Но сам Менькин не смирился с ролью исполнителя воли Госстроя и Стройбанка. Главным достижением Юрия Ивановича как архитектора стал памятник его ровесникам, вместе с ним сражавшимся на полях Великой Отечественной войны и погибшим, памятник, который в Саратове все называют просто — «Журавли», потому что он создан по мотивам газетовских «Журавлей»: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей...» Вдова Менькина Ольга Александровна, ландшафтный архитектор, вспоминает, как создавал её муж вечерами, дома, этих птиц из металла, как добивался потом такого художественного решения, чтобы они и впрямь будто летели с Соколовой горы по-над Волгой... Летом, приехав в родной город, я поднимался к памятнику. Саратов с этой точки удивительно хорош, размахист и уютен, над ним столько свежего голубого воздуха, так совершенно свежий в его глубине верхушки православных храмов и мечетей и шпиль консерватории, одной из самых примечательных во всей России, что можно заново влюбиться в этот город, как полюбил его в своё время Менькин, уроженец допотопных степей, фронтовики, талантливый художник.

Четверть века Ю.И. Менькин был главным архитектором Саратова. В нынешнем сентябре ему исполнилось бы 80 лет. Три с половиной года Юрий Иванович не дожил до юбилея. Город принял в 2002 году решение об увековечении памяти своего почётного гражданина. Но сколько же пришлось просить и страдать вдове, чтобы как минимум был наконец возведён на кладбище памятник человеку, который постарался сохранить исторический облик Саратова и как можно более аккуратно встроить в него современные здания и сооружения. Как легко было неблагодарными и как трудно — помянуть родство.

Впрочем, что памятник — не забыть бы о духовном наследии настоящего бойца.

Татьяна КОРСАКОВА

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Быт или не быт?

В советское время все дружно ругали наш «ненавязчивый сервис». Рванув без оглядки в рынок, мы надеялись, что его невидимая рука всё расставит по своим местам. В городе выработался привычный набор услуг: парикмахерские, ремонтные мастерские, химчистки, парикмахерские, ремонтные мастерские, повысится качество обслуживания, установятся приемлемые цены. Но что получается на деле?

От лишь несколько примеров из собственной практики. Сегодня возле моего дома в так называемой «шаговой доступности» нет ни одного предприятия бытового обслуживания. Была когда-то хорошая прачечная, и та исчезла в одночасье. Все сервисные точки можно найти лишь в метро. Но цены на услуги, прямо скажем, «кусачие»: почистить дубленку — 1200 рублей, поставить молнию в кожаную куртку — 600 рублей, подбить каблук — 500 рублей. Да и качество работы оставляет желать лучшего. Дубленку почистили плохо, молния стала снова заедать, каблук через месяц стесался. Но буквально в шоковое состояние меня поверг наш «стред-

мительно» развивающийся компьютерный сервис. Пригласил «специалиста» из сервисного центра по ремонту компьютеров «Алтарь» — «Скорая компьютерная помощь», расположенного в Северном административном округе Москвы. Приехал молодой человек с чемоданчиком. Немного «поколдовал», попил кофейку и выставил счёт на 2880 рублей. Вскоре после его визита обнаружил, что компьютер стал плохо включаться. Сколько ни звонил ремонтникам — пустые хлопоты. Никто так и не приехал исправить халтуру.

Чтобы разобраться, что сегодня происходит с нашим навязчивым сервисом, обратился к председателю Комиссии по предпринимательству Мосгордумы Виктору ВОЛКОВУ.

Если вспомнить, то к быту у нас всегда было отношение как к чему-то вторичному, отвлечённое от решения главных задач. Начал нашу беседу Виктор Алексеевич. — Мы клемили позором буржуазную комфортную повседневность, которая, мол, засасывает людей, словно в гнилое болото. Тех же, кто стремился жить уютно, обустроенно, называли презрительно мешанинами.

Постепенно отношение к быту менялось. Кто бывал на Западе, сравнивал их изобилие с нашими магазинами, с нашим убогим сервисом. И уже тогда многие понимали: всю «бытовку» надо переставлять в частные руки.

Да, мы действительно наивно полагали, что рынок всё расставит по своим местам. И он «расставил», ударив в первую очередь по наименее конкурентоспособным отраслям. В том числе и по сервису. Дело в том, что поднимать уровень бытового обслуживания — дело хлопотное, требует много времени, усилий и финансовых вложений. Вкладывая же деньги никто не хотел, когда, мол, дождётся навару? А без долгосрочных инвестиций сферу обслуживания нам просто не поднять. К тому же в бизнес ринулись люди, которые хотели заработать сразу и много. В результате стали исчезать прачечные, химчистки, ремонтные мастерские. Их место занимали магазины, кафе, рестораны.

Сегодня систему бытового обслуживания нам приходится создавать фактически с чистого листа. Это трудно, поначалу не очень выгодно, но жизненно необходимо. В последние годы мы вкладываем огромные средства в строительство административных зданий, банков, деловых центров, хороших гостиниц, в развитие городской инфраструктуры. Мы стремимся создать привлекательный образ столицы как у себя в стране, так и за рубежом. Мы хотим, чтобы к нам потянулись туристы, иностранные студенты, зарубежные инвесторы. Но возникает вопрос: а какой сервис мы можем предложить нашим иноземным гостям? Где они будут ремонтировать обувь, чистить костюмы, постирать, постирать?

Поэтому, повторю, нам придётся приложить немало усилий, чтобы поднять отечественный сервис на должный уровень. Вель куда ни кинь — всюду клин. Моло-

дой семье, у которой нет денег на покупку нового телевизора, теперь негде взять его напрокат. Все городские пункты проката, коих было немало в столице, куда-то исчезли. А поскольку предприятий бытового обслуживания не хватает, цены практически на все виды услуг стали заоблачными.

По моему глубокому убеждению, цены на бытовые услуги должны быть дифференцированы, как во всем цивилизованном мире. Одни расценки — для богатых, другие для среднего класса, третьи — для малоимущих. Замечу, для «тугих кошельков» мы уже практически наладили сервис. Но и те, кто «страдают» — не могут заказать свои устрицы из Норман-

дии. Не появилась ещё такая служба в Москве. Для людей со средними доходами тоже кое-что сделали. По телефону теперь можно заказать пиццу, домашний обед, любые спиртные напитки. А вот о населении с низким уровнем доходов никто серьёзно думать не хочет. Людям часто приходится всё делать самим — заниматься ремонтом квартир, стирать бельё, чинить одежду. И если химчистки и прачечные ещё есть в спальных районах, то обывных мастерских дней с огнём не найдёшь, даже в центре... Сегодня в столице острейший дефицит городских туалетов. Это что, не быт? Городские власти должны думать и об этом.

Начинаю решать проблему сервиса по-новому, мы должны решительно отбросить всё плохое, что было раньше, и активно использовать зарубежный и отечественный опыт. Пусть качество было и не на высшем уровне, но сама идея, без сомнения, благотворная. И не надо сегодня бояться вкладывать деньги в сферу бытового обслуживания. Для малого и среднего бизнеса это выгодное, перспективное дело. Городские власти тоже не должны сидеть сложа руки. Сервис должен подниматься под пристальным вниманием мэрии, московского правительства, Мосгордумы. Задача столичных властей — определить пути развития сферы быта, создать нормативную базу её эффективного развития, устанавливать для всех, кто работает на рынке услуг, одинаковые правила игры.

Виктор Алексеевич, существуют ли какие-то городские программы развития сферы быта, или всё варится исключительно в рыночной стихии?

— Есть программа развития потребительского рынка на 2004 — 2006 годы. К сожалению, перспективы бытового обслуживания там прописаны лишь одной строкой. Несколько месяцев назад наша комиссия принимала участие в обсуждении постановления московского правительства «Об основных направлениях развития бытового обслуживания населения в городе Москве до 2008 года». В этом постановлении много хорошего: «усиление социальной направленности работы предприятий бытового обслуживания», «обеспечение «шаговой доступности» бытовых услуг в районах массового проживания населения», «создание условий для повышения уровня обслуживания». Но пока это лишь благие пожелания. Сегодня в общем объёме торговли и услуг бытовое обслуживание занимает всего 3 процента. Это очень мало. Несоразмерно мало.

Конечно, нельзя не замечать определённых позитивных сдвигов. В частности, сегодня предприятия бытового обслуживания стали создаваться при всех новых торговых центрах. Но этого недостаточно. Чтобы поднять наш сервис на должный уровень, нужна серьёзная и кропотливая работа. Иного, как говорится, не дано.

Виктор БАШКИН

МЕГАПОЛИС И МЕГАПРОЕКТ

Вслед за хот-догом приходит хот-спот

Как все необходимо инструкции сразу же появляются на экране.

Считается, что революция Wi-Fi началась с инициативы обычных частных пользователей. Компьютерщикам понравилась возможность иметь так называемый «гостевой Интернет» и делиться им при помощи новой беспроводной технологии. Вначале всё напоминало увлекательную игру: для обозначения бесплатных зон охвата точек Wi-Fi была придумана система условных знаков, которые рисовались на стенах домов, возле которых обнаруживался свободный доступ в сеть.

«Медные проводки — долгие слезы» — так звучит один из лозунгов, призывающих сделать технологию Wi-Fi ещё более популярной. За этой шутилкой при скрывающихся объединённые усилия ведущих российских компаний по внедрению новинки в быт москвичей. Количество хот-спотов растёт с каждым днём. В русскоязычном сегменте сети множатся специальные сайты, где каждый нашедший такое подключение в Москве делает запись о местоположении сигнала и своём впечатлении о качестве связи.

Во многих общественных местах, таких, как крупные гостиницы, торговые центры и рестораны, услуга подключения предоставляется бесплатно. Как правило, в случаях платных альтернативных организаций подключение предоставляется определённые дополнительные услуги или гарантирует высокую скорость соединения.

По данным международной консалтинговой компании, специализирующейся на телекоммуникационных рынках J'son & Partners (J&P), среди российских городов Москва является лидером в использовании этой технологии: на её долю приходится 61% всех российских хот-спотов. Северная столица, Санкт-Петербург, следует за Москвой с большим отрывом и может похвастаться лишь 12 процентами. Сейчас аналитики в области информационных технологий уверены, что дальнейший сценарий развития Wi-Fi предполагает тот же успех и массовость, как это когда-то случилось с сотовой телефонией.

Согласно отчёту I&P, более 30% всех хот-спотов Москвы бесплатны, в отличие от многих других регионов, где за доступ в сеть почти всегда требуют деньги. Успех новой технологии можно объяснить ещё и тем, что в последние го-

ды темпы роста продаж мобильных компьютерных устройств существенно превышают продажи настольных компьютеров.

Недавно беспроводными сетями была оборудована Российская государственная библиотека. Её читатели получили доступ к читальным залам, электронным ресурсам и каталогам библиотеки, а также возможность мобильного подключения в трёх залах РГБ.

В настоящий момент полным ходом идёт развертывание беспроводных сетей во многих технических вузах столицы. В перспективе эта программа позволит вывести на новый уровень систему дистантного образования.

Ожидается, что уже в ближайшие месяцы Wi-Fi придёт в Московский метрополитен. Представители компаний-провайдеров считают, что в столичной подземке основной спрос на Интернет будет у владельцев КПК и смартфонов, которых становится всё больше. Динамика развития технологии такова, что каждые три с половиной секунды в мире появляется новый хот-спот. Россия в этом плане хоть и немного отстаёт, но тоже развивается достаточно быстро. Так, в Москве по сравнению с прошлым годом количество хот-спотов увеличилось более чем на 200%.

Юрий ДЁМИН

НАШ ВЕРНИСАЖ

Архитектурные крохи в стиле модерн

На вопрос, как Павел Обросов выбрал свою будущую профессию, он ответил: «А никем другим я стать и не мог. Когда я родился, мы с мамой жили у папы в мастерской. Самые ранние мои воспоминания — запахи палитры и грунтованного холста. Мне казалось тогда, что этой атмосферой дышат все люди на земле и поэтому все они должны быть художниками. Ну кем после этого я мог стать, как не художником!»

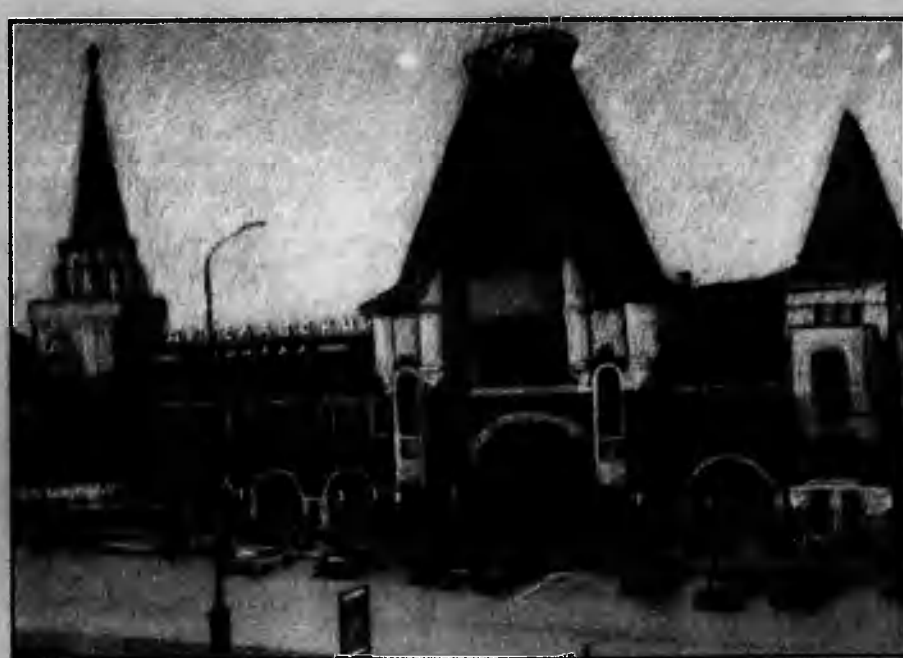
Выпускник Московского художественного училища имени 1905 года, Павел ещё в дипломный период увлёкся изысканностью русского модерна. По окончании учёбы создаёт цикл станковых листов, посвящённых архитектурным крохам в стиле модерн, чудом сохранившимся в нашей стране, всегда начинающей жизнь с нуля. Восторг автора серии «портретов» московских домов близок зрителю, неравнодушному к одному из самых загадочных и волшебных периодов в истории русского и мирового зодчества. Но ушли, площади, дома — самый естественный мотив для человека с этюдником — Павел пишет не с натуры, а глухо закрывшись в мастерской и используя в работе лишь карандашный набросок да короткую записку-памятку о цветовой гамме здания. Свобода от диктата природы даёт возможность обобщения с особым оттенком ностальгического чувства. Композиционное решение листов аскетично. Изображённые улицы пустынные, безлюдны. Павел ещё молод, творческий отчёт его биографии только включил свой счётчик, а московская серия уже была представлена в залах Российской академии художеств. У него крепкая рука рисовальщика, хороший глаз колориста, острый взгляд художника широкого диапазона. Но нынешнее время полно соблазнов, открытий новых технологий, впрямую касающихся самой сути художественного творчества. И художник с интересом поглядывает в сторону компьютерного дива, тающего в себе много неизвестных и заманчивых соблазнов. У отца, народного художника России, академика Игоря Обросова, это вызывает настороженность и недоверие. У сына, наоборот, — ожидание открытий.

Кто разрешит вечный спор поколений неукоснительно движущегося вперёд прогресса? Только практика жизни — поисковая, ищущая, неуспокаивающаяся. Будущее за молодостью, которая и в самом смелом поиске всё же не забудет истинных ценностей прошлого.

Леонид КОЗЛОВ

Дом на Поварской. 1997 г.

Ярославский вокзал. 1997 г.

СТОЛЬНАЯ КНИГА

При нём пошёл трамвай по освещённым улицам

Чтобы хотя бы фрагментарно воспроизвести городскую обстановку той поры, представим, как по московским улицам движется вагон с пассажирами, перемещаемый по рельсам с помощью конной тяги. Конка принадлежала Второму Бельгийскому акционерному обществу. Её иностранные владельцы менее всего были заинтересованы в электрификации своего предприятия. Гучков избрал верный стратегический ход, называя им конкурентную борьбу: параллельно рельсам конно-железнодорожные укладывались трамвайные пути, и тогда пассажиры могли «голо-совать рублём» за более удобный способ передвижения по московским улицам. В конце концов бельгийцам

пришлось ретироваться, выгодно для города продал принадлежавшие им рельсовые пути. Так и получилось, что москвичи стали широко пользоваться трамваем, который не только ока-

Ю.С. Воробьёва. Николай Гучков — Московский городской голова. — М.: Издательство Главархива Москвы, АО «Московские учебники», 2004. — 192 с.: ил.

зался удобен для пассажиров, но и стал приносить городу значительный доход.

Николай Гучков желал превратить Москву в один из наиболее ци-

вильзованных европейских городов. Для этого необходимо было, в частности, позаботиться о её электрическом освещении. Энергии, подаваемой единственной электростанцией, уже не хватало. И тогда городской голова проводит через Московскую городскую думу решение о заключении концессии с Бельгийским обществом освещения, которому следовало построить новую электростанцию и благодаря ей осуществить освещение всех московских улиц.

В те годы городские власти были озабочены заметным ростом населения. Нужно было расширять и совершенствовать водопровод и канализацию, обеспечивая ими не только центр, но и окраины. В 1909 году водопровод появился в районе Бутырок. Строятся новые водозаборы, особое внимание уделяется качеству воды, что в немалой мере помогло избежать в 1910 году эпидемии холеры.

ГОРОД И РЕФОРМЫ

Я знаю, Сити будет

Строительство первой очереди делового центра «Москва-Сити», площадь которого на этом этапе составит три миллиона квадратных метров, завершится уже в 2007 году. Об этом рассказал на своей пресс-конференции заместитель мэра столицы в правительстве Москвы по международным и внешнеэкономическим связям Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ.

«На всех строительных площадках «Москва-Сити» полным ходом идёт работа, а все проекты прошли необходимые государственные экспертизы», — отметил он в своём выступлении.

В отличие от западных деловых центров, где жизнь вечером замирает, «Сити» будет действовать круглосуточно. Помимо офисных зданий, здесь построят торговые, развлекательные зоны и подземные паркинги. Также принято окончательное решение «расконсервировать» строительство аквапарка, которое будет завершено через два года.

Не намерена столица отказываться и от сооружения 648-метровой башни «Россия». Правда, она, скорее всего, появится уже за Третьим транспортным кольцом, на территории так называемого «Большого Сити», или «Сити-2», строительство которого планируется на период 2010–2020 годов.

На нынешних участках Московской делопроизводческая компания предложила создать вместо одной нескольких высоток. «Мы не отказываемся от строительства башни, но пока будет воздвигнут высотный комплекс из нескольких сооружений», — сообщил заместитель мэра.

Строительство первой очереди московского международного делового центра оценивается примерно в десять миллиардов долларов. Миллиард этой суммы — 400 миллионов — составят средства городского бюджета. Все остальные деньги поступят от инвесторов.

Валерий АРБАТОВ

Работы хватит на всех

Ситуация на столичном рынке труда в целом остаётся стабильной, и в городе сейчас зарегистрировано около 37 тысяч безработных.

Результаты последних исследований подтвердили, что в Москве наименьший уровень общей безработицы (1,6%), который более чем в 4 раза ниже среднемосковского показателя (7,8%). Кроме того, в столице в стране коэффициенты среднего времени поиска работы безработными. Сохраняется здесь и наименьший уровень длительной безработицы (удельный вес тех, кто более года подыскивает себе работу). В настоящее время в банке вакансий службы занятости насчитывается свыше 140 тысяч предложений московских работодателей.

Конечно, даже в относительно благополучной Москве на кадровом рынке не все так гладко, как хотелось бы. Сохраняется дисбаланс спроса и предложения рабочей силы, когда на рынке труда преобладают специалисты и служащие (около 55%) и устойчивым спросом пользуются вакансии рабочих (до 70%). Среди так называемых синих воротничков востребованы водители автотранспорта, слесари различных специальностей, строительные рабочие и мало-квалифицированные рабочие (грузчики, уборщики и т.п.). Среди квалифицированных специалистов за последние годы резко возрос спрос на инженеров, немало вакансий для менеджеров и бухгалтеров.

Юрий МОСКВИН

Много внимания Николай Гучков уделял благоустройству города. При нём Балчуг, Волхонка, Ленинка и частично Театральная площадь были вымощены гранитной брусчаткой. А на Театральной площади возник сквер.

Не в пример своему младшему брату Александру — члену Государственной думы, лидеру партии «Союз 17 октября» — Николай Гучков, всецело занимаясь развитием городского хозяйства, отошёл от политической деятельности. Однако революционные события 1917 года и Гражданская война привели к тому, что он эмигрировал во Францию, откуда была родом его мать. Имея возможность получить французское гражданство, он отказывается от него, не оставляет надежды вернуться в свой любимый город — Москву. С головой начинает ясно осознавать всю тщетность своих мечтаний о возвращении на родину. Умер Николай Гучков в 1935 году и похоронен в Париже, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Книга «Николай Гучков — московский городской голова» — дань памяти видному деятелю России, внесшему заметную лепту в развитие нашей столицы.

Э.А.

— Не обидно, что Чукотка забыла тебя, Анна Дмитриевна. всё то хорошее, что ты сделала для края?

— Что уж тут сетовать: новое время, новые требования. Сегодня у руля должны стоять сверхобразованные люди — руководители, экономисты, юристы, бухгалтеры. В своё время мы многое сделали, теперь молодёжь пусть дальше развивает край и улучшает жизнь Чукотки. Неправильно, наверное, только то, что ни в руководстве края, ни в депутатской лиге почти нет людей, которые глубоко знают и понимают нужды коренного населения. Можно улучшить жизнь вообще, в глобальном масштабе, а конкретному оленеводу, охотнику, рыбаку будет плохо, потому что никто не учёл его национальные традиции, бытовые привычки, древние устои. Вот недавно была на съезде коренных народов Севера, поняла: с годами ничего не изменилось, всё те же жалобы: не дают добывать рыбу, не дают то, не дают сё. В первый день много присутствовало ответственных господ, а потом один делегат, выступая, спрашивает: «А где же те люди, которые могут решать наши проблемы?» Господа сами выступили, озадачили нас и ушли — никто не слышит делегатов с мест. Вот такой подход. Хотя пора что-то решать в правительстве.

Почему чушка, эвен, коряк не может ловить рыбу в достатке — он не варвар, он берёт для еды, для собак, для гостей — не больше. А браконьерят и увозят в Москву по 300 килограммов икры и тонны рыбы не чушки. Местные люди не рвачи, не хапуги, всё, что заготавливают, — это для жизни. Когда я работала в Беринговском районе, я очень близко познакомилась с оленеводами, местными специалистами. Это я из Анадыря приезжала крутым начальником на час, а тут сблизилась с людьми, многое увидела и поняла. Как-то собралась по бригадам, а мне говорят: только в седьмью не стоит ехать, вам не понравится. Ну, естественно, я завелась: поеду именно туда. Наблюдала: стадо содержат муж, жена и её брат. Когда-то у них национализировали оленей, теперь они общественные, а у людей осталось отношение, как к своим. Они, конечно, отчитываются за поголовье, за потери, но учёт у них капитальный. Угостили нас, мы начекались, а мой сопровождающий спрашивает у хозяйки сигареты. Тот отвечает: «У меня норма, ты приехал, ты и угощай». Дальше ещё что-то попросили. Марфа говорит: «Норма». Я поняла: она абсолютно права, она хозяйка. Уезжаем, каждый везет домой оленину. А вслед нам говорят: «Вот приедете в управление совхоза и заплатите за мясо и трудюди, заплатите за все дни, что вы у нас кушали». Это небольшие деньги, но заплатить нам пришлось. Вот почему седьмая бригада начальству не нравилась — они не спешили угождать приезжим, у них всё было на учёте. Я и говорю своим сопровождающим: «А вы Марфе что платочек привезли? Ребятишкам конфет привезли?» И заулыбалась: как же она молодёжь, если бы все, кто работает в тундре, так хозяйничали, намного бы богаче люди жили.

— Анна Дмитриевна, а всё же, что удалось сделать, пока ты «властвовала» на Чукотке, какие мечты не сбылись, не реализовались?

— Что сделано... Понимаешь, я сейчас больше о несбывшемся печалюсь. Я не смогла помешать, когда колхозы превратили в совхозы. В колхозе всё делалось сообща, обсуждали, куда деньги потратить, что строить, как молодым помочь. А совхозы стали государственными предприятиями, и людей отодвинули от решения их же проблем. Это было всё первое поражение. Второе поражение случилось, когда заговорили о переносе Анадыря на ту сторону залива, в Угольные копи. Всем было понятно, что город стоит на «семи ветрах», что с волей проблемы, аэропорт на той стороне лимана, уголь тоже, морской причал тоже. Всё подсчитали-рассчитали, выступили, а нам область указание: «Неселесообразно», хотя в денежном выражении это было и не так дорого. Не добились а задуманного, и люди до сих пор страдают, мотаясь туда-сюда через лиман.

— Ну ничего, сейчас новые власти нагрянут в футбол, задумаются о перепланировке Анадыря. Теперь с деньгами проблем меньше, подгадывают и ролят плодотворные проекты. Вы думаете, что было в ваших снах?

— Наш дремучий край всегда представлялся в центре только эзотикой, а там жили и трудились живые люди: рождались, болели, спивались, добывали золото, оленину, морского зверя. Мои коллеги — депутаты Верховного Совета, которые возглавляли Чукотский окрисполком впоследствии... Тэвлято, Отка, Рультегин — столько сил приложили каждый, чтобы оживить современный край. А сейчас всё решают деньги. Мы же на энтузиазме работали. Помню, зашла речь о создании национального ансамбля «Эргырон». Сейчас-то его знает весь мир. А в своё время мы с начальником отдела культуры Алексеем Михайловичем Добрыевым собирали таланты по посёлкам, придумывали костюмы, репертуар. Разве этим не стоит гордиться?

— Говоришь, будто «полёт чайки» с «Эргыроном» танцуете. А ведь за твой энтузиазм тебе не раз по «шапке давали». Три партийных выговора — это нынче доблестно считается, а в те времена — подрыв карьеры.

— Да, были у меня выговоры. Один за сенокос. Обычно сено нам возовили с материка, так как в каждом совхозе по 3-4 коровы имелись. Это нам обходилось в 300 рублей за тонну. И вдруг кому-то в голову пришло, что дешёвые заготавливать на месте, а травы-то на Чукотке нет. Ну собрал я с трудом 20 человек, и отправился мы на косу. Я рабочих привезла, а сама отъехала в Анадырь за продук-

Анна летела на родину с ощущением праздника. Представляла, как приземлится самолёт в разноцветье июльских трав, как зеркально заблестит лиман, разделяющий аэродром и Анадырь, как пройдёт она по обновлённым улицам города, кивая знакомым и незнакомым прохожим, любознательно поглядывающим на залётную гостью. «О, да это наша Анна Дмитриевна!» — признает кто-то. И окунётся она в круговорот встреч, разговоров, застолий со старыми друзьями — тёплыми, родными...

Прилетела. Травы цвели, лиман блестел, чужие люди ходили по анадырским улицам. Старых друзей почти не встретила, а с кем остановилась поговорить — посматривали на Нутэтэргын подозрительно: с чем пожаловала? Не сидится тебе в Москве? У нас другая жизнь — забудь, остынь, новые песни придумала Чукотка. Посидела у могилы отца на кладбище, немного успокоилась: «Вот так, мой друг, мой самый меткий охотник. Я приехала домой, а тут только ты у меня остался». По старой привычке заглянула в администрацию округа. Наткнулась

1968 г.

Анна, бегущая по тундре

ми. Тут нагрянула комиссия, а беринговцы ещё и не начинали косить. Мне блям — и выговор за нерасторопность. А первый выговор был хорошим. Когда в Анадыре в 60-е годы организовывали телевидение, то этот вопрос мне пришлось решать с начальником окружного узла связи Стефаном Михайловичем Михайленко. Это необыкновенный человек — любознательный, современный, собравший у себя замечательную техническую команду. Его ребята и монтировали студию «Орбита». Наше дело с Михайленко было сдвинуто в Москву и выбивать аппаратуру, разрешение на организацию телевидения. Это было огромным прощанием, когда ТВ заработало. А я получаю выговор. За что? Помещения-то у телерадио не было, мы и разместили студию в школе колхозных кадров. Не по назначению использовала помещение, блям — выговор. Но я его носила с гордостью, потому что великая актриса была всей Чукотке от своего телевидения. Мир расширился! Кстати, много лет студия проживала в том помещении, пока не отстроили свой дом. Я причастна к важному делу, так как была тогда председателем окрисполкома, депутатом и членом президиума Верховного Совета в течение восьми лет и была вхожа в правительство. Это, безусловно, помогло решить проблему.

— А не страшно девочке с Чукотки было ходить по правительственным коридорам с суровым дядечкам?

— Понимаешь, у меня было какое-то внутреннее чутьё, осторожность — как зыйти, как задать вопрос, как одеться. Страх не было, но надо было соответствовать. Мы ходили вместе с Павлом Яковлевичем Афанасьевым, нашим первым секретарём обкома партии. Я иду танком, а он замыкает пехотой. Мы приходили к председателю правительства Алексею Николаевичу Косыгину. Конечно, я имела возможность зайти, поставив вопрос как депутат и член президиума, а Павел Яковлевич уже помогал мне обосновать это дело. Да, личности всё были легендарные. Но их дружба, их понимание Чукотки, что это Крайний Север, что надо улучшать жизнь людей, оторванных от цивилизации, помогли решить очень много насущных вопросов. И Чукотка того времени по сравнению с другими го-

родом на Севере — красивым, современным, всё старое, ненужное снесли, замечательно отремонтировали кинотеатр, отстроили супермаркет, культурный центр создали, много молодёжи едет на Аляску учиться, многие едут на футбол в «Челси». Губернатор заботится и о самых маленьких: целые группы детей отправляют в Анапу, в Сибирь, их одевают с ног до головы, они там и учатся, и летают. Раньше это тоже делалось, но в меньших масштабах, конечно.

Да, Чукотка после упалка в перестроечные времена потихоньку возрождается. Но вот что меня удивило: люди как-то изменились. Коренные жители по натуре вообще сдержанные, неразговорчивые, сейчас все молчат, как в рот воды набрали. Я ведь общаюсь: сама езжу в Анадырь, друзья приезжают — ни одной информации. То ли боятся чего-то, то ли за место не держатся руками-ногами. Не дай Бог, что-то не так скажут. Будто тайну какую стерегут. Запуганные какие-то. Жизнь налаживается, а народ мумурет, замыкается. Со мной, как с диверсантом, общаются — настороженно, подозрительно.

Я не знаю, у меня нервы железные, я могу и не такое перенести, но всё же я коренная жительница, а почётный гражданин Анадыря, а меня даже на 80-летие города не пригласили. Нельзя корни обрубать, и из истории края нас нельзя вычеркнуть.

— Анна Дмитриевна, при всей занятости, активности, деловитости ты сумела родить и вырастить дочку. И она тебя из своей истории никогда не вычеркнет. Ты опять возглавляешь большую семью?

— Я бываю там редко, мне трудно сказать глобально. Одно время было там очень плохо: ни сахара, ни муки, ни работы. Ведь раньше все приноси работала, добывали золото. И птица была, и молоко было в посёлках, а потом в одну ночь всё рухнуло, ничего не стало. Это обидно беда была.

Тот момент хорошо описывает Юрий Рытхэу в своих произведениях. Беда произошла много лет. Но с 2000 года пришло новое руководство — Роман Аркадьевич Абрамович. Он видел все эти беды и очень помог. Выделил каждой семье на человека мешок сахара, мешок муки, мешок крупы. На первый случай этого хватило семьям, где ещё есть оленьи мясо. Город Анадырь просто преобразился, стал настоящим го-

родом на Севере — красивым, современным, всё старое, ненужное снесли, замечательно отремонтировали кинотеатр, отстроили супермаркет, культурный центр создали, много молодёжи едет на Аляску учиться, многие едут на футбол в «Челси». Губернатор заботится и о самых маленьких: целые группы детей отправляют в Анапу, в Сибирь, их одевают с ног до головы, они там и учатся, и летают. Раньше это тоже делалось, но в меньших масштабах, конечно.

Да, Чукотка после упалка в перестроечные времена потихоньку возрождается. Но вот что меня удивило: люди как-то изменились. Коренные жители по натуре вообще сдержанные, неразговорчивые, сейчас все молчат, как в рот воды набрали. Я ведь общаюсь: сама езжу в Анадырь, друзья приезжают — ни одной информации. То ли боятся чего-то, то ли за место не держатся руками-ногами. Не дай Бог, что-то не так скажут. Будто тайну какую стерегут. Запуганные какие-то. Жизнь налаживается, а народ мумурет, замыкается. Со мной, как с диверсантом, общаются — настороженно, подозрительно.

Я не знаю, у меня нервы железные, я могу и не такое перенести, но всё же я коренная жительница, а почётный гражданин Анадыря, а меня даже на 80-летие города не пригласили. Нельзя корни обрубать, и из истории края нас нельзя вычеркнуть.

— Анна Дмитриевна, при всей занятости, активности, деловитости ты сумела родить и вырастить дочку. И она тебя из своей истории никогда не вычеркнет. Ты опять возглавляешь большую семью?

— Я бываю там редко, мне трудно сказать глобально. Одно время было там очень плохо: ни сахара, ни муки, ни работы. Ведь раньше все приноси работала, добывали золото. И птица была, и молоко было в посёлках, а потом в одну ночь всё рухнуло, ничего не стало. Это обидно беда была.

Тот момент хорошо описывает Юрий Рытхэу в своих произведениях. Беда произошла много лет. Но с 2000 года пришло новое руководство — Роман Аркадьевич Абрамович. Он видел все эти беды и очень помог. Выделил каждой семье на человека мешок сахара, мешок муки, мешок крупы. На первый случай этого хватило семьям, где ещё есть оленьи мясо. Город Анадырь просто преобразился, стал настоящим го-

родом на Севере — красивым, современным, всё старое, ненужное снесли, замечательно отремонтировали кинотеатр, отстроили супермаркет, культурный центр создали, много молодёжи едет на Аляску учиться, многие едут на футбол в «Челси». Губернатор заботится и о самых маленьких: целые группы детей отправляют в Анапу, в Сибирь, их одевают с ног до головы, они там и учатся, и летают. Раньше это тоже делалось, но в меньших масштабах, конечно.

даю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

на строгую охрану, объяснила цель визита и уже шагнула было в вестибюль, как какой-то бдительный чиновник окликнул миллионера: «А что, собственно, вы её пропускаете, кто она такая?» В 70-80-е годы журналисты захлёбывались, рассказывая об Анне Нутэтэргын. Всё в ней «звучало»: и её фамилия, в переводе с чукотского «бегущая по тундре», и её должность — председатель окрисполкома, то бишь «президент Чукотки», и общественное положение — депутат, член Президиума Верховного Совета СССР. И сама она была высокая, красивая, умная, обаятельная. Умеющая и с великими мира сего запросто пообщаться, и с оленеводами в тундре посидеть у костра, умело нарезать себе куски горячего свежего мяса. Кто-то из коллег называл её Королевой Анной за пунктуальность, стиль, умение говорить кратко и внушительно. Анна всего этого журналистского пафоса не любила, но могу засвидетельствовать как друг, журналист и современник — Анна была такая одна. На всей Колыме и Чукотке.

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

лю общество своих друзей, навещаю их, когда зовут. У меня есть смысл жизни — глубокое общение с друзьями, воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане, на Оле, в Москве. Это наполняет мою жизнь содержанием. Ты не считаешь, ты не носишь, ты не говоришь, что делать нечего — дел много. Я даже не могу сказать, что я устала, хотя я в преклонном возрасте, но я не устала, потому что по жизни я любопытна. Я всегда хочу знать больше, если я общаюсь, то я внимательно отношусь к человеку, с кем я разговариваю. Бывают и застолиа, и я часто устраиваю малюшечки — приходят ко мне Володя Котик — это мой друг, врач, который лечил ме-

УСПЕХ Песнь о русском слове

Недавно довелось услышать грустную шутку. У армянского радио спрашивают: «Почему по радио и по телевизору практически не слышно музыки Грига, Дворжак, Стравинского?» Ответ: «Потому, что они не платят за эфир».

Шутка столь же грустная, сколь и точная — к сожалению, сегодня время повсеместно победившей пошлости. Не эстрада, а именно пошлость — самодовольный, великий поэт прошлого — Гумилев, Ахматова, с другой — наши современники, некоторые из которых совсем ещё молодые люди — Карашин, Ларикова. А для финала кантаты стихи были специально написаны поэтом Кириллом Ковальджи.

Начинается «Песнь о русском слове» значимым — инструментальной миниатюрой, написанной для фортепиано, оркестра и тещи. Суровая, скупая мелодия главной темы делается ещё более прослушанная мною на компакт-диске «Песнь о русском слове» композитора Юрия Алябова, названная автором «Симфоническая поэма-кантата на стихи русских поэтов для симфонического оркестра, фортепиано, хора, солистов и тещи».

Алябов давно известен своими работами в кино, театре, на радио и на телевидении — им написана музыка более чем к двадцати фильмам, последний из которых «Я не вернусь» недавно с успехом прошёл на канале СТС. Кому-то до сих пор памятна его песня «Путь-дорога дальняя», с которой начиналась программа «Красная стрела» на НТВ, а кому-то — музыкальные заставки программы «Точное время» радиостанции «Маяк». Зрители-театралы узнают его по музыкальному оформлению спектаклей «Девичник», «Ришард» и «Ведьма», с успехом идущих сейчас в Москве. Кстати, музыкальный материал к «Ведьме» лёг в основу сольного компакт-диска, выпущенного в прошлом году актёром Сергеем Безруковым. А спектакль «Маскарад» по Лермонтову в постановке кишинёвского театра «Лучафарул» с музыкой Алябова дважды удостоивался Гран-при на международных театральных фестивалях в Бразиле и Бресте.

И вот новый творческий этап в жизни композитора — полноценная крупная форма как по замыслу, так и по выразительным средствам. По словам автора, инициатива создания кантаты принадлежит исполнительному директору ялтинского фестиваля «Телекинофорум» Александру Беликову. В сентябре 2003 года, в международный год Чехова, в рамках фестиваля планировалось открытие памятника великому писателю на одной из набережных Ялты. Вот для церемонии открытия Беликов и предложил Алябову написать «что-нибудь соответствующее». Композитора вдохновила эта идея, но свою задачу он увидел гораздо шире. «Чехов — неотъемлемая часть русской культуры, но русская культура — это не только Чехов. Более того, русская культура — это только часть того загадочного явления, которое называем в мире русский дух. Мне показалось интересным отразить в музыке именно это явление», — говорит композитор.

На мой взгляд, Алябову это полностью удалось. Первое впечатление, которое остаётся после «Песни», это абсолютно русская музыка, но написанная в начале XXI века. Музыка, покоряющая, иногда даже пугающая, своей мощью, широтой и глубиной. Разумеется, искушённый слушатель легко сможет провести парал-

лели с великими музыкальными предтечами композитора — Рахманиновым, Мусоргским, Бородиным, Свиридовым.

Но при этом в каждой ноте ощущается яркая индивидуальность автора, его искренность и преданность общей идее произведения. В значительной мере это определяется подбором поэтического материала — глубоким и тонким. Это, с одной стороны, великие поэты прошлого — Гумилев, Ахматова, с другой — наши современники, некоторые из которых совсем ещё молодые люди — Карашин, Ларикова. А для финала кантаты стихи были специально написаны поэтом Кириллом Ковальджи.

Начинается «Песнь о русском слове» значимым — инструментальной миниатюрой, написанной для фортепиано, оркестра и тещи. Суровая, скупая мелодия главной темы делается ещё более прослушанная мною на компакт-диске «Песнь о русском слове» композитора Юрия Алябова, названная автором «Симфоническая поэма-кантата на стихи русских поэтов для симфонического оркестра, фортепиано, хора, солистов и тещи».

И после такого начала надо бы перевести дух, да не когда — зритель уже втянут в мистические перипетии всего, что связано с русским словом как высшим проявлением русского духа и его проекции во внешний мир — историю, культуру, философию, мировоззрения.

«Богатырская» — вторая часть — в исполнении солиста Театра им. Станиславского Михаила Урсова

— дань русским былинным традициям. Дремлиющая удаль, восхищение родной природой, готовность отдать все, и немалые, силы в борьбе против зла — вот позиция наших дедов и прадедов, дошедшая до сегодняшнего дня. И в борьбе с этой силой враг не остановится ни перед чем. Коварство и предательство — вот его главное оружие. Об этом повествует третья часть — «Мы были сильными» — на стихи Сергея Карашина. Эта часть, по-видимому, самая «хитовая», выражающая современными языком. Жесткий трёх-дольный ритм, чёткие структурированные фразы, мощная, плотная хоральная фактура — всё это создаёт ощущение надвигающейся беды, от которой мороз пробегает по коже. А всему виной излишняя доверчивость русского народа — «...на стол всё лучшее гостям мы ставили, смиренно слушали их речь лукавую...». Удивительные, пророческие слова, так хорошо объясняющие многие факты прошлого и настоящего нашей страны. Печален и финал третьей части — «...мы были сильными — проснулись слабыми, проснулись слабыми, в цепях и в лапах». И чтобы сохранить себя как народ, как нацию, нужно приложить немало сил, отдать немало жизней своих сыновей.

Их памяти посвящена пятая часть — «Пули-Пули» — пронзительное антивоенное произведение в исполнении замечательной певицы Стеллы Аграты. И, наконец, финал, который предвзвешивает Ахматовой — «...мы знаем, что ныне лежит на весах и что совершается ныне...» — своего рода приговор сегодняшнему состоянию культуры в России и тем, кто за этим стоит.

Но русский дух не сломен, и будущее за силами добра и света — таков мощный финальный аккорд, завершающий кантату.

Алексей ЛЕВАНДИЙ

Московское метро. Поздний вечер. В вагон заходит молодой человек и громко сообщает: «Наши у Португалии выиграли – 3:1!» Пассажиры отвечают восторженным гулом. И тут молодой человек уточняет: «Выиграли в волейбол...»

Можно посмеяться, что ничья, а можно и пожалеть. А я поассоциирую. Литературно – так обмолвился бы о нервных зрителях господин Гончаров. «Хожение по мукам» – это

уже реплика Алексея Толстого про футболистов наших. «Басурман» – зло буржуазный Лажечников про немца-судью Мерка. А выигранный с поля

Смертин – клочок «Преступления и наказания» Достоевского. «Гуттаперчевый мальчик» – будто про прыгучего юношу Акима Феева. Сами понимаете, Григорьевич... Португалец Деку, известный симулянт, ко-

нечно же, «Мнимый больной» от Мольера. Отыскался и персонаж Лескова. «Очарованный странник» – португальский коуч Сколари, сыпавший комплиментами соперни-

ку. Ну а нашему Семину позволительно вложить в уста герценовское: «Кто виноват?»

Теперь о будущем. Верно, с горечью восклицает Добролюбов: «Когда же придет настоящий день?» Блес-

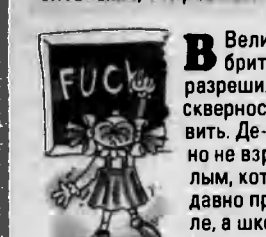
нет пенсне Чернышевского: «Что делать?» И почешет бороду Островский: «Не в свои сани не садись»...

Знаменитых литераторов, «составивших» отчет о матче, аккуратно одиннадцать – целая футбольная команда. Десять наших и один французский «леггионер». Кого супротив них португальцы бы выставили? Камюса с бразильцем Козльо? Тут смелый никаких – побойла бы эта сборная соперников за милую душу...

Валерий БУРТ

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

«Клуб ДС» внимательно следит за событиями не только в России, но и за рубежом. Там жизнь, не в пример нашей, невеселая. Много ругаются, мало улыбаются. Чтобы не быть голословными, отправимся в путешествие за примерами.

Великобритания разрешила сквернословить. Де-юре, но не де-факто, которые давно при деле, а школьникам, которые только в начале пути. Юным созданным позволено пока лишь пять раз за урок высказаться нецензурно. Если они превысят лимит, их вызовут к директору и отругают. Ну а родителям детей, изыскивающимся на чистом English, пришло

Ой, Вань, гляди, какие грубые!

Н а Украине официально никому сквернословить не позволили. Но народ будет это делать теперь в особо грубых размерах. Почему? Да потому, что появился «стимул»: все судопроизводство в стране переведено на украинский язык. Ну а те, кто с мовой не в ладах, должны нанять переводчика. Кстати, на Украине украинцев, не знающих украинский, – аж 20 миллионов человек. Вычитите из этого числа тех, у кого есть дело в суде, и тех, на кого оно заведено. Сколько получается? Много! Значит, какая ругань будет стоять? Правильно, оглушительная!

Злегатня фраза «Вышел в свет» в данном случае относится к альманаху Московского клуба афористики. Увы, газетная площадь позволяет привести лишь малую толику произведений, опубликованных в альманахе. Администрация «Клуба ДС» выбрала пятерых, с сожалением оставив «за кадром» остальных сорок пять охотников за мыслями...

При выборе новостей из всех лол выбрал самое красивое. Если болельщики начинают грубить, значит, он поправляется.

Валерий ЕГИЯНЦ

С НОГ НА ГОЛОВУ

«Я вся твоя...»

«Ударь меня, как в бубен, не жалей, о злоб, и вся твоя! Не жить нам разном! Я билерина музыки твоей! Шенек, о злобный, твоего мороза...»

О, эскулап, сорбоннский выпускник, я вся твоя. Врачу же инфлюэнцу, пока озноб моего колена твой стетоскоп ласкает напрямик.

И он старался объяснить недух, мой доктор. Он вертел меня, как бубен. Но, сжатые, врачевной тайной губы, диагнозом не огорчали слух.

– О, не жалей, – скулила я щенком, – я вся причу. Любуй вердикт, как чудо: чума, холера, оспа и простуда – достойней, чем на вскрытии потом. А лучше иду дай, коль этот мир со мною жить теперь намерен разном...

Но эскулап не осушил мне слезы, а лишь цинично прописал клистир.

Александр КОВАЛЕВ

ПАМЯТНЫЕ ДАТКИ

Любимый «гарнир»

55 лет назад американский писатель Роберт Сильвестр выпустил роман под названием «Вторая древнейшая профессия». Какова первая, знают все, а какова вторая, прибегнув к эзопову языку, сказал сам автор. «Газетное дело...» – сказано в эпиграфе, – это профессия почти столь же древняя, как... словом, это вторая древнейшая профессия». То есть журналисты лживы, пронырливы и продажны. Тогда это были «их нравы». Теперь, увы, и наши, о чем хорошо известно и пишущему народу, и читающему. Так что старинный афоризм Оскара Уайльда: «Журналистика – это организованное злословие» – можно считать весьма своевременным, хотя, к счастью, не совсем точным. Можно сколько угодно ругать нашего брата, но пригрозивший им «гарнир» из слов обожает миллионы.

Василий ТРЕСКОВ

«Отчим Леопольда», – вы в оперетте.

Если имена действующих лиц начинаются с титулов – вы в опере. (Примечание: по умолчанию это распространяется по вертикали от царя до графа, если же от барона до маркиза и ниже – вы в оперетте.)

Если имена действующих лиц напоминают названия соусов, причёсок и кондитерских изделий – вы опять же в опере.

Если фамилии артистов напоминают названия соусов, причёсок и кондитерских изделий – вы в оперетте.

Если фамилии артистов пишутся иностранными буквами, например, Straganoff, Smirnoff, Chesterfield – значит, вы уже в лучшем месте театра – театрального ресторана.

Наслаждайтесь! Борис УШЕРЕНКО

Верхом на колесе

Давно куклет? – спросил он у небритого водителя троллейбуса.

Еще с прошлой недели. Жена послышки приносит, пассажиры носки вжуют.

Металлическая конструкция, созданная из железных автокоробок, иногда шевелилась, а затем вновь застыла, запечатываясь в монументе «Покрой мегаполиса». Станция метро, что поближе, работала с тяжелой одышкой, выкачивая из своего нутра человеческие потоки...

Бендюков нажал на газ и, собрав волю в кулак медитации и разогнавшись, взлетел, как Хоттабыч на ковре-самолете. Потом пошел в штыпор, демонстрируя высший пилотаж дорожного движения. Из переднего бампера выпололо жало, которое вскрывало зазоры, как консервные банки. Вызвано дорожку преградили «Мерседес», покрытый танковой броней и жалящий гусеницами вместо колес. Бендюков не растерялся и, быстро разобрав свою «шестерку» на двухколесный велосипед, лихо зажвильбрировал на нем...

На работу он прибыл вовремя. А потому в хорошем настроении. И даже мысль о вечерних пробах его не страшил: в сейфе был припрятан детский самокат.

Бендюков выскочил из задних колес, перепрыгнул через два автомобиля, затем сделал «горку» на передних колесах, проехал на них вдоль узкого прохода мимо машин и выпрыгнул за световором. Впереди была свобода. Но только на пятьсот метров. Дальше пробка уже проросла мхом. Грузовики и легковушки проржавели от неподвижности и превратились в недвижимость.

Бендюков вырвался и, совершив пируэт на задних колесах, перепрыгнул через два автомобиля, затем сделал «горку» на передних колесах, проехал на них вдоль узкого прохода мимо машин и выпрыгнул за световором. Впереди была свобода. Но только на пятьсот метров. Дальше пробка уже проросла мхом. Грузовики и легковушки проржавели от неподвижности и превратились в недвижимость.

Бендюков вырвался и, совершив пируэт на задних колесах, перепрыгнул через два автомобиля, затем сделал «горку» на передних колесах, проехал на них вдоль узкого прохода мимо машин и выпрыгнул за световором. Впереди была свобода. Но только на пятьсот метров. Дальше пробка уже проросла мхом. Грузовики и легковушки проржавели от неподвижности и превратились в недвижимость.

Бендюков вырвался и, совершив пируэт на задних колесах, перепрыгнул через два автомобиля, затем сделал «горку» на передних колесах, проехал на них вдоль узкого прохода мимо машин и выпрыгнул за световором. Впереди была свобода. Но только на пятьсот метров. Дальше пробка уже проросла мхом. Грузовики и легковушки проржавели от неподвижности и превратились в недвижимость.

Строгая диета

Полное отсутствие интереса к телевидению едва не погубило грузинку Удмиского пивоваренного завода Н., не подозревавшего о губительных последствиях передозировки популярного напитка. А потому он ушел с родного предприятия целых 600 литров пива. Спасли горе-гурмана сотрудники милиции. Теперь ему грозит строгая диета, прописанная в статье 158 Уголовного кодекса.

Голь на выдумки хитра!

Александр ПУШКИН

КРУТЫЕ ПОДМОСТКИ

Если вы попали в незнакомый театр и в руках у вас программа, внимательно прочтите ее, это поможет вам понять, где вы находитесь.

Подруга Шарлотты

усов, причёсок и кондитерских изделий – вы в оперетте.

Если фамилии артистов напоминают названия соусов, причёсок и кондитерских изделий – вы в оперетте.

Если фамилии артистов пишутся иностранными буквами, например, Straganoff, Smirnoff, Chesterfield – значит, вы уже в лучшем месте театра – театрального ресторана.

Наслаждайтесь! Борис УШЕРЕНКО

ОХОТНИКИ ЗА МЫСЛЯМИ

Чтобы поставить мужчине на колени, порой достаточно обнажить свои. Женщина – лекарство, которое полезнее принимать на ночь.

Трудные времена начинаются с временных трудностей. Теорема: есть жизнь на том свете. Аксиома: нет жизни на этом.

Секс тем и отличается от любви, что ему не все возрасты покорны. Сколько человека ни воспитывай, он все равно хочет жить хорошо.

Путь к сердцу вегетарианца усеян кожурой и огрызками. Не путайте новобранцев с новобранцами: последние точно знают срок своей службы.

Валерий ЕГИЯНЦ

Наталия ХОЗЯИНОВА

Борис ЗАМЯТИН

Татьяна КЛЕЙМАН

Сергей СИДОРОВ

Валерий ЕГИЯНЦ

Наталия ХОЗЯИНОВА

Борис ЗАМЯТИН

Этой осенью – Булгаков. На Радио «Культура»

В эфире Радио «Культура» – премьера 10-серийного радиоспектакля «Театральный роман. Записки покойника» (с 19 по 30 сентября, по будням в 12.00, с повтором в 18.00). Именно так, с двойным названием, выйдет новая радиоверсия знаменитой книги Мастера. Это не прихлуды современной интерпретации. На самом деле у этой книги два названия. Первое – «Театральный роман», а второе, судя по рукописи – подчеркнутое двумя чертами рукой автора, – «Записки покойника». И совершенно очевидно, что именно это второе название предпочитал сам Булгаков. Но, увы, не ему было суждено решить, с каким названием роман выйдет в свет, ибо напечатан он был четверть века спустя после его смерти – в 1965 году. В этом году исполняется 40 лет со дня публикации «Театрального романа».

Творчество большого писателя, как правило, автобиографично. Сочинения Булгакова не исключение. Художественная фантазия Булгакова и реальность его жизни в «Театральном романе» причудливо переплетаются. Иногда трудно понять, где кончается реальный факт и где начинается полное фантастическое преображение его в книге. Именно поэтому в инсценировке появляются комментарии Анатолия Смелянского, который наряду с исполнителями главных ролей является своего рода «историком и летописцем» жизни М. Булгакова МХАТовского периода.

Бессмертная булгаковская исповедь о любви и ненависти к театру будет представлена тремя замечательными актерами, которые так или иначе связаны с Художественным театром – прототипом «Независимого театра», в котором живут и действуют герои булгаковского романа. Это Олег Павлович Табаков, который ныне руководит Московским Художественным театром, а связан с ним с начала 60-х годов, это Юлия Рутберг и Максим Суханов – звезды Вахтанговского театра – бывшей студии опять-таки Художественного театра, это и Анатолий Смелянский – ныне ректор Школы-студии МХТ, историк театра, знаток творчества Михаила Булгакова.

Также в сентябре в эфире Радио «Культура» подборка программ, посвященная творчеству М.А. Булгакова. 18 сентября в 11.00 и в 21.00 – радиоспектакль «Роковые яйца» Булгакова. В этом году исполняется 80 лет со дня публикации этого произведения.

Каждый день, с 1 по 31 сентября, – «Булгаковская игра». Ценные призы смогут выиграть не только знатоки творчества Булгакова, но и те, кто будет внимательно слушать эфир Радио «Культура».

В сентябре гостями ток-шоу «Действующие лица» будут актеры и режиссеры – участники булгаковских кинотеатральных и телевизионных проектов – Олег Табаков, Юрий Любимов, Максим Суханов, Юлия Рутберг, Владимир Бортко, Юрий Кара, Сергей Женовач, Михаил Пореченков, Константин Хабанский; исследователи творчества Булгакова – Анатолий Смелянский, Мариэтта Чудакова – и даже родственники писателя.

Каждый день в эфире будут звучать «Премудрости от Мастера» – культовые цитаты из произведений М.А. Булгакова.

Красивые страны! Красивый отдых!

Регулярные рейсы: Абу-Даби, Актау, Алматы, Анадьр, Атырау, Бангкок, Берлин, Гонконг, Денпасар, Дубай, Екатеринбург, Иркутск, Караганда, Киев, Куала-Лумпур, Лондон, Мале, Монреаль, Новосибирск, Одесса, Пафос, Петропавловск-Камчатский, Санкт-Петербург, Симферополь, Сингапур, Тель-Авив, Утапао, Франкфурт, Чимкент, Эдинбург, Южно-Сахалинск.

Чартерные направления: Барселона, Варадеро, Гоа, Зальцбург, Пунта Кана, Пхукет, Рио-де-Жанейро, Саломики, Тенерифе, Турин, Хургада, Шарм-Эль-Шейх.

*Спрашивайте в турфирмах

Все начинается с авиакомпании

TRANSAERO

Наши билеты ждут Вас на www.fly-UN.com

Полная информация на www.transaero.ru